

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**Культурно-просветительский
и образовательный журнал**

Выходит четыре раза в год

Том 12, № 1 2023

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, директор Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Борисов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам.зав. кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры связи с общественностью, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: nechaevv@mail.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Филонов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: filonovvi@mail.ru

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Брузати Лука, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Editorial Council of «Journal of Public and Municipal Administration»

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Arabadjiiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Astafichev Pavel, Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Bagdasaryan Vardan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Borisov Alexander, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Gorin Dmitry, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Eliseev Anatoly, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of State and Legal Disciplines and Social Security, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Zaluzhny Alexander, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Zaitsev Vladimir, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Zubarev Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Ivanov Hristo Marinov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria, Varna), e-mail: xiza@abv.bg

Karadzhova Milena, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Maslennikov Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Melikhova Angela, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Meneguzzo Marco, Doctor of Economics, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Mikhailchenko Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Nekhaev Victor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Nechaev Dmitry, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Ruchkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Saran Alexander, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Filonov Vladimir, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: filonovvi@mail.ru

Editorial Board:

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Litvov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Mironenko Nadezhda, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy editor-in-chief of the magazine development (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Arabadjiiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Меркулов П.А.	Деятельность политорганов красной армии в годы Великой Отечественной войны	11
Никитин Е.В.	Маршалы бронетанковых войск	23
Шестаков А.А.	Участие 6-й Орловской стрелковой дивизии в наступательных операциях апреля-мая 1945 г.	38
Чапаева А.М.	Благотворительность в области здравоохранения в период Первой мировой войны (на примере Ярославской губернии)	47

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ливцов В.А., Демидов А. Г.	Влияние движения добровольных помощников-реставраторов на сохранение историко-культурного наследия в России	55
Елисеев А.Л., Титова Е.В.	Опыт зарубежных стран в практике реализации современной молодёжной политики в Российской Федерации	64
Дробот М.В.	История становления донского комсомола в деревне в 20-е годы XX века	78
Власов Ю.И.	Зарождение профсоюзов орловской губернии: на примере деятельности болховского союза кожевников (1905–1919 годы)	88
Цыбаков Д.Л.	Происхождение мифа о казачестве в контексте становления украинского национализма в XIX – XX столетиях	98

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Хазанов А.М., Гасратян С.М.	Отношения Израиля и Сирии в 1948–1967 гг.	107
--------------------------------	---	-----

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Тарасов В.Е.	Новомученики и исповедники белгородские: проблемные аспекты канонизации и изучения подвига	125
--------------	--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Баушов Р.Б.	Протестное движение в духовных учебных заведениях города Курска в начале XX века	133
-------------	--	-----

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аронов Д.В., Астрахан В.И.	История правового обеспечения деятельности НКВД СССР – решения высших партийных органов как источник советского права	144
-------------------------------	---	-----

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВА

Шачнев Д.С.	Роль органов императорской охраны в создании кинологической службы в России в начале XX века	157
-------------	--	-----

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Полухин О.В.	Преобразования Дмитровска и его уезда в XVIII в.	169
Герман Р.Э.	Борьба с эпидемиями как фактор освоения Российской империей пространства Кавказа в первой половине XIX века	178

CONTENTS

MILITARY CHRONICLE

Merkulov P.A.	Activities of political organs of the Red Army during the Great Patriotic War	11
Nikitin E.V.	Marshals of Armored troops	23
Shestakov A.A.	The participation of the 6th Orel Rifle Division in the offensive operations in April-May 1945	38
Chapaeva A.M.	Charity in healthcare service during the First World War (the case of Yaroslavl province)	47

REFORMS AND INSTITUTIONS: HISTORY AND MODERNITY

Litsov V.A., Demidov A.G.	The impact of the voluntary assistant restorers movement on the conservation of historical and cultural heritage in Russia	55
Eliseev A.L., Titova E.V.	The experience of foreign countries in the implementation of modern youth policy in the Russian Federation	64
Drobot M.V.	The history of the Don Komsomol development in the village in the 20s of the 20th century	78
Vlasov Yu.I.	The emergence of trade unions of Orel province: a case of the activities of the Bolkhov Union of Tanners (1905 – 1919)	88
Tsybakov D.L.	The origin of the myth of the Cossacks in the context of the formation of Ukrainian nationalism in the 19th–20th centuries	98

GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Khazanov A.M., Gasratyan S.M.	Israel - Syria relations in 1948–1967	107
----------------------------------	---------------------------------------	-----

STATE, RELIGION AND CHURCH

Tarasov V.E.	The New Martyrs and Confessioners of Belgorod: the canonization problems and the study of the feat	125
--------------	--	-----

CONTENTS

Baushov R.B.	Protest movement in theological educational institutions of the town of Kursk at the beginning of the 20th century	133
--------------	--	-----

HISTORY OF LEGAL RUSSIAN STATEHOOD

Aronov D.V., Astrakhan V.I.	The history of legal support of the activities of the NKVD of the USSR - decisions of the highest party bodies as a source of soviet law	144
--------------------------------	--	-----

HISTORY OF NATIONAL SECURITY AND PROTECTION OF THE STATE

Shachnev D.S.	The role of the Emperor security in the dog service development in Russia at the beginning of the 20th century	157
---------------	--	-----

HISTORY OF TERRITORIES DEVELOPMENT

Polukhin O.V.	Transformations of Dmitrovsk and its county in the 18th century	169
German R.E.	The fight against epidemics as a factor in the development of the Russian Empire in the Caucasus in the first half of the 19th century	178

УДК 355.233"1941/1945"

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-1-11-22

МЕРКУЛОВ Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории, политологии и государственной политики, директор Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: director@orel.ranepa.ru, AuthorID: 382668

MERKULOV P.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History, Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: director@orel.ranepa.ru, AuthorID: 382668

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТОРГАНОВ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ACTIVITIES OF POLITICAL ORGANS OF THE RED ARMY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе опыта создания и функционирования политорганов в годы Великой Отечественной войны. Рассматривается их роль в укреплении боевой готовности и политико-морального состояния воинских соединений, участвующих в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Раскрывается содержание, различные формы и методы политической работы на различных этапах войны. Отмечается, что деятельность политорганов была направлена на воспитание у личного состава патриотизма, поддержание высокого морального духа и профессиональных качеств защитников Отечества. Работа проводилась в тесной координации с командирами воинских подразделений и зависела от задач военного времени. Приводится фактологический материал, раскрывающий различные аспекты деятельности политорганов разного уровня. Обобщаются, вытекающие из исторического опыта деятельности политорганов уроки, которые могут быть использованы при строительстве современной системы политической работы в российской армии.

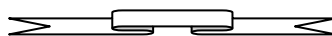
Ключевые слова: Великая Отечественная война, политорганы, комиссар, политработник, идеологическая работа, военная пропаганда, военная печать.

Abstract. The purpose of the study is to analyze the activities of political organs during the Great Patriotic War.

Their role in strengthening the tactical efficiency and political and moral state of the military formations participating in the struggle against the Nazi invaders is considered. The content, various forms and methods of political work at various stages of the war are revealed. The author notes that the activities of the political organs were aimed at patriotic education among the personnel, the maintenance of morale and professional qualities of the defenders of the Fatherland. The work was carried out in close coordination with the commanders of military units and depended on the tasks of wartime. Factual material is provided that reveals various aspects of the activities of political organs at different levels.

As a result, the author comes to the conclusion that the historical experience of the activities of political organs can be used in the construction of a modern system of political work in the Russian army.

Keywords: Great Patriotic War, political organs, commissar, political officer, ideological work, military propaganda, military press.

ВВЕДЕНИЕ

Рост боевых возможностей вооруженных сил в ходе военных действий во многом зависит от морального состояния армии. Это прекрасно понимали в руководстве СССР. Поэтому большое внимание уделялось усилению роли военных партийно-политических органов в действующей армии. На протяжении Великой Отечественной войны ЦК партии большевиков непрерывно работал по укреплению своих позиций в воинских формированиях, улучшая политическую работу в войсках. Партийные органы на каждом этапе войны ставили задачи перед вооруженными силами, ведя при этом широкую партийно-политическую работу по разъяснению воинам Красной Армии развития событий, укрепляя уверенность в грядущей победе над врагом. С первых дней военных действий партийные органы призывали до последней капли крови защищать каждую позицию, до последней возможности держать каждый рубеж обороны. Во время зимнего контрнаступления 1941–1942 годов идеологическая работа уже велась под другими лозунгами. На первое место вышли призывы очистить родную землю от немецко-фашистских захватчиков, сорвать попытки немцев закрепиться на рубежах обороны. Партийные органы в ходе агитационно-пропагандистской работы призывали бойцов громить и уничтожать живую силу и технику врага. Летом 1942 года, когда ситуация на фронтах ухудшилась и наши войска, прежде всего на юге, были вынуждены отступать, партийные организации, как и в первые месяцы войны, вновь выступали с требованиями защиты каждого клочка родной земли. В 1943 году, после перехода в общее наступление, главным стал призыв «Вперед, за полный разгром немецких оккупантов!». В последние годы войны

приоритетные задачи в идейно-политической сфере заключались в полном освобождении Родины от врага и сокрушении немецкого фашизма в его логове – фашистской Германии.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Партия большевиков осуществляла руководство в вооруженных силах страны через свои органы в армии и флоте – Главное политическое управление Красной Армии и Военно-Морского Флота, политуправления и политотделы. Всю эту работу с лета 1942 года курировал секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков. Также был создан Совет военно-политической пропаганды. Он должен был обобщать опыт политической работы в войсках, оказывать помощь в идейно-политическом воспитании воинов. Одновременно при управлении создавались группы штатных и внештатных агитаторов. Ими стали многие видные государственные и общественные деятели, представители творческой интеллигенции. Деятельность этих структурных образований была направлена на совершенствование деятельности политорганов, партийных организаций по укреплению боевой мощи армии и флота, воспитанию высоких морально-боевых качеств у воинов. К началу Великой Отечественной войны Красная Армия насчитывала 947 политорганов. К концу 1943 года в Красной Армии имелось 2440 политорганов. К концу Второй мировой войны их количество возросло до 3517 (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 212. Л. 154).

В ходе военных действий в армии и флоте происходил качественный рост кадровых партийных работников – военных комиссаров, а затем заместителей командиров по политической работе (после введения в армии единоначалия в октябре 1942 года).

Институт военных комиссаров вводился в Советской армии (Советской стала называться с февраля 1946 года) три раза (1918–1928 годы; 1937–1940 годы; 1941–1942 годы). Это всегда было самое сложное и самое тяжелое время в истории нашей страны.

В Великой Отечественной войне институт военных комиссаров был возрожден 16 июля 1941 года (АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 23. Л. 49–57, 64–70) [2, С. 37–40] в соответствии с решением Политбюро ЦК партии и указом Президиума Верховного Совета для оказания помощи командирам Красной Армии в сохранении порядка и дисциплины в воинских формированиях. В указе Президиума Верховного Совета отмечалось, что «война расширила объем политической работы в армии», политработникам нельзя ограничивать свою работу пропагандой, а нужно нести ответственность и за военную работу на фронтах. Они выступали представителями партии и правительства в армии [8, С. 307]. Центральным моментом в их деятельности являлась работа по воспитанию личного состава. Наряду с этим они осуществляли руководство деятельностью политорганов. Комиссар нес ответственность за деятельность партийных и комсомольских организаций воинских подразделений. Это нашло своё отражение в публикациях центральных военных газет 1941–1942 годов.

В целом введение института военных комиссаров было вынужденной мерой. По мнению руководства страны, это должно было укрепить моральный дух в войсках, навести порядок в действующей армии, поднять дисциплину и повысить боевые возможности воинских подразделений в условиях тяжелейших оборонительных сражений в первые месяцы войны. Этот институт упразднили только после того, как большинство команди-

ров получило достаточный боевой опыт, выросло в профессиональном плане и морально-политическом отношении.

Однако полностью отказываться от накопленного опыта было нецелесообразно. Поэтому было принято решение о сохранении сложившейся вертикали политорганов в армии путем введения института заместителей командиров по политической части. Они вместе с партийными и комсомольскими структурами составили каркас партийно-политического аппарата в войсках. В условиях вернувшегося единоначалия в воинских формированиях замкомандира по политической части превратились в органы политического воспитания военнослужащих и выполнения в войсковых соединениях партийно-политической работы.

Большое внимание уделялось подготовке политработников в специализированных училищах. К началу войны армия и флот имели около 50 тысяч политработников. К началу 1943 года подготовили более 95 тысяч политработников, что вдвое больше, чем к началу 1942 года. К концу 1944 года в армии насчитывалось около 138 тысяч политработников [3, С. 135]. Политорганы действующей армии постоянно находились в самой гуще военных действий. Не случайно безвозвратные потери в данных структурах за годы войны составили около 100 тысяч человек.

В целом политработники строили свою работу через воспитание бойцов в духе любви к Родине, своему народу. Они на личном примере показывали, как нужно воевать, и тем самым воодушевляли красноармейцев в трудные минуты боя. Газета «Правда» писала, что «в историю войны ... войдет фигура политрука, с автоматом в руках, в маскировочном халате и каске, идущего впереди и увлекающего за собой бойцов к достижению

возвышенной и благородной цели – разгрома германских фашистов и освобождения своего Отечества...» [16]. Не случайно один из ярчайших символов Великой Отечественной войны связан с фигурой политрука Алексея Еременко, поднявшего в атаку бойцов и сраженного врагом после этого. И таких, как он, было много. За годы войны 362 политработника были удостоены высокого звания «Герой Советского Союза».

Деятельность военных комиссаров и политруков в годы войны была направлена на проведение в воинских формированиях стратегической линии руководства страны, ведение массовой агитационно-пропагандистской и политико-воспитательной работы с личным составом воинских частей. Своим личным примером они вдохновляли бойцов Красной Армии на бескомпромиссную борьбу с врагом, вели за собой воинов в атаку, в самые критические периоды войны поддерживали веру в неизбежную победу над злейшим врагом и поднимали морально-боевой дух в воинских частях.

Даже враг высоко оценивал роль политруков в истории войны. Так, немецкий генерал В. Варлимонт перед Нюрнбергским процессом отмечал, что еще перед началом войны А. Гитлер, выступая перед генералитетом армии, говорил о будущей войне как о столкновении двух противоположных идеологий. В этой связи он требовал, чтобы политработников и комиссаров не считали военнопленными, их нужно сразу же отдавать в специальные группы полиции безопасности и СД [6, С. 145]. В соответствии с директивой Ставки немецкого командования политические руководители не должны считаться военнопленными, а подлежат уничтожению; их нельзя эвакуировать в тыл [3, С. 345].

Политорганы непосредственно и повсе-

дневно руководили работой военных партийных организаций, которые являлись звеном партии в вооруженных силах. Партийные организации в армии быстро росли и мужали. Так, если в начале 1942 года их было немногим более 26,7 тысячи, то через год их число увеличилось до 41,1 тысячи [7, С. 318]. При этом стоит учитывать, что до мая 1943 года первичные партийные организации создавались только в полках и отдельных подразделениях.

В последующие годы большое внимание стали уделять функционированию ротных и приравненных к ним парторганизаций. Именно там воины Красной Армии получали основные навыки армейской жизни, совершенствовали свое боевое мастерство. Важность ротных парторганизаций подчеркивалась требованием создавать в ротах «полнокровные ротные партийные организации...» [17]. В начале 1942 года в армии насчитывалось чуть более 54,5 тысячи ротных и приравненных к ним организаций. Однако через год их число значительно выросло и достигло 95,3 тысячи. В середине войны в полку насчитывалось до 30 ротных партийных организаций, т. е. их количество выросло в 5–6 раз по сравнению с началом войны.

Наличие сильных парторганизаций, работающих непосредственно в воинских подразделениях, знающих обо всех нуждах воинов, являлось важнейшим и неременным условием высокой боеспособности армии.

В мае 1943 года произошло изменение структуры партийных организаций Красной Армии. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) в стрелковом полку организовывали партийное бюро полка, возглавляемое парторгом, в батальоне и роте – батальонную или ротную партийные организации во главе с парторгом [8, С. 323]. При этом

парторг на уровне батальонов и дивизионов являлся кадровым работником. Вводилось назначение парторгов, что позволяло очень быстро производить замену выбывших в ходе сражений руководителей парторганизаций, сохраняя при этом непрерывность партийной работы и влияния в воинских частях. Данная система наиболее полно отвечала условиям боевых действий.

Аналогичным образом были реорганизованы и комсомольские организации. Если к концу 1942 года в действующей армии насчитывалось 32,2 тысячи первичных и 103,6 тысячи ротных комсомольских организаций, то во второй половине 1943 года их количество возросло до 55,2 тысячи первичных и 105 тысяч ротных организаций соответственно. В общей сложности в армии и флоте воевало около 2,4 миллиона комсомольцев.

На второй день войны ЦК ВЛКСМ принял Постановление «О мероприятиях по военной работе в комсомоле». Документ предусматривал перестройку всей деятельности комсомольских организаций в условиях войны [12, С. 192–193]. Все комсомольцы были обязаны пройти военную подготовку. В годы войны в ряды защитников Родины ушло 3,5 миллиона комсомольцев.

Результатом этих преобразований явилось то, что структура партийных органов стала более подвижной и гибкой. На лето 1943 года она включала в себя более 60 тысяч первичных организаций. В следующем году их количество выросло до 79 тысяч. Всё это сказалось на усилении политического влияния партии коммунистов на бойцов Красной Армии.

В годы войны компартия стремилась обеспечить авангардную роль коммунистов в боевых действиях. Об этом не раз писала

газета «Правда» [15]. В архиве Минобороны хранятся документы, где отмечается, что «коммунистам в бою ... проявлять мужество, личный пример, воодушевлять бойцов и тем самым обеспечивать выполнение боевого приказа» (ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 48. Л. 68). Аналогичные требования содержались и в партийных поручениях. Партийные организации занимались популяризацией боевого опыта воинов-коммунистов, воспитывали бойцов на примерах героической борьбы большевиков в событиях Октябрьской революции, Гражданской войны и иностранной военной интервенции, на подвигах советских людей в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками.

В деятельности политорганов и партийных организаций на фронте имела и другая не менее важная задача – политическое воспитание бойцов. В условиях тяжелого лета 1942 года ЦК партии отмечал необходимость самой широкой, массовой политической агитации, охвата ею каждого бойца. Этой деятельностью должны были лично заниматься все руководящие работники армии и флота.

Наиболее продуктивным методом в этом отношении выступала агитация. Для широкого развертывания этой сферы деятельности в армии создавались лекторские группы, группы агитаторов; вместо должности инструктора пропаганды в полках и дивизиях вводились должности агитаторов. Во всех подразделениях был пересмотрен состав агитаторов. Ими становились наиболее опытные бойцы, доказавшие в боях свою преданность Родине, награжденные государственными наградами за свои боевые деяния. Среди таких агитаторов большинство составляли коммунисты. Фактически агитаторы стали центральными фигурами в проводимой в войсках политической работе.

Так, в 6-й Орловской краснознамённой стрелковой дивизии в 1943 году были сформированы агитколлективы при политотделе дивизии и в трёх стрелковых полках, в которых насчитывалось 56 агитаторов (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 72–73). Практически все они являлись членами компартии. Наряду с этим в частях дивизии проводили политическую работу 132 взводных агитатора (96 человек являлись коммунистами, 14 – комсомольцами, 22 – беспартийными), 169 агитаторов в отделениях (101 коммунист, 26 комсомольцев, 42 беспартийных) (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 71). Всего в дивизии перед началом наступательных действий в 1943 году, согласно отчету политотдела дивизии, имелось 915 агитаторов, из них 341 член ВКП(б), 271 комсомолец, 308 беспартийных (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 58 об.).

Политорганы готовили тематику лекций, докладов и бесед для фронтовых докладчиков и беседчиков. К 25-й годовщине Красной Армии ГлавПУР разработал следующие темы для агитаторов: «Ленин и Сталин – организаторы и вожди Красной Армии», «Боевой путь Красной Армии», «Источники силы Красной Армии», «Красная Армия – армия боевого содружества и братства народов Советского Союза», «Отличная боевая выучка войск, железная дисциплина и укрепление военначалия в армии – условие победы над немецко-фашистскими оккупантами», «Всенародное партизанское движение – одно из важнейших условий нашей победы в Великой Отечественной войне» и другие (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 1). По этим вопросам сначала проводились инструктивные совещания с агитаторами подразделений, докладчиками. Затем уже они начинали свою работу среди военнослужащих дивизии.

Стоит отметить, что политорганы подготавливали различные темы для проведения бесед в зависимости от ситуации, складывающейся на фронте. Так, 9 марта 1943 года, в условиях оборонительных боев, политотдел 6-й армии Юго-Западного фронта рекомендовал политотделу 6-й Орловской стрелковой дивизии следующие темы: «Не уступать врагу ни пяди отвоеванной земли», «Стойкость в обороне – дело чести пехоты», «Отступление без приказа свыше – предательство и измена Родине», «Враг будет разбит на крепкой обороне» и т. д. (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 4). Когда ситуация на фронте стала меняться, и Красная Армия начала переходить к наступательным операциям, изменилась и тематика лекций и бесед.

Политорганы вели агитационную работу с различными категориями военнослужащих. Тематика докладов и лекций для командного и политического состава была посвящена военным вопросам и вопросам военного воспитания: «Природа современного боя и тактика Красной Армии», «Новое в Военном Уставе пехоты», «Опыт Красной Армии по прорыву обороны и взламыванию немецких оборонительных узлов (на примере боевых действий Юго-Западного фронта)», «Наступательные бои Красной Армии 1942–1943 гг. (военно-оперативный разбор отдельных операций частей и соединений ЮЗФ)», «Классический пример военного мастерства по окружению и уничтожению немецкой армии под Сталинградом» и т. д. (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 15).

Для лекций, докладов и бесед с командирами рот и взводов предлагались другие темы: «Приказ Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина № 95 – боевая программа победы над врагом», «Итоги зимней кампании Крас-

ной Армии в 1942–1943 гг.», «Воинское воспитание командира», «Как оборудовать опорный пункт роты и взвода», «Боевой актив – опора командира рот (или роты) и взвода», «Маневр в оборонительном бою», «Маневр в наступательном бою» и т. п. (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 27).

Для младшего командного состава разрабатывались и проводились лекции, доклады и беседы по следующим темам: «Каким должен быть младший командир – одна из центральных фигур Красной Армии», «Отделение в обороне (окопы, маскировка, система огня)», «Отражение контратак противника», «Маневр отделения в оборонительном и наступательном бою», «Паникеры и трусы – предатели Родины: как бороться с ними», «Зверства немецко-фашистских захватчиков» и т. д. (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 30).

Рядовому составу читались лекции, с ним проводились беседы по следующим вопросам: «Текущий момент и наши задачи», «Боец, будь бдителен в обороне!», «Дисциплина и порядок – залог успехов Красной Армии», «Не знать страха в борьбе с врагами!», «Воинская честь» и т. п. (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 30).

Имелась отдельная тематика и для женщин-военнослужащих: «Что дала женщине советская власть», «Советская женщине в Великой Отечественной войне», «Патриотизм русской женщины в героическом прошлом русского народа», «Русская классическая художественная литература о патриотизме русской женщины», «Советские женщины – героини-партизанки» и т. д. (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 56).

Более активно стали заниматься этой работой и командиры воинских подразделений, политработники. Всё это значительно улуч-

шило политическую агитацию в войсках, сделав ее более целеустремленной (это характеристика человека) и основывающейся на конкретных примерах.

Большую роль в политическом воспитании выполняла военная печать – газеты, журналы, брошюры, которые в большом количестве распространялись в действующей армии. Ещё 23 июня 1941 года перед фронтовыми, армейскими и дивизионными газетами была поставлена задача по широкому разъяснению в войсках речи Молотова об отечественной войне. В этом же документе были сформулированы главные моменты, стоящие перед печатью в боевых условиях (воспитание героизма, мужества; информирование об успехах отдельных бойцов, частей и т. д.) (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436с. Д. 3. Л. 187–189). Военной печати предписывалось освещать партийную и комсомольскую жизнь, авангард коммунистов и комсомольцев в бою. В самом начале войны был налажен выпуск газет на иностранных языках (издавались 18 газет, их них 10 – на немецком языке) [1, С. 379, 381]. Эти газеты распространялись с помощью авиации, отдельных подразделений, уходящих в тыл врага и в наземную разведку, партизанских соединений (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 3. Л. 131, 133). Началось регулярное радиовещание на немецком, финском и румынском языках. Все разработанные пропагандистские материалы включались в программы звуковещательных станций.

В другом документе, датированном 10 декабря 1941 года, отмечалось, что в сложившихся условиях во всех газетах и в других печатных изданиях необходимо заменить лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на лозунг «Смерть немецким оккупантам!» (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 4.

Л. 103). Данное предписание объяснялось тем, что в условиях войны с немецко-гитлеровскими империалистами это может быть неправильно истолковано определенными прослойками военнослужащих. Этот лозунг сохранялся только для литературы, издаваемой для войск противника.

К концу 1943 года имелись: три центральные газеты – «Красная звезда», «Красный флот», «Сталинский сокол»; 13 фронтовых газет; 128 – армейских и корпусных; несколько сот дивизионных; 70 – на флоте. Кроме этого, в войсках широкое хождение имели все центральные газеты и журналы, издававшиеся в СССР. Фактически один экземпляр печатного издания приходился на двух-трех воинов. С помощью газет можно было вести пропагандистскую работу одновременно с тысячами бойцов. Периодическая печать сопровождала солдат и во время отдыха, и во время передвижения, и во время боя.

Отмечая возросшую роль военной печати, ЦК партии коммунистов в своем постановлении отмечал, что необходимо «всемерно повысить их роль в политическом, военном и культурном воспитании личного состава Красной Армии и сделать их важнейшим центром политической работы» [8, С. 323–324].

Аналогичные требования содержались и в директиве ГлавПУ РККА № 09 от 26 июня 1943 года по улучшению руководства фронтовыми, армейскими и дивизионными газетами (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 9. Л. 59–60).

Была проведена работа по усилению кадрами редакций газет. Политорганы стали глубже вникать в содержание работы редакционных коллегий газет, ставить перед ними конкретные задачи, тесно переплетающиеся

с боевой деятельностью военных подразделений. Важным аспектом, определяющим действенность военной печати, стало укрепление ее связи с массой красноармейцев. Вокруг газет сформировался значительный военкоровский актив.

Политико-воспитательная работа быстрыми темпами развивалась среди бойцов нерусской национальности, так как они составляли около 30 % личного состава воинских подразделений. Еще в сентябре 1942 года директивой ЦК партии предписывалось усилить работу с данной категорией военнослужащих. Политорганы армий и фронтов пополнились инструкторами по работе среди воинов нерусской национальности. В последующем стали формировать и штат агитаторов из представителей нерусской национальности. Так, в 6-й стрелковой дивизии работу по агитации проводили 17 представителей нерусской национальности (белорусы, украинцы, казахи, татары, башкиры, чуваша и т. д.) (ЦАМО. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 46. Л. 34, 71). Стоит отметить, что 64 газеты стали издавать на национальных языках Страны Советов.

Работа по политическому воспитанию в вооруженных силах приобрела более действенный характер, строилась в неразрывной связи с боевыми задачами войск.

Всё это не могло не привести к значительному притоку в партийные организации действующих подразделений новых сил. Многие отважные воины считали своим долгом вступить в члены коммунистической партии. Они прекрасно знали, что партийный билет дает им только одну привилегию – первыми идти на выполнение самых трудных боевых задач.

Начиная с 1942 года армейские партийные ряды пополнялись, прежде всего, за счёт

бойцов, отличившихся в боях. Только за вторую половину этого года партийные организации пополнились 265 тысячами членов и 673 тысячами кандидатов в члены партии большевиков. Общее количество армейских коммунистов к концу года составило 1,064 миллиона человек, а 875 тысяч являлись кандидатами в её ряды. Только за один год, являющийся одним из самых тяжелых и трудных этапов в ходе Великой Отечественной войны, партийные ряды выросли более чем в полтора раза. Еще более масштабный рост партийных масс произошел в 1943 году. Партия пополнилась 803 тысячами членов и более 1,37 миллиона кандидатов в члены партии. В конце 1944 года в армии насчитывалось более 2 миллионов членов и около миллиона кандидатов в члены коммунистической партии. В 1942–1944 годах армейские и флотские партийные организации принимали в среднем ежемесячно по 100 тысяч кандидатов в члены партии. Всего с 1 июля 1941-го по 1 июля 1945 года кандидатами в члены партии стали 3,788 миллиона человек, а непосредственно членами партии – 2,376 миллиона воинов. Непрерывное пополнение партийных рядов позволяло возмещать боевые потери воинов-коммунистов и обеспечивать укрепление партийных организаций. А это, в свою очередь, расширяло влияние парторганизаций на массы воинов.

Большое внимание уделялось пропагандистской работе с населением страны, оказавшимся на временно оккупированной территории в тылу противника, а также с бывшими соотечественниками, воевавшими на стороне противника. В политорганах Красной Армии функционировала целая система органов по работе с населением оккупированных регионов. Так, до лета 1944 года (до полного освобождения территории СССР от

немецких войск) при политотделах армий функционировали отделения по работе с населением оккупированных областей. Их работу курировал ГлавПУ РККА.

Важной частью партийной работы на фронтах стало ведение контрпропаганды среди войск противника, а также среди населения, находящегося на временно оккупированной территории, и среди мирного населения противника. Вся эта пропагандистская работа велась в соответствии с изменениями в военно-политической обстановке. С конца 1942 года к работе среди войск противника и его населения стали активно привлекать военнопленных-антифашистов. Это значительно расширяло фронт идеологической борьбы с врагом, делая пропаганду более действенной.

Контрпропаганда в войсках противника и среди его мирного населения велась фактически с первых дней войны и в довольно больших масштабах. Только за первые дни войны распространили миллионы экземпляров пропагандистской литературы. Директива начальника Главного управления политической пропаганды Красной Армии от 26 июня 1941 года предписывала перевести на немецкий язык каждый из 10 лозунгов, имеющих в документе, и после печатания каждого по одному миллиону разбросать их с самолета среди немецких войск (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 2. Л. 330–331). В другой директиве – № 065 – предписывались аналогичные действия в отношении венгерских войск (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436с. Д. 3. Л. 237–237 об.).

Аналогично следовало действовать и в отношении мирного населения захваченных фашистами стран (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436с. Д. 3. Л. 252). На фронтах издавалось 15 газет на пяти иностранных языках (немецком,

финском, польском, румынском, венгерском). Об этом прямо говорилось в директиве № 050 от 23 июня 1941 года (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436с. Д. 3. Л. 191).

Рост пропаганды происходил по мере продвижения советских армий в западном направлении. В составе ГлавПУ действовало специальное управление в количестве 82 сотрудников (на начало 1945 года), занимающееся пропагандой в войсках противника, а также среди его населения. В целом общая численность сотрудников разных подразделений, занимающихся пропагандой среди войск противника и в его тылу, составила около 3,5 тысячи человек [11, С. 23]. Всё это существенно дополняло успехи войск Красной Армии и способствовало деморализации неприятельских армий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, опыт политорганов, накопленный в сфере организации и проведения политико-воспитательной работы, сохраняет свою значимость и важность для современного периода функционирования политических органов в Российской армии. Отечественный опыт свидетельствует о том, что Вооруженные силы России, морально-боевой дух которых выпестован военно-политическими органами, непобедимы. В свете сформулированных задач, стоящих перед Вооруженными силами современной России, по разработке новой системы военно-политической работы в Российской армии необходимо обратиться к опыту строительства военно-политических органов в советский период, особенно в годы Великой Отечественной войны. Необходимо изучить и взять на вооружение лучший опыт, накопленный в деятельности политорганов страны. Опыт комиссаров, политруков, замполитов должен быть освоен работниками совре-

менной системы военно-политической работы.

Библиография / References:

1. Волконский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. – 736 с.
2. Война. 1941–1945 (Вестник Архива Президента Российской Федерации). – М.: Архив Президента Российской Федерации, 2010. – С. 37–40.
3. Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота – в зеркале истории и современности / редсовет: В.Н. Бусловский и др. – М.: Критерий, 2014. – 527 с.
4. Елисеев А.Л., Леонова О.В. Комсомол как проводник государственной молодежной политики Советского государства // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – Т. 9. – № 3. – С. 32–42.
5. Елисеев А.Л., Леонова О.В. Влияние комсомола на молодежные движения в Советской России // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 5. – С. 229–234.
6. Ивушкин Н.Б. Место твоё впереди. – М.: Воениздат, 1986. – 272 с.
7. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – 723 с.
8. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1917–1968 гг. – М.: Воениздат, 1969. – 471 с.
9. Лютов С.Н. Организация военно-политической пропаганды в первые месяцы Великой Отечественной войны // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 10. – Выпуск 1. – С. 204–212.
10. Марченко В.И., Зенин Р.Н. Деятельность военно-политических органов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в процессе воспитания патриотизма у воинов

Красной Армии // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6. – С. 351–352.

11. Мощанский И.Б. Информационная война. Органы специальной пропаганды Красной армии. – М.: Вече, 2010. – 66 с.

12. Организация удешевляет силы. Документы и материалы съездов, конференций, ЦК ВЛКСМ по организационной работе (1918–1966 гг.). – М.: Молодая гвардия, 1968. – 175 с.

13. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17 (6). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: Документы и материалы / Ин-т воен. истории Министерства обороны РФ, Центр. архив Министерства обороны РФ, Центр. воен.-морск. архив; Сост. Н.И. Бородин, Н.В. Усенко. – М.: ТЕРРА, 1996. – 672 с.

14. Чертополох А.А. Военно-политические органы: опыт строительства и уроки // Военный академический журнал. – 2019. – № 1. – С. 13–23.

15. Коммунисты и комсомольцы! Будьте в первых рядах борцов против немецко-фашистских захватчиков! // Правда. – 1942. – 28 октября.

16. Правда. – 1942. – 12 марта.

17. Пропагандист Красной Армии. – 1942. – № 1. – С. 41.

1. Volkonskiy N.L. (2010) Istoriya informatsionnykh voyn [History of information wars]. V 2 ch. CH.2. – SPb.: ООО «Izdatel'stvo «Poligon», 2003. – 736s. (In Russ.).

2. Voyna. 1941–1945. (Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiyskoy Federatsii) [War. 1941–1945 (Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation)]. – М.: Arkhiv Prezidenta Rossiyskoy Federatsii. – S.37–40. (In Russ.).

3. Glavnoye politicheskoye upravleniye Sovetskoy Armii i Voenno-Morskogo flota – v

zerkale istorii i sovremennosti [The Main Political Directorate of the Soviet Army and Navy - in the mirror of history and modernity] / redsovet: V.N. Buslovskiy i dr. – М.: Kriteriy. 2014. – 527s. (In Russ.).

4. Yelisseyev A.L., Leonova O.V. (2020) Komsomol kak provodnik gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Sovetskogo gosudarstva [Komsomol as a conductor of the state youth policy of the Soviet state] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. – T.9. – №3. – S.32–42. (In Russ.).

5. Yelisseyev A.L., Leonova O.V. (2020) Vliyaniye komsomola na molodezhnyye dvizheniya v Sovetskoy Rossii [Influence of Komsomol on youth movements in Soviet Russia] // Vlast'. – T.28. – №5. – S.229–234. (In Russ.).

6. Ivushkin N.B. (1970) Mesto tvoyo vpered [Your place is ahead]. – М.: Voenizdat, 1986. – 272s. (In Russ.).

7. Istoriya Kommunisticheskoy Partii Sovetskogo Soyuza [History of the Communist Party of the Soviet Union]. T.5. – М.: Izdatel'stvo Politicheskoy literatury. – 723s. (In Russ.).

8. KPSS o Vooruzhennykh Silakh Sovetskogo Soyuza. Dokumenty [CPSU on the Armed Forces of the Soviet Union. Documentation]. 1917–1968 gg. – М.: Voenizdat, 1969. – 471s. (In Russ.).

9. Lyutov S.N. (2010) Organizatsiya voyenno-politicheskoy propagandy v pervyye mesyatsy Velikoy Otechestvennoy voyny [Organization of military-political propaganda in the first months of the Great Patriotic War] // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. – T. 10. – Vypusk 1. – S.204–212. (In Russ.).

10. Marchenko V.I., Zenin R.N. (2019) Deyatel'nost' voyenno-politicheskikh organov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945gg.) v protsesse vospitaniya patriotizma u voinov Krasnoy Armii [The activity of military-political bodies during the Great Patriotic War] //

Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – №6. – S.351–352. (In Russ.). S.41. (In Russ.).

11. Moshchanskiy I.B. (2010) Informatsionnaya voyna. Organy spetsial'noy propagandy Krasnoy armii [Information war. Organs of special propaganda of the Red Army]. – M.: Veche. – 66 s. (In Russ.).

12. Organizatsiya udesyaterayet sily. Dokumenty i materialy s"yezdov, konferentsiy, TSK VLKSM po organizatsionnoy rabote [The organization increases its strength tenfold. Documents and materials of congresses, conferences, the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League for organizational work] (1918–1966gg.). – M.: Molodaya Gvardiya, 1968. – 175s. (In Russ.).

13. Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya [Russian archive: Great Patriotic War]. T.17(6). Glavnyye politicheskiye organy Vooruzhennykh sil SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne, 1941–1945gg.: Dokumenty i materialy / In-t voyen. istorii Ministerstva oborony RF, Tsentr. arkhiv Ministerstva oborony RF, Tsentr. voyen.-morsk. arkhiv; Sost. N.I. Borodin, N.V. Usenko. – M.: TERRA, 1996. – 672s. (In Russ.).

14. Chertopolokh A.A. (2019) Voenno-politicheskiye organy: opyt stroitel'stva i uroki [Military-political bodies: construction experience and lessons] // Voyennyy akademicheskiy zhurnal. – №1. – S. 13–23. (In Russ.).

15. Kommunisty i komsomol'tsy! Bud'te v pervykh ryadakh bortsov protiv nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov! [Communists and Komsomol members! Be in the forefront of the fighters against the Nazi invaders!] // Pravda. – 1942. – 28 oktyabrya. (In Russ.).

16. Pravda [True]. – 1942. – 12 marta. (In Russ.).

17. Propagandist Krasnoy Armii [Propagandist of the Red Army]. – 1942. – № 1. –

НИКИТИН Евгений Валентинович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: nikitin_ev@internet.ru, Author ID: 1169498

NIKITIN E.V., Postgraduate Student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: nikitin_ev@internet.ru, Author ID: 1169498

МАРШАЛЫ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК

MARSHALS OF ARMORED TROOPS

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть личные и профессиональные качества, а также вклад в решение стратегических задач военного и послевоенного времени С. И. Богданова, А. Х. Бабаджаняна, М. Е. Катукова, О. А. Лосика, П. П. Полубоярова, П. А. Ротмистрова, П. С. Рыбалко и Я. Н. Федоренко, которым в 1944–1975 годах было присвоено звание «маршал бронетанковых войск».

В качестве основных источников были использованы материалы «Военно-исторического журнала» Министерства обороны СССР. Автор применяет биографический метод и метод memory studies, позволяющие объективно подходить к личности, видеть реального человека и его историческую роль в обществе, фокусировать внимание на индивидуальных судьбах людей во взаимосвязи с пониманием и объяснением хода исторического события.

Автор приходит к выводу, что командующие танковыми армиями характеризовались как энергичные, мобильные, решительные и с сильной волей командиры, обладающие широкой инициативой, самостоятельностью и высоким чувством ответственности; они исполнительны, требовательны к себе и подчиненным. Поэтому им заслуженно присваивалось высокое воинское звание.

В послевоенное время они тоже активно проявляли себя на различных должностях, участвовали в общественно-политической жизни, решая актуальные государственные задачи.

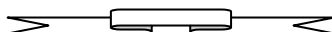
Ключевые слова: биографический метод, маршал, бронетанковые войска, Богданов, Бабаджанян, Катуков, Лосик, Полубояров, Ротмистров, Рыбалко, Федоренко.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the activity of S.I. Bogdanov, A.H. Babajanyan, M.E. Katukov, O.A. Losik, P.P. Poluboyarov, P.A. Rotmistrov, P.S. Rybalko and Ya.N. Fedorenko, who were awarded the rank "Marshal of Armored troops" in 1944-1975, to consider their personal and professional qualities, as well as their contribution to the solution of strategic tasks of the war and post-war period.

The research is based on such materials as the Journal of Military History of the Ministry of Defense of the USSR. The research methodology includes both the biographical method and the method of "memory studies", which allow to take an objective approach to a personality, to get a glimpse of the real person and his historical role in society, to focus on the individual destinies of people in connection with understanding and explaining the course of a historical event.

As a result, the author comes to the conclusion that tank army commanders were characterized as energetic and mobile men of a certain determination and force with broad initiative, independence and a high sense of responsibility; they are perfectionists clinging to rules and procedures and expects subordinates to follow their lead. Therefore, they were deservedly awarded a high military rank. In the post-war period, they also actively manifested themselves in various positions, participated in public and political life and solved urgent state tasks.

Keywords: biographical method, marshal, armored troops, Bogdanov, Babadzhanyan, Katukov, Losik, Poluboyarov, Rotmistrov, Rybalko, Fedorenko.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема роли личности в истории всегда

уделялось особое внимание. Нередко объектом исследования ученых становились полководцы и военачальники.

В годы Великой Отечественной войны, наполненной как драматизмом, так и героизмом и мужеством, было немало легендарных командующих войсками. В рамках данной статьи акцентируем внимание на личных и профессиональных качествах, а также на вкладе в решение стратегических задач военного и послевоенного времени С. И. Богданова, А. Х. Бабаджаняна, М. Е. Катукова, П. П. Полубоярова, П. А. Ротмистрова, П. С. Рыбалко и Я. Н. Федоренко, которым в 1944–1975 годах было присвоено звание «маршал бронетанковых войск» (далее – маршал БТВ).

В качестве основных источников были использованы материалы «Военно-исторического журнала» Министерства обороны СССР.

Автор применяет биографический метод и метод *memory studies*, позволяющие объективно подходить к личности, видеть реального человека и его историческую роль в обществе, фокусировать внимание на индивидуальных судьбах людей во взаимосвязи с пониманием и объяснением хода исторического события [6, С. 54–65; 15, С. 172–185].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что на страницах «Военно-исторического журнала» были представлены биографии командующих бронетанковыми войсками в годы ВОВ. Отличает эти биографические данные то, что они написаны историками-военными на основе личных дел, а также архивных материалов.

Так, например, И. Е. Крупченко отмечал, что большая заслуга в строительстве и интенсивном развитии советских танковых войск принадлежит талантливому военачальнику, их

первому командующему Я. Н. Федоренко, военная служба которого неразрывно связана с данным родом войск [7, С. 45–50].

Родился Яков Николаевич 22 октября 1896 года в слободе Цареборисово Харьковской губернии в многодетной семье (в семье было пятеро детей) портового рабочего-грузчика. В девять лет вынужден был начать трудовую жизнь. Работал пастухом, кучером, батраком, рабочим на шахтах Донбасса, солеваром и матросом. Об этом пишет и главный маршал БТВ А. Х. Бабаджанян, и генерал армии А. Л. Гетман [1, С. 124–128; 4, С. 88–93; 7, С. 45–50].

В мае 1915 года Федоренко был призван на военную службу и направлен на Черноморский флот, где окончил школу рулевых, а затем служил в дивизионе кораблей траления мин. В феврале 1917 года 20-летний Яков Федоренко вступил в ряды коммунистической партии в Одессе. Энергичный, волевой, инициативный, он был избран председателем судового комитета. Активно участвовал в Октябрьской социалистической революции [1, С. 124–128; 4, С. 88–93; 7, С. 45–50].

Еще в годы Гражданской войны Яков Николаевич умело командовал бронепоездом, а затем дивизионом и полком бронепоездов Красной Армии, проявляя храбрость, организаторские способности и ведя успешные боевые действия [1, С. 124–128; 4, С. 88–93; 7, С. 45–50].

С присущей ему энергией Я. Н. Федоренко стремился к совершенствованию своей военной и политической подготовки. Он неоднократно проходил различные курсы усовершенствования высшего комсостава (1924, 1930-е, 1972 годы), учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе (1931–1934 годы).

Большой практический опыт и приобретенные за годы учёбы теоретические знания

Я. Н. Федоренко умело использовал в период службы в бронечастях (командовал танковым полком, мехбригадой), в том числе в обучении и воспитании подчиненных.

В августе 1937 года его выдвигают на должность начальника автобронетанковых войск Киевского (с 1938 года – Особого) военного округа. Его деятельность на этом посту была высоко оценена в аттестации, данной в 1938 году командующим войсками округа командармом 2-го ранга С. К. Тимошенко. В ней Я. Н. Федоренко характеризуется как энергичный, мобильный, решительный и с сильной волей командир, обладающий широкой инициативой, самостоятельностью и высоким чувством ответственности; кроме того, указывалось, что он исполнительен, требователен к себе и подчиненным, что в военное время целесообразно использовать его в должности начальника АБТВ фронта, что может командовать крупными механизированными соединениями [1, С. 124–128; 7, С. 45–50].

Яков Николаевич заботился о боевой готовности танковых частей, сохранности и ремонте боевой техники и вооружения, материальной обеспеченности подчиненных войск. Особенно большую работу он провел в автобронетанковых частях округа в период крупных военных осенних учений.

В июне 1940 года комдива Я. Н. Федоренко назначают начальником Автобронетанкового управления Красной Армии с одновременным присвоением ему звания генерал-лейтенанта танковых войск.

Весь свой богатый опыт и знания Я. Н. Федоренко направляет на разработку вопросов организации и боевого применения бронетанковых и механизированных войск. Пытливый ум и проницательность позволяли ему быстро находить главное в этой сложной и ответственной работе [1, С. 124–128; 4,

С. 88–93; 7, С. 45–50].

Так, в предвоенные годы уделялось большое внимание механизации и моторизации войск нашей армии. Танковая промышленность освоила выпуск танков KB и Т-34. Началось формирование танковых и моторизованных дивизий, которые составили основу вновь создаваемых механизированных корпусов. В 1940 году было создано девять, а в начале 1941 года началось формирование еще 20 корпусов. За первые шесть месяцев 1941 года было выпущено 1100 новых танков Т-34 и 393 танка KB [1, С. 124–128; 4, С. 88–93]. А в первом полугодии 1942 года действующая армия получила более 11 тыс. танков, во втором – более 13 тыс., при этом выпуск лёгких танков сокращался, а производство средних возросло почти в два раза. Всего в 1942 году было произведено 24 446 танков всех типов – в 3,7 раза больше, чем в 1941 году [1, С. 124–128; 4, С. 88–93].

По инициативе Я. Н. Федоренко в начале 1941 года значительно расширилась сеть военно-учебных заведений автобронетанковых войск [1, С. 124–128].

Все важнейшие проблемы строительства нового рода войск решались при активном участии Якова Николаевича Федоренко. Большую помощь и поддержку он оказывал конструкторам бронетанковой техники и танкостроителям, много труда вложил в оснащение армии современными боевыми машинами [1, С. 124–128].

В годы Великой Отечественной войны Яков Николаевич Федоренко, будучи уже тяжело больным, продолжал самоотверженно работать на посту командующего бронетанковыми и мехвойсками, направляя все свои силы и организаторские способности на успешное решение задач по их совершенствованию [7, С. 45–50].

Под его непосредственным руководством и при личном участии был составлен известный приказ НКО № 325 от 16 октября 1942 года, в котором наиболее полно был обобщен боевой опыт и даны принципиальные указания о порядке боевого применения бронетанковых и механизированных частей и соединений. Этот приказ сыграл большую роль в деле дальнейшего развития как теории, так и практики боевого применения танков [7, С. 45–50].

В декабре 1942 года с присущей ему энергией Я. Н. Федоренко продолжает работу по дальнейшему укреплению танковых войск на должности заместителя наркома обороны СССР. Именно под его руководством были сформированы первые четыре советские танковые армии и более 20 танковых и механизированных корпусов.

Друзья и боевые соратники, говоря о человечности и чуткости Я. Н. Федоренко, особо отмечали самокритичность, способность поддерживать ценные предложения подчиненных, даже если они шли вразрез с его личными взглядами. В архиве министерства обороны хранятся донесения и письма с фронта на его имя. Ему писали рядовые солдаты-танкисты и офицеры танковых войск, командиры танковых корпусов и командующие танковыми армиями. Я. Н. Федоренко внимательно изучал предложения и просьбы танкистов-фронтовиков, и многие из них получили положительные решения. К примеру, на основе обобщения донесений с фронтов была изменена организация танковых армий (это касается вопроса формирования пяти танковых армий), существенно улучшена структура танковых и механизированных корпусов, созданы тяжелые танковые полки и бригады, увеличен боекомплект снарядов в танках, заменено вооружение танка Т-34, в

больших масштабах налажено производство самоходно-артиллерийских установок [1, С. 124–128; 7, С. 45–50].

Так, в ходе войны в действующую армию поступили более совершенный танк Т-34 с 85-мм пушкой, новый тяжелый танк ИС-1, затем ИС-2. К концу 1944 года создается новый средний танк Т-44 с 85-мм пушкой, в 1945 году – тяжелый танк ИС-3 [1, С. 124–128].

В дни самых напряженных боев летом и осенью 1942 года, а также в 1943 году Я. Н. Федоренко по заданию Ставки ВГК неоднократно выезжал в действующие армии Северо-Западного, Брянского, Воронежского, Сталинградского фронтов для оказания помощи в наиболее целесообразном использовании бронетанковых и механизированных войск в боях и операциях, в организации всестороннего обеспечения их действий, в использовании танков в бою, организации их технического обеспечения, оснащении танковых частей и соединений новой боевой техникой и вооружением [7, С. 45–50].

На одном из участков Брянского фронта 30 июня 1942 года он лично руководил боевыми действиями 4, 17 и 24-го танковых корпусов, которые во взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией неоднократно контратаковали противника, нанося ему большие потери, и сыграли немалую роль в срыве замысла фашистского командования с ходу захватить Воронеж. Немецкие войска были вынуждены перейти к обороне, и фронт на этом направлении стабилизировался [1, С. 124–128].

Некоторые командующие армиями и фронтами нередко пытались объяснить неудачи отдельных операций советских войск, особенно летом 1942 года, лишь ошибками танковых командиров. В Ставку поступало

немало предложений о снятии с должностей и наказании командиров танковых бригад и корпусов и даже командующих танковыми армиями. Я. Н. Федоренко приходилось отражать эти атаки на танковые кадры. Его исключительная прямота и решительность, искренность и правдивость, принципиальность и честность помогли сохранить для бронетанковых войск многих талантливых командиров-танкистов. Энергия, инициатива и вдумчивость при решении ответственных задач, знание людей, чуткость и отзывчивость, постоянная связь с массами снискали Я. Н. Федоренко исключительное уважение и любовь подчиненных. Яков Николаевич был интересным собеседником, человеком, обладающим чувством юмора [1, С. 124–128; 7, С. 45–50]. В 1943 году ему было присвоено звание генерал-полковника танковых войск, а в 1944 году – маршала БТВ [1, С. 124–128; 7, С. 45–50]. В первые послевоенные годы Я. Н. Федоренко также возглавлял бронетанковые и механизированные войска, ему принадлежит большая роль в их создании, развитии и становлении, а также в руководстве ими. Участвовал в общественно-политической жизни страны.

К числу талантливых военачальников принадлежит и Павел Семёнович Рыбалко (4.11.1894 – 28.08.1948 гг.). Маршал БТВ П. П. Полубояров с глубоким уважением вспоминал П. С. Рыбалко, с которым связала его боевая судьба [13, С. 84–86]. А Д. А. Драгунский отмечал, что славным, но тернистым был жизненный путь П. С. Рыбалко [5, С. 125–128]. Так, в 1914–1919 годах П. С. Рыбалко проявляет себя как отважный красногвардеец [5, С. 125–128; 13, С. 84–86]. Боевой опыт, полученные в стенах Военной академии имени М. В. Фрунзе глубокие военно-теоретические знания (обучался в

1926–1930 гг. и 1931–194 гг. – *Прим. автора*), а также опыт службы в должности помощника командира горно-кавалерийской дивизии Павел Семёнович умело использовал на дипломатической работе, когда в 1937–1940 гг. был военным атташе в Польше и Китае, а также в период преподавательской деятельности [13, С. 84–86]. С первых дней ВОВ П. С. Рыбалко писал рапорты с просьбой отправить его на фронт. Но ему несколько раз отказывали в этой просьбе [5, С. 125–128; 12, С. 84–86]. Однако в мае 1942 года П. С. Рыбалко назначают заместителем командующего 5-й танковой армией, а в октябре 1942 года – командующим 3-й танковой армией (ТА). Под командованием П. С. Рыбалко 3-я ТА (с мая 1943 года – 3-я ГвТА) вписала немало страниц в летопись побед над гитлеровской Германией. Это, например, Острогожско-Россошанская операция, сражения на Курской дуге, в ходе которых совершенствуется руководство П. С. Рыбалко танковыми войсками [5, С. 125–128].

При освобождении Левобережной Украины армии, наступавшие в центре Воронежского фронта, вышли 22 сентября к Днепру в районе Переяслав-Хмельницкого. Первыми прорвались к реке части 3-й ГвТА [5, С. 125–128]. Рыбалко в эти дни находился на самых ответственных местах – в соединениях и частях, которые решали главную задачу в ходе операции. Он много времени проводил на КП, руководя сражением за плацдарм в районе Букринской излуины, где противник упорно контратаковал танками и пехотой при поддержке авиации. «А когда потребовалось перебросить всю армию на север, на Лютежский плацдарм, генерал Рыбалко блестяще осуществил эту перегруппировку» [5, С. 125–128]. Ярким достоинством Павла Семёновича

Рыбалко как талантливого военачальника являлось его глубокое понимание роли танков в бою. Это качество сделало его настоящим мастером «вождения» танковых войск [13, С. 84–86]. «...С каждой операцией он становится непревзойденным новатором, мастером маневров. Это особенно ярко проявилось в операции, проведенной в Силезии с целью окружения бреславльской группировки...» [5, С. 125–128]. Генерал П. С. Рыбалко славился своим умением наносить глубокие оперативные удары, быстро и организованно форсировать водные преграды. На его счету Днепр и Сан, Висла и Одер, Шпрее и многие другие реки.

При этом он никогда не бравировал своей храбростью, не выставлял её напоказ. При внезапно изменившейся обстановке он не суетился, а принимал правильные и смелые решения, а когда требовалось, невзирая ни на какие опасности, появлялся на самых ответственных участках фронта – там, где решалась главная задача [5, С. 125–128; 13, С. 84–86]. Он был «скромный, прямой и требовательный, справедливый в оценке людей, он пользовался уважением и заслуженным авторитетом у начальников и подчиненных» [5, С. 125–128]. В июне 1945 года П. С. Рыбалко присваивается воинское звание маршала БТВ. «В апреле 1946 года он назначается первым заместителем командующего, а в 1947 году – командующим бронетанковыми и мехвойсками» [5, С. 125–128]. Павел Семёнович творчески обобщал богатый боевой опыт данного рода войск и на основе этого разрабатывал перспективы их дальнейшего совершенствования. Вёл активную общественно-политическую работу [13, С. 84–86].

Олег Александрович Лосик родился 4 декабря 1915 года в селе Ярцево Смолен-

ской губернии в семье учителя. Он был учеником фабрично-заводского ученичества по специальности «паровозный машинист», потом находился на выборной комсомольской работе, был «командиром танкового взвода, помощником начальника штаба 112-го отдельного танкового батальона, участвовал в советско-финской войне» [9, С. 78–80; 16, С. 68–69].

В начале июня 1941 года О. А. Лосик получает назначение в 43-ю танковую дивизию. Как отмечал П. Н. Лащенко, исполняя должность помощника начальника оперативного отделения штаба соединения, Олег Александрович отдавал все силы внедрению боевого опыта, полученного в войне с Финляндией, в практику обучения и воспитания войск [9, С. 78–80].

Он участвовал в боях, в том числе и в танковом сражении в районе Броды, Дубно, Ровно в составе Юго-Западного фронта, воевал на Сталинградском и Донском фронтах в должностях начальника штаба и заместителя командира 10-й танковой бригады соответственно. В 1943 году О. А. Лосик в составе войск Западного фронта принимает активное участие в Ельнинской наступательной операции. В боях за Ельню в числе других отличился возглавляемый им 119-й отдельный танковый полк. За успешные боевые действия полку было присвоено наименование Ельнинский, а его командир награжден орденом Суворова III степени. В представлении на присвоение О. А. Лосику воинского звания «полковник» командующий бронетанковыми и механизированными войсками 10-й гвардейской армии писал: «...лично тов. Лосик в бою смел, проявляет храбрость, самоотверженность и выдержку, он волевой, требовательный, имеющий хорошее военное и политическое развитие офицер» [9, С. 78–80; 16,

С. 68–69]. М. Д. Чубарев указывает, что «неординарные организаторские способности, стремление идти на оправданный риск, быстрота мышления и личная храбрость выделяли подполковника Лосика среди его боевых товарищей» [16, С. 68–69]. Назначение в декабре 1943 года на должность командира 4-й гвардейской танковой бригады 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса явилось признанием его боевых заслуг, командирского таланта.

Возглавляемая О. А. Лосиком 4-я ГвТБ вместе с другими соединениями корпуса участвовала в освобождении Минска, Каунасской, Инстербургской и Кенигсбергской операциях и неоднократно называлась в приказах Верховного главнокомандующего в числе отличившихся частей и соединений (как и 119-й отдельный танковый полк. — **Прим. автора**) [9, С. 78–80].

Заслуживает внимания и послевоенная активная деятельность О. А. Лосика на разных должностях [9, С. 78–80; 16, С. 68–69].

Кроме того, с мая 1969 года Олег Александрович руководил Военной академией бронетанковых войск. Он является автором ряда научно-теоретических трудов, под его руководством велись важные научно-исследовательские работы. В 1972 году О. А. Лосику было присвоено ученое звание «профессор», а в 1975 году – воинское звание маршала БТВ. Также Олег Александрович вел большую партийную и общественную работу. Он был делегатом XXII, XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, избирался депутатом верховных советов союзных и автономных республик. Неоднократно избирался депутатом Московского городского Совета народных депутатов [9, С. 78–80].

Боевая деятельность Павла Павловича Полубоярова (1901–1984 гг.) началась еще в

годы Гражданской войны. В ноябре 1919 года 18-летним юношей он добровольно вступил в Красную Армию и прошел боевой путь от командира танка до командующего бронетанковыми войсками. Окончив в 1926 году автоброневую школу, П. П. Полубояров связал свою жизнь с бронетанковыми войсками. Как отмечал В. Чуйков, беспредельно любя профессию танкиста, Павел Павлович неустанно овладевал всем новым, передовым, умело передавал опыт и знания подчиненным, упорно и настойчиво воспитывал в них высокие морально-боевые качества [18, С. 93–96].

Как и многие военачальники, проходил курсы усовершенствования. В 1938 году он с отличием окончил Военную академию механизации и моторизации.

В ноябре 1938 года Павел Павлович назначается начальником бронетанковых войск Забайкальского военного округа. Как указывает Батов, здесь на практике проявляются его способности организатора боевой подготовки автобронетанковых частей, подтверждается высокая репутация умелого воспитателя бойцов и командиров [2, С. 121–128].

В июне 1941 года П. П. Полубояров занимал должность начальника автобронетанковых войск Прибалтийского особого военного округа. В это время советские танкисты делали всё возможное, чтобы остановить врага, рвавшегося к Ленинграду. Полковник П. П. Полубояров умело координировал действия механизированных корпусов и отдельных танковых бригад Северо-Западного фронта, принимая меры по обеспечению их боевой техникой и вооружением [2, С. 121–128; 18, С. 93–96].

В марте 1942 года его назначают заместителем командующего Калининским фрон-

том по автобронетанковым войскам. На этом посту Павел Павлович внес достойный вклад в победу наших войск во время наступления под Москвой [2, С. 121–128; 18, С. 93–96].

Наиболее яркие страницы боевой биографии военачальника – это период, когда он командовал 17-м (впоследствии 4-м гвардейским) танковым корпусом, который он принял в начале августа 1942 года в разгар ожесточенных оборонительных боев северо-западнее Воронежа [2, С. 121–128; 18, С. 93–96].

Полученный в этих боях боевой опыт был умело использован в действиях корпуса в Среднедонской наступательной операции в декабре 1943 года. Успехи корпуса, руководимого в этой операции генералом Полубояровым, явились результатом тщательного планирования и подготовки его частей и соединений к наступлению. Наличие в первом эшелоне двух танковых бригад, вводимых в сражение по двум отдельным маршрутам, обеспечивало возможность нанесения после ввода в сражение сильного первоначального удара по противнику, а ввод второго эшелона – наращивание усилий при действиях в оперативной глубине с целью развития наступления в высоких темпах. За выдающиеся успехи в Среднедонской операции 2 января 1943 года корпус был преобразован в 4-й гвардейский танковый корпус (с 29 января – Кантемировский) [18, С. 93–96].

В январе – феврале 1943 года гвардейцы-кантемировцы принимали активное участие и в боях за Донбасс [2, С. 121–128; 18, С. 93–96].

В ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции руководимый генерал-лейтенантом танковых войск П. П. Полубояровым 4-й гвардейский танковый корпус сыграл большую роль в окружении и уничто-

жении войсками 6-й гвардейской армии борисовской группировки противника, а также в решении других сложных задач. Полубояров показал себя умелым организатором перегруппировок соединений и частей корпуса на большие расстояния, а также смелого применения охватывающего маневра в сочетании с фронтальным ударом [18, С. 93–96].

Высокое тактическое мастерство генерала П. П. Полубоярова проявилось в Проскуровско-Черновицкой операции, когда его корпус захватил частью сил во взаимодействии с войсками 23-го стрелкового корпуса плацдарм на реке Горынь, чем обеспечил сосредоточение на нём ударной группировки фронта. После прорыва вражеской обороны 4 марта 1944 года корпус, действуя в качестве армейской подвижной группы, был введен в сражение в полосе 60-й армии для развития наступления на Тернополь. Получив задачу совместно с 15-м стрелковым корпусом окружить и уничтожить немецко-фашистский гарнизон города, генерал П. П. Полубояров применил умелый тактический прием. Действиями 13-й гвардейской танковой бригады он решил создать видимость подготовки атаки с северо-западного направления, а когда гитлеровцы стянут туда основные силы, частями 12-й и 14-й гвардейских танковых и 3-й гвардейской мотострелковой бригад обойти город с юго-востока и во взаимодействии с соединениями 15-го стрелкового корпуса, наносившими удар с северо-востока, блокировать гарнизон. Замысел комкора был успешно осуществлен [18, С. 93–96].

Во время Львовско-Сандомирской операции совместно с 31-м танковым корпусом гвардейцы-кантемировцы во взаимодействии с артиллерией, стрелковыми войсками и авиацией обеспечивали фланги Колтовского

коридора, по которому вводились в сражение 3-я гвардейская и 4-я танковая армии. Участвуя в боях с окруженной бродской группировкой гитлеровцев, корпус успешно вёл как оборонительные, так и наступательные бои. Генерал П. П. Полубояров умело организовывал взаимодействие, массировал силы и средства на важнейших направлениях [18, С. 93–96].

В Восточно-Карпатской операции своеобразие местности требовало от командира корпуса особо четкой организации управления. Танкисты П. П. Полубоярова во взаимодействии со стрелковыми соединениями, артиллерией и авиацией успешно прорывали оборону противника, осуществляли охват его флангов, преодолевали сопротивление врага в опорных пунктах и узлах сопротивления. В этой операции П. П. Полубояров приобрел богатый опыт руководства боевыми действиями в горах при неблагоприятных погодных условиях, своевременной перегруппировки сил и средств с одного направления на другое и осуществления маневра в горно-лесистой местности [2, С. 121–128; 18, С. 93–96].

Действуя в составе 1-го Украинского фронта (1945 г.), 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус освобождал Краков и Катовице, участвовал в боях за Домбровский угольный бассейн. Соединения корпуса совместно с 5-й гвардейской армией участвовали в расширении плацдарма на западном берегу Одера и в окружении мощного узла сопротивления противника – города Бреслау (Бреславль). В Берлинской операции, форсировав Нейсе и Шпрее, кантемировцы первыми из соединений 1-го Украинского фронта достигли Эльбы в районе Торгау, преодолев с боями около 200 км. В мае 1945 года в 40 км севернее Праги они закон-

чили войну [2, С. 121–128; 18, С. 93–96].

Павел Павлович постоянно проявлял заботу о людях. В ходе боевых действий он всегда стремился добиться победы с наименьшими потерями в живой силе и технике. Его всегда отличали высокая принципиальность, большая требовательность к подчиненным и, прежде всего, к самому себе, скромность. Много труда П. П. Полубояров вложил в подготовку квалифицированных командных и инженерно-технических кадров, в обучение и воспитание танкистов [2, С. 121–128; 18, С. 93–96].

После войны П. П. Полубояров занимал ряд ответственных должностей в танковых войсках, вел активную партийно-политическую работу. «Воинское звание маршала БТВ ему присвоено 28 апреля 1962 года» [18, С. 93–96].

Главный маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров (6.07.1901 – 6.04.1982 гг.) тоже был участником Гражданской войны, занимал различные военные должности, повышал свой уровень теоретических знаний, а также занимался педагогической и научно-исследовательской деятельностью [8, С. 90–92].

Активно он проявил себя во время советско-финской войны, развивая командный опыт в различных танковых соединениях. Уже тогда в Павле Алексеевиче удачно сочетались качества теоретика, ученого с достоинствами строевого командира, неутомимо изучавшего войсковой организм в действии.

Несмотря на чрезвычайно трудные условия первых недель войны, соединения 3-го механизированного корпуса, в котором П. А. Ротмистров был начальником штаба, оказали упорное сопротивление гитлеровцам и организованно были выведены из окружения. Это стало возможным благодаря уме-

лым действиям командира и начальника штаба корпуса, обеспечившим четкое и оперативное управление войсками [8, С. 90–92].

За выдающиеся боевые успехи в Московской битве приказом Верховного главнокомандующего в январе 1942 года 8-я танковая бригада преобразовывается в 3-ю гвардейскую танковую бригаду, а её командира полковника П. А. Ротмистрова наградили орденом Ленина [8, С. 90–92; 17, С. 51–55].

Мощным ударом опрокинуть противника, а затем, используя в полной мере подвижность соединения, расчлнить его главные силы, окружить их и уничтожить по частям – такова любимая Павлом Алексеевичем тактика ведения боя. Её по достоинству оценило командование. Не остались незамеченными и такие качества комбрига, как инициативность, смелость, решительность, умение найти правильное решение в сложной боевой обстановке [8, С. 90–92; 17, С. 51–55].

В апреле 1942 года Павла Алексеевича Ротмистрова назначают командиром 7-го танкового корпуса, который в начале июля был включен в состав 5-й ТА Брянского фронта. 6 июля 1942 года соединение, участвуя в контрударе 5-й ТА по флангу армейской группы противника «Вейхс» южнее Ельца, в ходе встречного боя с частями 11-й танковой дивизии гитлеровцев нанесло им значительный урон и отбросило за реку Кобылья Снова. 7-й танковый корпус, умело руководимый генерал-майором танковых войск П. А. Ротмистровым, отличился и в Сталинградской битве. В тяжелые сентябрьские дни 1942 года его части севернее Сталинграда вели не только оборонительные, но и наступательные бои, в результате которых противник понес большие потери. Сам Павел Алексеевич об этом пишет так: «За семь дней ожесточенных боев... части корпуса

продвинулись всего на четыре километра. Эти немногие километры и для нас, и для врагов были поистине полем смерти. В боях весь личный состав сражался самоотверженно, не щадя себя». С 3 по 10 сентября гитлеровцы оставили на поле боя в полосе корпуса тысячу убитых солдат и офицеров. Особо отличился корпус при проведении в декабре 1942 года Котельниковской операции, в связи с чем корпус переименован в 3-й гвардейский танковый и получил почетное наименование «Котельниковский» [8, С. 90–92; 17, С. 51–55].

Успехи корпуса в этих боях в немалой степени были обусловлены тем, что генерал Ротмистров всегда тщательно изучал противника. Взвесив его сильные и слабые стороны, он умело находил место для нанесения главного удара по врагу.

В ходе Ростовской наступательной операции в 1943 году 3-й гвардейский танковый корпус под командованием П. А. Ротмистрова, совершив 200-километровый рейд по тылам противника, способствовал нанесению серьезного поражения группе армий «Дон». Как авторитетный теоретик и практик боевого применения танковых войск, Павел Алексеевич принимал участие в создании однородных танковых армий.

Умелое управление войсками 5-й ГвТА проявил П. А. Ротмистров в ходе «Курской битвы, в Белгородско-Харьковской, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской и Уманско-Ботошанской, Витебско-Оршанской, Минской, Вильнюсской и Каунасской операциях» [8, С. 90–92; 17, С. 51–55]. Боевые действия объединения в этих операциях характеризовались решительностью и широким маневром. Высокой оценкой полководческого таланта П. А. Ротмистрова в Корсунь-

Шевченковской операции явилось присвоение ему 21 февраля 1944 года звания маршала бронетанковых войск [8, С. 90–92; 17, С. 51–55].

После войны Павел Алексеевич командует бронетанковыми и механизированными войсками сначала в ГСВГ, а затем на Дальнем Востоке. Уделяет внимание педагогической и военно-научной работе – он был и заведующим кафедрой, и начальником Военной академии бронетанковых войск, активно занимается общественно-политической деятельностью. 28 апреля 1962 года П. А. Ротмистрову было присвоено звание главного маршала БТВ [8, С. 90–92; 16, С. 51–55].

Биография главного маршала БТВ Амазаспа Хачатуровича Бабаджаняна (18.02.1906 – 1.11.1977 гг.) типична для советского военачальника: рос в многодетной крестьянской семье (восемь детей), рано начал трудиться, участвовал в Гражданской войне [3, С. 50–54; 14, С. 94–96].

В 1928 году Бабаджанян, закончив учёбу, назначается на должность комвзвода. С 1933 по 1938 год он командовал ротой, батальоном, исполнял обязанности помощника начальника штаба полка.

К началу Великой Отечественной войны майор А. Х. Бабаджанян находился на оперативной работе – был помощником начальника оперотдела штаба 19-й армии СКВО [3, С. 50–54; 14, С. 94–96].

Активно проявил себя в качестве командира 395-го стрелкового полка 127-й стрелковой дивизии под Ельней. В дальнейшем полк под командованием Бабаджаняна участвует в боях в районе Путивля, Тима и на миусском направлении.

По окончании ускоренного курса в Военной академии им. М. В. Фрунзе (апрель – сентябрь 1942 года) он назначается коман-

диром 3-й мехбригады (впоследствии преобразованной в 20-ю гвардейскую механизированную). Вместе с ней он прошел славный боевой путь и участвовал в боях на Калининском, Северо-Западном, Воронежском и 1-м Украинском фронтах. Затем был командиром 11-го гвардейского танкового корпуса, который в апреле 1945 года участвовал в боях на подступах к Берлину и в штурме города [3, С. 50–54; 14, С. 94–96].

В 1946 году генерал-майор Бабаджанян направляется на учебу в Высшую военную академию имени К. Е. Ворошилова, по окончании которой в 1948 году назначается на должность начштаба объединения, а затем становится его командующим. В последующем был первым заместителем командующего войсками Прикарпатского военного округа.

С 1959 по 1967 год генерал-полковник А. Х. Бабаджанян – командующий войсками Одесского военного округа, а в 1967–1969 гг. возглавляет Военную академию бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. Основное внимание Амазасп Хачатурович уделяет соединению теории читаемых курсов с боевой практикой войск. Он приложил много усилий, чтобы усовершенствовать научно-исследовательскую работу и учебно-материальную базу. 28 октября 1967 года ему присваивается звание маршала БТВ [3, С. 50–54; 14, С. 94–96].

Назначенный в мае 1969 года начальником танковых войск Амазасп Хачатурович вносит большой вклад в их дальнейшее развитие и укрепление. Он уделял много внимания подготовке высококвалифицированных командных и инженерно-технических кадров, обучению и воспитанию танкистов. Наряду с большой организаторской работой он зани-

мается обобщением опыта минувшей войны. 29 апреля 1975 года А. Х. Бабаджаняну присвоено воинское звание «главный маршал БТВ» [3, С. 50–54; 14, С. 94–96].

Семён Ильич Богданов (29.08.1894 – 12.03.1960 гг.) также рано начал трудиться, был участником Гражданской войны, после которой командовал стрелковым и учебно-механизированным полками, «механизированной и легкотанковой бригадами, танковой дивизией, окончил Высшую военно-педагогическую школу, Высшие стрелково-тактические курсы и Академические курсы усовершенствования при Военной академии механизации и моторизации» [12, С. 90–92].

К началу войны полковник С. И. Богданов был в должности командира 30-й ТД 14-го мехкорпуса. В должности заместителя командующего 10-й армией Семён Ильич участвовал в битве под Москвой. В августе 1942 года 12-й танковый корпус 3-й ТА под командованием генерал-майора танковых войск С. И. Богданова в ходе контрудара Западного фронта против немецкой 2-й танковой армии стремительно атаковал противника и с ходу овладел его крупным узлом сопротивления Госьково (южнее Козельска). В период Сталинградской битвы соединения 6-го мехкорпуса, которым командовал Семён Ильич, в декабре 1942 года приняли активное участие в разгроме котельниковской группировки немецко-фашистских войск [12, С. 90–92].

С особой силой воинское мастерство С. И. Богданова проявилось на посту командующего 2-й танковой (позднее гвардейской) армией. Его умение быстро ориентироваться в обстановке, принимать смелые решения ярко раскрылось в период Уманско-Ботошанской операции. Талантливым организатором глубоких танковых ударов зареко-

мендовал себя С. И. Богданов в Висло-Одерской операции. Незаурядные организаторские способности, командирская зрелость С. И. Богданова во многом определили успешные действия 2-й гвардейской танковой армии в Берлинской операции [12, С. 90–92].

Большое значение имело присутствие С. И. Богданова и в боевых порядках войск, уточнение им задач на месте, помощь командирам соединений.

1 июня 1945 года ему присвоено звание маршала БТВ.

После войны С. И. Богданов занимал командные должности и активно участвовал в общественно-политической жизни страны [12, С. 90–92].

Отметим, что основные периоды жизни М. Е. Катукова, специфика его заслуг рассмотрены нами ранее [10, С. 53–60; 11, С. 45–54].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом персоналистика маршалов бронетанковых войск показывает, что их биография мало чем отличается от биографий многих военачальников той поры. При этом их жизнь является одним из примеров верности данной присяге и выбранному делу. По мере того, как они последовательно занимали ряд командных должностей, рос их боевой опыт.

На всех занимаемых постах маршалы вносили весомый вклад в развитие и повышение боевой готовности танковых войск. При их непосредственном участии разрабатывались и принимались на вооружение образцы новых боевых машин, оснащенных современными приборами и вооружением. Много труда они вкладывали в обобщение боевого опыта, обучение и воспитание личного состава, развитие теории боевого при-

менения танковых войск, совершенствование их организационной структуры. В послевоенное время маршалы также активно проявляли себя на различных должностях, участвовали в общественно-политической жизни, решая актуальные государственные задачи.

Библиография / References:

1. Бабаджанян А.Х. Маршал бронетанковых войск Я.Н. Федоренко // Военно-исторический журнал. – 1976. – № 10. – С. 124–128.
2. Батов П. Маршал бронетанковых войск Полубояров П.П. // Военно-исторический журнал. – 1971. – № 6. – С. 121–125.
3. Гетман А. Главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян // Военно-исторический журнал. – 1974. – № 11. – С. 50–54.
4. Гетман А.Л. Маршал бронетанковых войск Я.Н. Федоренко // Военно-исторический журнал. – 1986. – № 10. – С. 88–93.
5. Драгунский Д. Дважды Герой Советского Союза П.С. Рыбалко // Военно-исторический журнал. – 1974. – № 11. – С. 125–128.
6. Исаев А.В., Матвиенко В.А. Судьбы народных представителей Первой Государственной Думы // Вестник государственного и муниципального управления. – 2021. – Т. 10. – № 4. – С. 54–65.
7. Крупченко И. Маршал бронетанковых войск Я.Н. Федоренко // Военно-исторический журнал. – 1966. – № 10. – С. 45–50.
8. Курочкин П. Главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров // Военно-исторический журнал. – 1981. – № 6. – С. 90–92.
9. Лащенко П.Н. Маршал бронетанковых войск О.А. Лосик // Военно-исторический журнал. – 1985. – № 12. – С. 78–80.
10. Никитин Е.В. «Профессора»-катуковцы в сражениях под Орлом, Мценском и на под-

ступах к Москве // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 45–54.

11. Никитин Е.В. Маршал бронетанковых войск Михаил Ефимович Катуков // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – Т. 11. – № 1. – С. 53–60.
12. Отставной П. Маршал бронетанковых войск С.И. Богданов // Военно-исторический журнал. – 1984. – № 8. – С. 90–92.
13. Полубояров П. Маршал бронетанковых войск Л.С. Рыбалко // Военно-исторический журнал. – 1984. – № 11. – С. 84–86.
14. Потапов Ю.М. Главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян // Военно-исторический журнал. – 1986. – № 2. – С. 94–96.
15. Сабирова З.Р. Современные методы и методология историко-биографических исследований // Журнал фронтирных исследований. – 2022. – Т. 7. – № 4 (28). – С. 172–185.
16. Чубарев М.Д. На острие броневго удара (к 100-летию со дня рождения О.А. Лосика) // Военная мысль. – 2015. – № 12. – С. 68–69.
17. Чуйков В. Главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров // Военно-исторический журнал. – 1971. – № 5. – С. 51–55.
18. Чуйков В. Маршал бронетанковых войск Полубояров П.П. // Военно-исторический журнал. – 1981. – № 6. – С. 93–96.

1. Babadzhanyan A.X. (1976) Marshal bronetankovykh voysk YA.N. Fedorenko [Marshal of the armored forces Ya.N. Fedorenko] // Voenno-istoricheskii zhurnal. – №10. – S.124–128. (In Russ.).

2. Batov P. (1971) Marshal bronetankovykh voysk Poluboyarov P.P. [Marshal of the armored forces Poluboyarov P.P.] // Voenno-istoricheskii zhurnal. – №6. – S.121–125. (In Russ.).

3. Getman A. (1974) Glavnyy marshal bronetankovykh voysk A.X. Babadzhanyan [Chief Marshal of the Armored Troops A.Kh. Babajanyan] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №11. – S.50–54. (In Russ.).
4. Getman A.L. (1986) Marshal bronetankovykh voysk YA.N. Fedorenko [Marshal of the armored forces Ya.N. Fedorenko] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №10. – S.88–93. (In Russ.).
5. Dragunskiy D. (1974) Dvazhdy Geroi Sovetskogo Soyuza P.S. Rybalko [Twice Hero of the Soviet Union P.S. Rybalko] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №11. – S.125–128. (In Russ.).
6. Isayev A.V., Matviyenko V.A. (2021) Sud'by narodnykh predstaviteley pervoy gosudarstvennoy Dumy [The fate of the people's representatives of the First State Duma] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.10. – №4. – S.54–65. (In Russ.).
7. Krupchenko I. (1966) Marshal bronetankovykh voysk YA.N. Fedorenko [Marshal of the armored forces Ya.N. Fedorenko] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №10. – S.45–50. (In Russ.).
8. Kurochkin P. (1981) Glavnyy marshal bronetankovykh voysk P.A. Rotmistrov [Chief Marshal of the armored forces P.A. Rotmistrov] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №6. – S.90–92. (In Russ.).
9. Lashchenko P.N. (1985) Marshal bronetankovykh voysk O.A. Losik [Marshal of the armored forces O.A. Losik] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №12. – S.78–80. (In Russ.).
10. Nikitin Ye.V. (2022) «Professora» – katukovtsy v srazheniyakh pod Orlom, Mtsenskom i na podstupakh k Moskve [«Professors» – Katukovites in the battles near Orel, Mtsensk and on the outskirts of Moscow] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.11. – №3. – S.45–54. (In Russ.).
11. Nikitin Ye.V. (2022) Marshal bronetankovykh voysk Mikhail Yefimovich Katukov [Marshal of the Armored Troops Mikhail Efimovich Katukov] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.11. – №1. – S.53–60. (In Russ.).
12. Otstavnoy P. (1984) Marshal bronetankovykh voysk S.I. Bogdanov [Marshal of the armored forces S.I. Bogdanov] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №8. – S.90–92. (In Russ.).
13. Poluboyarov P. (1984) Marshal bronetankovykh voysk L.S. Rybalko [Marshal of the armored forces L.S. Rybalko] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №11. – S.84–86. (In Russ.).
14. Potapov Yu.M. (1986) Glavnyy marshal bronetankovykh voysk A.X. Babadzhanyan [Chief Marshal of the Armored Forces A.X. Babajanyan] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №2. – S.94–96. (In Russ.).
15. Sabirova Z.R. (2022) Sovremennyye metody i metodologiya istoriko-biograficheskikh issledovaniy [Modern methods and methodology of historical and biographical research] // Zhurnal frontirnykh issledovaniy. – T.7. – №4(28). – S.172–185. (In Russ.).
16. Chubarev M.D. (2015) Na ostriye bronevogo udara (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya O.A. Losika) [On the tip of the armor strike (to the 100th anniversary of the birth of O.A. Losik)] // Voyennaya mysl'. – №12. – S.68–69. (In Russ.).
17. Chuykov V. (1971) Glavnyy marshal bronetankovykh voysk P.A. Rotmistrov [Chief Marshal of the armored forces P.A. Rotmistrov] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №5. – S.51–

55. (In Russ.).

18. Chuykov V. (1981) Marshal
bronetankovykh voysk Poluboyarov P.P.
[Marshal of the armored forces Poluboyarov
P.P.] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – №6. –
S.93–96. (In Russ.).

УДК 94(470.319)''1945''

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-1-38-46

ШЕСТАКОВ Александр Анатольевич, аспирант, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: aashestakov1970@mail.ru, AuthorID: 1169497

SHESTAKOV A.A., Postgraduate Student of Department of Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: aashestakov1970@mail.ru, AuthorID: 1169497

УЧАСТИЕ 6-Й ОРЛОВСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ АПРЕЛЯ-МАЯ 1945 Г.

THE PARTICIPATION OF THE 6TH OREL RIFLE DIVISION IN THE OFFENSIVE OPERATIONS IN APRIL-MAY 1945

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении боевой деятельности 6-й Орловской стрелковой дивизии в период Великой Отечественной войны. Автор анализируется участие соединения в военных действиях при освобождении Чехословакии. Для этого систематизируются сведения Журналов боевых действий и иных документов, отражающих вклад частей дивизии Братиславо-Брновской наступательной операции апреля 1945 года. Участие в сражении за Брно и в Йиглаво-Бенешовской операции наглядно демонстрирует боевые возможности соединения, профессиональные качества его командных кадров и умение использовать тактические приемы современного общевойскового боя. Проведённое исследование позволяет оценить ранее неизвестные исторической науке обстоятельства поведения одной из наиболее успешных наступательных операций Красной армии при освобождении стран Центральной Европы от нацизма.

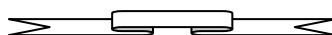
Ключевые слова: Великая Отечественная война, Братиславо-Брновская операция, Йиглаво-Бенешовская операция, 1-я гвардейская Конно-механизированная группа, 6-я Орловская дважды Краснознаменная стрелковая дивизия, 84-й Зволинский стрелковый полк, 333-й стрелковый полк, 125-й стрелковый полк.

Abstract. The purpose of the article is to review the combat activities of the 6th Orel Rifle Division during the Great Patriotic War. The author analyzes the participation of the unit in military operations during the liberation of Czechoslovakia.

For this purpose, information from Combat Logs and other documents reflecting the contribution of the units of the division of the Bratislava-Brno offensive in April 1945 is systematized. The participation in the battle for Brno in the Jihlava-Benesov operation clearly demonstrates the combat capabilities of the unit, the professional qualities of its command personnel and the ability to use tactical techniques of modern combined action.

As a result, the author concludes that the activities of one of the most successful offensive operations of the Red Army during the liberation of Central European countries from Nazism are very important for modern historical science.

Keywords: Great Patriotic War, Bratislava-Brno Operation, Jihlava-Benesov operation, 1st Guards Cavalry Mechanized Group, 6th Orel Rifle Division, 84th Zvolinsky Rifle Regiment, 333rd Rifle Regiment, 125th Rifle Regiment.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из предметов научной полемики отечественной военной истории продолжает оставаться вопрос об установлении духовной и идеологической преемственности частей и соединений РККА с регионами советского государства. Наиболее явственным свидетельством наличия таковой является наименование воинских частей по названиям конкретных территорий или топонимических объектов. Так, в имперский период российской государственности, еще с начала XVIII столетия, то есть до формального провозглашения империи, воинские части регулярного строя сменили свои названия: вместо фамилий их командиров в их наименованиях стали употребляться места их формирования или же той административной единицы, где они дислоцировались или же откуда получали снабжение [9, С.121]. В последующем названия регулярных пехотных и кавалерийских полков стали дублировать названия городов и регионов, упомянутых в титулатуре российских самодержцев – подобным образом подчеркивалось символическое единство идейно-политического пространства Российской империи. Еще одним методом выбора наименований воинских частей стали присвоение им названий тех мест, где были достигнуты выдающиеся победы русского оружия.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

После начала создания РККА, ровно так же, как и в противостоящих большевикам армиях «белого движения» или формированиях т.н. «демократической контрреволюции», были использованы классические принципы укрепления идейного фундамента военной организации общества. Обычной практикой стало присвоение полкам, бригадам, дивизиям

названий тех территориально-административных единиц, где они размещались, и за счет уроженцев, которых происходило их комплектование.

В то же время в названиях частей и соединений Рабоче-Крестьянской Красной Армии широко практиковалось и указание на взаимосвязь военного строительства Советской России и СССР с идеологическими постулатами коммунистической идеологии. Примером чего может служить появление в составе РККА таких наименований, как «Московская Пролетарская стреловая дивизия», «4-я Смоленская Краснознаменная стрелковая дивизия имени Германского пролетариата». Наряду с чем, ровно так же, как и в имперский период, когда многие гвардейские или элитные армейские полки обозначались, в том числе по именам своих шефов из числа лиц правящей династии, наиболее заслуженным частям Красной Армии стали присваивать имена высших должностных лиц советской партийной иерархии. Во время Великой Отечественной войны отличившиеся части удостоивались наименований тех городов или регионов, в освобождении которых ими было проявлено особое отличие.

Совмещение перечисленных выше принципов и практик присвоения собственных наименований воинским частям привел к появлению их многосоставных названий. Все больше становилось случаев, когда к прежнему наименованию, выбранному по месту дислокации соединения, добавлялись названия тех городов, которые таковое освободило либо взяло штурмом в период войны. Кроме того, в составе РККА наблюдалось одновременное существование частей и соединений, в названия которых оказались внесены поминания об одних и тех же населенных пунктах.

Именно таким образом обстояло дело с

четырьмя стрелковыми дивизиями, в наименовании которых фигурировало название города Орла. Одна из них – 6-я Краснознаменная Орловско-Хинганская дивизия, получила первую часть своего названия по месту основного расквартирования ещё в 1926 года. Вторая часть была добавлена по итогам участия соединения в Маньчжурской наступательной операции в августе 1945 года. Второе соединение – 5-я стрелковая Краснознаменная Орловская дивизия обрела право именоваться по названию города на реке Оке после участия в его освобождении 5 августа 1943 года. В этот же день наименование «Орловских» получили и 129-я и 380-я стрелковые дивизии, также отличившаяся в операции «Кутузов».

Авторский интерес вызывает, прежде всего, история боевого пути 6-й Краснознаменная стрелковой Орловско-Хинганской дивизии: именно она являлась одной из старейших частей РККА, ведущая свою историю с 23 мая 1918 года под именем Гатчинской пехотной дивизии, спустя неделю, будучи переименована в 3-ю Петроградскую пехотную. Спустя полгода 11 сентября 1918 года соединение преобразовали в 6-ю стрелковую дивизию, которая под этой нумерацией прошла Гражданскую, советско-польскую войны, Освободительный поход сентября 1939 года. Уже с 1921 года соединение после передислокации в Орёл называлась «6-й Орловской стрелковой», а с 1929 года – Краснознаменной, получив Почетное Красное Знамя ЦИК СССР. Во время советско-финляндской войны от соединения на фронт были отправлены два маршевых батальона, которые отличились при взятии Выборга в марте 1940 года [2, С. 49].

Особенно наглядным для осознания боевого пути типичного кадрового стрелкового соединения РККА в годы Великой Отечественной войны представляется история 6-й

стрелковой Орловской дивизии в период 1941–1945 гг. Немногие из частей Красной армии, встретившие гитлеровское вторжение на западных рубежах страны ранним утром июня 1941 года впоследствии завершили войну на просторах Центральной Европы. Что касается 6-й Орловской дивизии, то для нее военные действия завершились только 11 мая 1945 года в окрестностях чешской столицы. Однако далее боевой путь соединения лежал на Дальний Восток, когда после завершения советско-японской войны дивизия стала именоваться «Орловско-Хинганской».

И если участие соединения в боях 1941 года же освещалось в научных публикациях, то его боевая работа на завершающем этапе борьбы с гитлеризмом еще не становилась предметом самостоятельного исследования. Все время войны дивизия находилась на самых важных участках советско-германского фронта. К июню 1941 года она характеризовалась как обученное кадровое соединение с определенным военным опытом [1, С. 121]. Именно указанные обстоятельства позволили соединению сохранить кадровое ядро при трагических событиях при обороне Брестской крепости, где погибла или была пленена ее большая часть, и при последующем отступлении на Восток. Отметим, что за период 1941–1942 гг. дивизия не менее пяти раз оказывалась во вражеском окружении, проявляя при этом способность контратаковать и совершать наступательные действия, как это было в декабре первого года войны в Елецкой наступательной операции.

С июня по декабрь дивизия не менее трех раз обновлялся личный состав, однако причиной ее устойчивости на фоне поражений 1941 года признаем в целом весьма высокие профессиональные качества командного состава соединения. Его значительная часть

22 июня 1941 года избежала попадания в окружение в Брестской крепости, что в дальнейшем обеспечило восстановление боеспособности дивизии на основе уцелевших командных кадров.

В 1942–1944 гг. 6-я Орловская стрелковая дивизия принимала участие, как в оборонительных, так и в наступательных операциях. На ее счету были и попытки прорвать немецкий фронт в январе 1942 г. на реке Тим в составе группы генерала Крюченкина, и стойкая оборона во время июньского отступления, известного как Ворошиловградско-Воронежская операция. В боях за Воронеж прошло все лето, и начало осени, после чего дивизия была переформирована и вернулась на фронт в январе 1943 года. В весеннем сражении за Харьков соединение отличилось при освобождении Купянска, Балаклеи, отойдя затем в составе отступающей 6-й армии за Северский Донец. В 1943–1944 гг. ею была проявлена доблесть при освобождении города Змиев, при форсировании Днепра у Днепродзержинска. За героизм при освобождении Днепропетровска 6-я Орловская дивизия указом от 25 октября 1943 года была удостоена ордена Боевого Красного знамени [4]. Ее части проявили себя при разгроме противника в Корсунь-Шевченковском котле, в Уманско-Батюшанской, Яско-Фокшанской, Дебрецененской операциях 1944 года.

За отличие в судьбоносном сражении за Яссы и Кишинев, в результате которого на сторону антигитлеровской коалиции перешла прежде союзная Германии Румыния боевыми орденами были удостоены и полки 6-й Орловской стрелковой дивизии: 84-й стрелковый получил орден Боевого Красного знамени, 333-й стрелковый полк был удостоен ордена Кутузова 3-й степени, 125-й стрелковый полк наградили орденом Александра Невско-

го, а 131-й легкий артиллерийский полк – орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени. Все перечисленные части 6-й Орловской стрелковой дивизии пребывали в ее составе с 1941 года, неизменно участвуя в боевой работе соединения. 84-й стрелковый полк за отличие при штурме венгерского города Зволин, что имело место во время Западно-Карпатской наступательной операции, в феврале 1945 года был удостоен наименования «Зволинский».

В победном 1945 году соединение действовало на территории Чехословакии. Главным сражением для дивизии победной весной последнего года войны стала Братиславско-Брновская операция [8, С. 152]. К этому времени, согласно авторской позиции 6-я Орловская стрелковая дивизия достигает пика своих боевых возможностей. Свидетельством тому может служить обзор биографий высшего командного состава этого соединения.

С 11 декабря 1943 года в должности командира дивизии состоял полковник И.Ф. Обушенко, уроженец Гомельского уезда Могилевской губернии. На военной службе он находился с 1929 года, поступив на нее в качестве курсанта Объединенной Белорусской военной школы им. ЦИК Белорусской ССР. В последующем, после пребывания на строевых и штабных должностях обучался в Военной академии им. М.В. Фрунзе, во время советско-финляндской войны будучи временно отозван из нее, и назначен начальником штаба 420-го стрелкового полка 122-й стрелковой дивизии 9-й армии. С началом гитлеровского вторжения служил в штабе 117-й стрелковой дивизии, 4 октября 1941 года вышел из окружения, утратив личные документы, но сохранив печать своего соединения. Со 2 декабря 1941 года по де-

кабрь 1943 года служил начальником штаба 195-й стрелковой дивизии, пока не был переведен на должность командира 6-й стрелковой Орловской. Вместе с ней он прошел все знаковые наступления 1943-1945 гг., проявив себя и в качестве грамотного военачальника.

27 марта, оставаясь в составе 50-го стрелкового корпуса дивизия была выведена из подчинения 40-й армии 2-го Украинского фронта. Совершив многокилометровый марш, соединение перешло в подчинение 53-й армии и к 13 апреля заняло исходные рубежи вблизи города Хостице, готовясь к участию в наступлении на «промышленную столицу Чехии» город Брно. Наступление началось уже в 14 часов 13 апреля, причем основной удар наносился подразделениями 125-го и 333-го стрелковых полков. 84-й полк назначался в резерв командира дивизии. Со стороны неприятеля на этом участке фронта действовала 711-я пехотная дивизия вермахта в составе 744-го и 731-го пехотных полков, которых поддерживали 107-я запасная строительная бригада и боевая группа капитана Пиннера. К 17 часам первый наступающий эшелон находился в 300-400 метрах от селения Грушка, доложив в штаб дивизии о наличии 7 раненых. За три часа боя было подавлено три огневых точки противника.

На следующий день Грушка была взята и советские подразделения закрепились на его северо-западной окраине. С раннего утра 15 апреля наступление было продолжено. Об интенсивности боев свидетельствуют данные Журнала боевых действий 125-го полка о недостатке к исходу 15 апреля винтовочных патронов, ручных гранат и минометных мин, и о полном исчерпании боеприпасов к противотанковым ружьям. Основной накал боев пришелся на время с 15 по 19 апреля, ежедневные потери двух ведущих наступление

полков варьировались в 7-10 человек убитыми и от 30 до 50 ранеными.

С 16 апреля противник приступил к активным контратакам с применением танков, штурмовых/самоходных орудий и бронетранспортеров. Для парирования прорыва 6-й стрелковой Орловской дивизии, как полагала советская разведка, вражеское командование направило запасной учебный батальон из состава 10-й танково-гренадерской дивизии СС, моторизованный полк, называемый в документах как «полк Фердхетехалле», а также подразделения из состава 8-й танковой дивизии. Решающая роль в отражении натиска неприятеля принадлежала вовремя подтянутой полковой и дивизионной артиллерии. Отмечались попытки использования против наступающих немецкой авиации, когда в 20 часов вечера 8 «Юнкерсов-88» подвергли бомбардировке советский передний край.

В 333-м полку в суматохе боя расчёты двух 45-мм противотанковых пушек потеряли ориентацию и оказались за передовой линией наступающих батальонов. Пытаясь отстоять орудия погибли двое и был ранен один из артиллеристов. В свою очередь, одно из вражеских самоходных орудий, видимо поврежденное в бою, досталось советским солдатам 125-го полка вместе со сдавшимся в плен экипажем. Уже в течение дня 16 апреля этот полк дважды перерезал шоссейные дороги между селом и станицей Густопече, что и определило дальнейший успех операции.

Основной задачей дивизии являлось достижение села Немчице, форсирование реки Сrvatka и занятие прилегающих к ней высот. Характерно, что наступающие батальоны не прекращали своего продвижения и в ночное время, что служит доказательством высокой выучки их личного состава. Во время боя

17.04.1945 года. 333-й полк ещё не мог взять Немчице, хотя и захватил бронетранспортер, тягач и 30 винтовок. Опоясанный траншеями полного профиля укрепрайон в селении был повержен на следующий день, после чего наступающие атаквали село Новый Двур.

Особое отличие заслужил лейтенант Григорий Васильевич Мачула, возглавивший роту, которая первой ворвалась в Немчице, уничтожив 26 и пленив 17 солдат противника и захватив 2 бронетранспортера.

Наибольшие потери в командном составе за неделю наступления понес 125-й полк: погибли на поле сражения командир роты лейтенант Бережной, командир 1-го батальона старший лейтенант Олейник, его заместитель капитан Капаров. Однако благодаря непрерывному натиску и умело организованному взаимодействию всех видов оружия к 19 апреля был достигнут очевидный тактический успех. К 19 апреля против 6-й стрелковой дивизии были переброшены дополнительно немецкий 134-й запасной полк и две «боевые группы», сформированные из курсантов Бешевского танкового училища.

На этот день приходится и самые большие безвозвратные потери 333-го полка, в котором погибли 24 человека и более 60 человек было ранено. Именно на 19 апреля Журналами боевых действий советских частей фиксируется наибольшее количество взятых трофеев: 125-й полк отчитался о 6 захваченных артиллерийских орудиях разных калибров, 3 минометах, 6 пулеметах и 1 легковом автомобиле, а также о двоих пленных. В свою очередь, 333-й полк докладывал о взятых в бою 10 пушках калибром 75 мм, одном танке с перебитыми гусеницами, 3 грузовых и 2 легковых автомобилях и 9 пленных. Кроме того, полк претендовал на уничтожение трех артиллерийских

орудий, пяти зенитных орудий, из них три – самоходных, а также одного бронетранспортера.

С 19 апреля 333-й полк перешёл к обороне на отвоеванных рубежах между Новым Двром и высотой 222. 125-й полк продолжал наступление, постоянно встречаемый контратаками вражеских танков и самоходных орудий, 21 апреля заявив о выведении из строя четырех боевых машин неприятеля.

Перегруппировавшись, к полудню 22 апреля соединение было починено 1-й гвардейской Конно-механизированной группы и в его составе вышло на окраины города Брно. Оборону на участке наступления 6-й Орловской стрелковой дивизии держали части 711-й пехотной дивизии немцев. 1-й батальон 333-го полка к 16 часам закрепился на шоссейной дороге Челадице-Серовице, на следующее утро отразив контратаку неприятеля. 125 –й полк действовал южнее Брно, штурмуя оборудованные рубежи, ввиду чего его продвижение ежесуточно составляло 300-500 метров. Немецкие части выдвигались из своих укреплений, и, используя складки местности, постепенно отходили к городу. Наибольший успех имелся на рассвете 25 апреля, когда батальоны 125-го полка уничтожили до 60 немецких солдат, взяли 7 пленных и захватили четыре 37-мм орудия.

До 26 апреля 333-й полк медленно продвигался к Брно вдоль железной дороги, имея 1-й батальон в первом, а 2-й батальон – во втором эшелоне. Утром этого дня передовые отряды и разведгруппы полка во главе с временно исполняющим обязанности командира капитаном Лычко вступили в городские кварталы. Потери при этом были минимальны, поскольку противник по большей части уже успел оставить те районы города, где действовала дивизия. Ее подразделения

захватили 4 военных склада, 2 орудия и 5 пулеметов. Достоянием дивизии стали 75 железнодорожных вагонов с различным военным имуществом, а также 14 пулеметов МГ-34.

В этот же день 125-й полк вновь форсировал реку Сrvatка – на этот раз на юго-западной окраине Брно. Докладывалось о взятии полусотни пленных и уничтожении примерно такого ж количества неприятеля. Были захвачены немецкий штабной пикап, 6 пушек и 4 пулемета. При боях в городе получили ранения 20 бойцов, погибли 5 человек, включая командира роты Долиненко.

С 26 апреля был введен в первый эшелон наступления 84-й стрелковый полк дивизии, вышедший на развязку шоссе и железно-дорожных дорог близ Брно, а затем захвативший подготовленные к взрыву стратегически важные мосты. Вслед за этим батальоны полка вели бои в южных и восточных кварталах второго по значению чешского города. Ему встретилось более упорное сопротивление, нежели соседним частям, что выразилось в 15 погибших и в 18 раненых в напряженных уличных боях. Особенно тяжелой была утрата группы из пяти полковых разведчиков во главе с младшим лейтенантом Бочаровым, погибших от попадания вражеского снаряда в их наблюдательный пункт. На следующий день ранение получил один из командиров 1-го батальона лейтенант Горбачев.

Со своей стороны советские артиллеристы подавили огонь двух вражеских минометных батарей и одного шестиствольного миномета, также вынудив отойти два немецких танка, поддерживающих немецкую пехоту. Среди последней насчитали до 45 убитых. Были взяты в плен 18 городских полицейских, пытавшихся обстреливать русских солдат.

После взятия индустриальной столицы

Чехии, где располагались автомобильные заводы «Шкода» и оружейный гигант «Зброевка», наступление не прекращалось. Спустя два дня последовали вражеские контратаки, поддержанные танками и бронетехникой, стоившие 6-й стрелковой дивизии весьма высоких потерь: в районе Новые Книжники 333-й полк потерял 17 бойцов ранеными и 4 погибшими. В 84-м полку за 28 апреля было 10 павших и 21 раненых, включая получившего ранение командира роты старшего лейтенанта Иващенко. Утраты 125-го полка составили 17 убитыми в течение трех прошедших суток.

30 апреля для развития успеха, достигнутого 125-м стрелковым полком по приказанию командира 50-го стрелкового корпуса остальные части соединения, передали свои позиции 243-й стрелковой дивизии, и перешли на левый берег Сrvatки, имея целью своей атаки селение Худчице. В резерв теперь выводился 2-й батальон 333-го полка.

Тогда же к повторному форсированию реки Сrvatка приступил его 1-й батальон, где вновь отличился командир роты автоматчиков лейтенант Г.В. Мачула. Во главе передового отряда он первым переправился через реку, после чего, получив ранение, организовал отражение 7 контратак неприятеля, выиграв время для похода подкреплений. К утру 1 мая дивизионный плацдарм подвергся удару подошедших вражеских частей – 98 моторизованного полка, 8-й танковой дивизии и 500-го штрафного батальона. На прямую наводку была поставлена вся дивизионная и полковая артиллерия, весьма пригодившаяся при отражении вражеской контратаки. 125-й стрелковый полк потерял при этом три 45-мм противотанковых орудия. В 84-м полку ранения за прошедшие дни боев получили командир 1-го батальона майор Голов-

ко, младший лейтенант Рузанов, лейтенант Смагин и лейтенант Тогмачанов [7, С. 122–124].

Однако поддержка со стороны советской 63-й танковой бригады позволила вновь перейти в наступление и овладеть местечком Раздроевице. На следующий день вновь на позиции наступающих стрелковых полков последовали непрерывные атаки противника, но дивизия не была остановлена и двигалась вперед совместно с механизированными бригадами, занимая селения к северо-западу от Брно.

Конечным пунктом продвижения на этом участке стал населенный пункт Гвоздец, где 4 мая был получен приказ штаба 50-го корпуса о закреплении на достигнутом рубеже. Еще 5 мая враг сохранял боевой дух, подвергнув штаб 125-го полка артиллерийскому удару. С этого дня ведется отсчет началу новой наступательной операции – Йиглаво-Бенешовской, которую с полным основанием следует считать последним по времени наступлением Красной армии на европейском театре Второй мировой войны. 6 мая происходила перегруппировка сил дивизии, во время которой получил ранение командир 1-го батальона 125-го стрелкового полка Шлеенков [5, С. 127]. До 8 мая немецкие части в целом удерживали свои рубежи, однако после известий о падении Праги начался полный обвал неприятельского фронта. Соединение передало свои позиционные участки 9-й кавалерийской дивизии союзной 1-й румынской армии и 8.45 заняла исходный рубеж для начала штурма вражеских позиций. Накануне последнего наступления 6-я дивизия получила пополнение количеством в 780 штыков. Прикрываясь небольшими заслонами, с рассвета 9 мая немцы бежали на запад, преследуемые советскими частями. Перед выступлением для

преследования в частях был зачитан Приказ Верховного главнокомандующего И. Сталина о капитуляции нацистской Германии.

Реальные боевые действия 6-й Орловской стрелковой дивизии завершились только утром 11 мая, когда началась массовая сдача деморализованного неприятеля в плен. Последними трофеями 125-го полка в Великой Отечественной войне стали до 200 пленных, 35 орудий, 75 автомашин и, около тысячи, повозок из немецких обозов, захваченных 9–12 мая 1945 года. 333-й полк за 8–12 мая наблюдал брошенными огромные по количеству массы вражеского вооружения, пленив до 2000 вражеских солдат. В его распоряжении на время оказались 10 немецких самолетов, до 80 орудий, 8 танков, 10 бронетранспортеров, 120 минометов, 5 тягачей, 400 автомобилей, 700 повозок, 1100 пулемётов и 2000 винтовок. Однако все это имущество приходилось оставлять на месте, чтобы далее успешно преследовать врага [6, С. 121].

Не дожидаясь конца операции, 26 апреля 1945 года командующим 1-й гвардейской конно-механизированной группы генерал-лейтенантом И.Плиевым частям 6-й стрелковой Орловской дивизии была выражена благодарность за отличное выполнение приказа об овладении города Брно. Подводя итог, отметим, что на протяжении Братиславско-Брновской операции 6-я Орловская стрелковая дивизия продемонстрировала высокий уровень своей подготовки, свидетельством чему стало ее награждение полководческим орденом Суворова 2-й степени. Именно участие в завершающих сражениях Великой Отечественной войны наглядно демонстрирует боевые возможности соединения, профессиональные качества его командных кадров и умение использовать тактические приемы современного общевойскового боя.

Библиография / References:

1. Алиев Р. Штурм Брестской крепости. – М.: Яуза-каталог, 2021. – 438с.
2. Боевой путь 6 –й Краснознаменной дивизии / отв. ред. М.Н. Бутин. – Брест: Краснознаменец, 1941. – 54с.
3. Память народа. Отчёты о боевых действиях. Архив: ЦАМО. Ф.1055. Оп.0000001. Д.0002. Л.1.
4. Журнал боевых действий 6 стрелковой дивизии. ЦАМО. Ф.1055. Оп.1. Д.39.
5. Журнал боевых действий 125 стрелкового полка 6 стрелковой дивизии. ЦАМО. Ф.6463. Оп.0173120с. Д.0001. Л.1.
6. Журнал боевых действий 333 стрелкового полка 6 стрелковой дивизии. ЦАМО. Ф.6905, Оп.17313. Д.9. Л.3.
7. Журнал боевых действий 84 стрелкового полка 6 стрелковой дивизии. ЦАМО. Ф.6363, Оп.87569. Д.3. Л.1а.
8. Латыпов Т.Р. Советская историография боевых действий Красной армии за освобождение Чехословакии: первый период // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (282). – С.152–159.
9. Цыбаков Д.Л. Орловский полк в военных кампаниях XVIII столетия // Образование и общество. – 2010. – № 4 (63). – С.121–126.
10. Aliyev R. (2021) Shturm Brestskoy kreposti [Storming the Brest Fortress]. – M.: Yauza-katalog. – 438s. (In Russ.).
11. Boyevoy put' 6 – y Krasnoznamennoy divizii [Battle path of the 6th Red Banner Division] / отв. ред. М.Н. Бутин. – Брест: Krasnoznamennets, 1941. – 54s. (In Russ.).
12. Pamyat' naroda. Otchety o boyevykh deystviyakh [Memory of the people. Combat reports. Archive]. Arkhiv: TSAMO, Fond: 1055. Op.0000001. D.0002. L.1. (In Russ.).
13. Zhurnal boyevykh deystviy 6 strelkovoy divizii [Journal of combat operations of the 6th infantry division]. TSAMO. F.1055. Op.1. D.39. (In Russ.).
14. Zhurnal boyevykh deystviy 125 strelkovogo polka 6 strelkovoy divizii [Journal of combat operations of the 125th Infantry Regiment of the 6th Infantry Division]. TSAMO. F.6463. Op.0173120, D.0001. L.1. (In Russ.).
15. Zhurnal boyevykh deystviy 333 strelkovogo polka 6 strelkovoy divizii [Journal of combat operations of the 333rd Infantry Regiment of the 6th Infantry Div]. TSAMO, F.6905, Op.17313. D.9. L.3. (In Russ.).
16. Zhurnal boyevykh deystviy 84 strelkovogo polka 6 strelkovoy divizii [Journal of combat operations of the 84th Infantry Regiment of the 6th Infantry Division]. TSAMO. F.6363, Op.87569. D.3. L.1a. (In Russ.).
17. Latypov T.R. (2019) Sovetskaya istoriografiya boyevykh deystviy Krasnoy armii za osvobodzheniye Chekhoslovakii: pervyy period [Soviet historiography of the fighting of the Red Army for the liberation of Czechoslovakia: the first period] // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – №1(282). – S.152–159. (In Russ.).
18. Tsybakov D.L. (2010) Orlovskiy polk v voyennykh kampaniyakh KHVIII stoletiya [Orlovsky Regiment in the military campaigns of the eighteenth century] // Obrazovaniye i obshchestvo. – № 4 (63). – S.121–126. (In Russ.).

УДК 364:614 (091)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-1-47-54

ЧАПАЕВА Анна Михайловна, аспирант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Россия, Ярославль), e-mail: anna.chapaeva.80@mail.ru, AuthorID: 4572-4125

CHAPAEVA A.M., Postgraduate Student, P.G. Demidov Yaroslavl State (YSU) (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: anna.chapaeva.80@mail.ru, AuthorID: 4572-4125

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПЕРИОД
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

**CHARITY IN HEALTHCARE SERVICE DURING THE FIRST WORLD WAR
(THE CASE OF Yaroslavl PROVINCE)**

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе благотворительных мероприятий в Ярославской губернии, направленных на помощь в области здравоохранения в период Первой мировой войны.

В исследовании показана активная деятельность населения Ярославской губернии по материальной поддержке нуждающихся в помощи больных и раненых воинов, которые находились в лазаретах Ярославской губернии.

Рассматривается работа представителей ярославской общественности по созданию благотворительных обществ и союзов.

Представлена характеристика состава благотворительных организаций и их уставной документации. Указываются средства массовой информации, которые постоянно находились во взаимодействии с благотворителями и сами оказывали посильную помощь.

Ключевые слова: здравоохранение, благотворительность, Первая мировая война, Ярославская губерния.

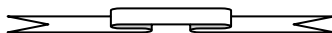
Abstract. The purpose of the article is to analyze charity events in Yaroslavl province to help the healthcare service during the First World War.

The article shows the activity of the population to provide material support to the sick and wounded soldiers in need of help in the hospitals of Yaroslavl province.

The work of members of the Yaroslavl public on the creation of charity societies and unions is considered. The characteristic of the charity organizations stuff and their statutes are given.

As a result, the author comes to the conclusion that the media which were constantly in interaction with the benefactors provided themselves all possible assistance.

Keywords: healthcare service, charity, World War I, Yaroslavl province.

ВЕДЕНИЕ

В современном мире очень большое внимание уделяется благотворительности. Часто в СМИ появляется информация о создании обществ, которые помогают нуждающимся, организуют благотворительные акции по сбору денег, вещей и предметов первой необходимости. История благотворительной деятельности в сфере здравоохранения в период Первой мировой войны изучена слабо. Данная статья восполняет эту лакуну.

Большое количество трудов исследователи Ярославского региона посвятили вопросам благотворительности. В то же время историки работали в основном над общими вопросами и мало внимания уделяли благотворительности в области здравоохранения. Так, в работе Т. И. Волковой нашли отражение вопросы благотворительной деятельности на уровне земств [1]. Благотворительная деятельность Ярославской епархии Русской Православной Церкви предшествующего периода, в частности в конце XIX в., была рассмотрена Ю. Ю. Иерусалимским [12]. Также благотворительная деятельность Ярославской епархии Русской Православной Церкви рубежа XIX – XX вв. была проанализирована А. Г. Любарцом в кандидатской диссертации [13]. В свою очередь, вопрос о благотворительной помощи в области здравоохранения во время Первой мировой войны весьма важен в академическом плане и недостаточно изучен.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе исследования выяснилось, что лишь немногие газеты сообщали о различных благотворительных акциях в отношении здравоохранения. Так, в газете «Ярославские губернские ведомости» печатались различно-

го рода материалы. Пример одного из них – «Воззвание Центрального правления общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям к русским гражданам» [14]. В нём звучали призывы, направленные на помощь тем, кто находится на фронте, а именно на обеспечение воюющих медикаментами, едой, одеждой, оружием и боеприпасами. Собранные таким образом деньги шли на лечение различных заболеваний, на организацию курсов восстановительного характера. Особое внимание уделялось лечению туберкулёза.

Самое активное участие в деятельности благотворительных организаций принимала либеральная газета «Голос». Именно в этой газете охотно публиковали объявления о том, что в той или иной больнице не хватало мест для больных и раненых воинов, нательного и постельного белья для больных, перевязочного материала, денег и др. Это была информация для неравнодушных подданных, которые могли профинансировать решение указанных проблемных моментов. Здесь же публиковалась информация о сборе средств и о количестве уже собранных для содержания лазаретов денег.

На первой полосе газеты от Всероссийского союза городов был размещён призыв к благотворительности, в котором указывалось, что всем находящимся в тот момент на лечении в лазаретах нужна не только финансовая поддержка для ухода за ранеными, но и помощь тёплыми вещами для выздоравливающих пациентов. После получения теплых вещей выздоравливающие могли покинуть лечебное учреждение, освободив тем самым места для других нуждающихся в помощи людей. Здесь же городской Дамский комитет сообщил о том, что приступил к кройке тёплого белья для раненых, содержащихся в лаза-

ретах губернии. Все желающие взять на себя шитьё кроеного материала могли обратиться на ул. Пробойную (ныне ул. Советская, д. 17), в помещение Коммерческого училища [3]. Готовые изделия представители Дамского комитета разносили по лазаретам и госпиталям.

Практически всё население участвовало в различных акциях по сбору средств раненым, проводились благотворительные вечера и аукционы. Многие обеспеченные люди передавали свои дома для организации в них небольших лазаретов. В этих мини-лазаретах не было медицинских работников, которые бы постоянно находились у кровати больного, но был постоянный уход, так необходимый раненым.

Из всех уголков Ярославской губернии губернатору приходили телеграммы о том, что люди готовы открывать лазареты в своих домах, содержать и лечить больных и раненых за свой счёт, оказывать различную посильную помощь. Таких телеграмм было множество. Например, Товарищество производства минеральных масел фирмы «В. И. Рогозин» прислало телеграмму от 12 сентября о том, что готово поместить у себя 13 раненых. При заводе живёт женщина-врач, которая может обеспечить должный уход (ГАЯО. Ф. 73. Оп. 6. Д. 300. Л. 9).

Продолжим перечень телеграфных сообщений.

Некто Ю. Г. Голодухина в телеграмме ярославскому губернатору заявила о своём желании предоставить комитету под лазарет свой дом на Дворянской улице и оборудовать в нём за свой счёт шесть кроватей (ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 3. Д. 94. Л. 11). С. Н. Вахромеева в письме во врачебное отделение Ярославского губернского правления сообщала о готовности предоставить личный автомобиль в распоряжение комитета для перевозки больных и ра-

нелых (ГАЯО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 119. Л. 12).

Доктора С. С. Берлянд и Д. Б. Штерн выразили желание безвозмездно работать в городских лазаретах в качестве врачей-консультантов по их специальностям (ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 3. Д. 94. Л. 13).

Казначеем Ярославского губернского комитета Российского общества Красного Креста был сделан доклад о том, что с 15 до 29 августа 1914 года в распоряжение комитета поступили финансовые средства для больных и раненых воинов – 7647 рублей 89,5 копейки, что составило вместе с ранее полученной суммой весьма значительные по тем временам средства, а именно 23 882 рубля 24,5 копейки. Самый крупный взнос внесло акционерное общество «Табачные и спичечные фабрики н-ков И. Н. Дунаева» – 7000 рублей. Данная сумма была пожертвована для годичного содержания 12 больничных коек (ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 3. Д. 94. Л. 14). Торговый дом «А. П. Селиванов и сыновья» был готов открыть 10 коек в г. Ростове для раненых воинов (ГАЯО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 119. Л. 12).

Для организации дополнительного лазарета был передан один из самых элитных ресторанов не только города Ярославля, но и всей губернии. Речь идёт о ресторане «Бутлер», который в дневное время функционировал в качестве семейного ресторана, а в вечернее и ночное время – в качестве ресторана, в который не допускались дамы. Этот ресторан был передан для устройства в нём лазарета, рассчитанного на лечение 60 раненых (ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1650. Л. 41).

При Ярославской земской больнице было создано общество, которое ставило перед собой цель оказывать нравственную и материальную помощь тем больным, кто находится в больнице постоянно, а также больным,

приходящим на лечение, наподобие современного дневного стационара. Также помощь оказывалась и семьям рабочих, которые на время болезни кормильца оставались без средств к существованию. Тех, кто выписывался из больницы, благотворительное общество снабжало медикаментами для дальнейшего лечения, пособием, одеждой и едой (ГАЯО. Ф. 485. Оп. 4. Д. 903. Л. 1).

Состав благотворительных обществ мог быть различным. Принимались лица обоего пола, всех званий и вероисповеданий, их количество было не ограничено. Члены благотворительных обществ делились на почётных, действительных и членов-сотрудников. Почётными членами считались лица, оказавшие особые услуги или внесшие не менее 500 рублей в пользу организации. Действительными членами становились лица, которые были обязаны вносить ежегодно не менее 5 рублей и одновременно 100 рублей. Членами-сотрудниками считались лица, принимавшие личное участие в делах общества или же внесшие меньше годичного взноса.

Совет благотворительного общества состоял из председателя и пяти членов. Выборы председателя проходили закрытой «баллотровкой» (или по 1 баллу за записку) на общем собрании. Кроме того, в совет входили старший врач больницы, член губернской земской управы, заведующий больницей, священник больничной церкви и один из ординаторов больницы (ГАЯО. Ф. 485. Оп. 4. Д. 903. Л. 4). Совет общества из своего состава выбирал на один год товарища председателя, казначея и секретаря. Начавшаяся война вызвала в обществе подъём патриотических настроений, и люди были готовы оказывать посильную помощь, в которой нуждались мирные граждане и пострадавшие воины в связи с военным временем.) Для этого Яро-

славское губернское дворянское собрание на заседании 21 апреля 1914 года постановило образовать кассу взаимопомощи на 10 лет. Касса взаимопомощи пополнялась из расчёта 1/2 копейки с десятины земли, принадлежавшей потомственным дворянам Ярославской губернии. Также в кассу поступали взносы от торговых и промышленных заведений Ярославля (ГАЯО. Ф. 214. Оп. 1. Д. 203. Л. 46).

По распоряжению губернатора постоянно проводились благотворительные акции, причём не только в крупных городах губернии. Материальную помощь не только собирали для солдат и офицеров, находившихся непосредственно в госпиталях и лазаретах Ярославской губернии, но и отправляли в действующую армию. В газете «Голос» от 8 октября 1914 года было повторно напечатано объявление о том, что 10, 11 и 12 октября по улицам Ярославля проедут фуры для сбора тёплых вещей, одежды и белья [4]. Движение началось 10 октября ровно в 10 часов дня. Для привлечения большого количества людей сборщики во время движения фур включали звуковые сигналы, тем самым обозначая своё приближение. Эти звуки показывали неравнодушным ярославцам места сбора тёплых вещей для нужд фронта и тыла.

Собранные вещи складировались в Ярославле в бывших табачных торговых павильонах и складах на Большой Линии, которые принадлежали купцу первой гильдии Василию Николаевичу Дунаеву. В номере газеты «Голос» от 14 октября так описывалась сложившаяся ситуация: «...мало нашлось желающих взять на себя окраины города. А между тем, едва ли сборщики на центральных улицах могли вынести столько удовольствия, столько светлых эмоций, как «фургончики» окраин... Население маленьких домиков... несло в фуры всё, что могло. И росли горы платья, таба-

ка, чая, сахара, яблок, домашней утвари. Одних только самоваров с обитателей «фабричных каморок» собрали 11 штук» [5].

Итоги трёхдневного сбора «Голос» подвел 18 октября 1914 года: «Закончился разбор на Дунаевском складе: 10 тюков тёплых рубашек, 750 брюк, 725 пиджаков, 473 штуки шуб, полушубков и пальто, 3180 пар носков, 500 пар портянок, 1900 пар мужского белья, 200 пар валенок, 800 шарфов, 950 полотенец и т. д.». К указанным количественным параметрам благотворительной помощи следует также добавить более 150 пудов чая, сахара, табака и мыла, собранных ярославцами [6].

Аналогичные сборы проводились и другими комитетами и организациями. Так, газета «Голос» сообщала: «В воскресенье и понедельник, 28 и 29 сентября, в Ярославле, Нормском, Диево-Городище и с. Великом будет произведён кружечный сбор в пользу Красного Креста. В воскресенье с 12 часов дня в помещении губернского правления начнётся выдача сборщикам кружек и значков для продажи; в 2 часа в соборе будет отслужен молебен, по окончании которого и начнётся сбор» [7]. Сборы, устраиваемые небезразличными жителями губернии, далеко не всегда были крупными, но они показывали патриотический настрой значительной части населения, использовались на благое дело помощи Российской армии. На эти деньги закупали необходимый перевязочный материал для лечения больных и раненых воинов.

Благодаря комитету больных и раненых воинов, который был основан 28 июля 1914 года по распоряжению Ярославской городской думы, в Ярославской губернии начали устраивать так называемые Дни войны. Сентябрьские сборы по этой акции в городе Ярославле, Нормском посаде и селе Великом принесли существенные по тем временам денеж-

ные средства, превышающие 11 113 рублей. Для сравнения стоит отметить, что средняя месячная заработная плата рабочего в Ярославле составляла в 1914 году примерно 25 рублей. На полученные от вышеназванного сбора деньги было решено построить дополнительно четыре лазарета (ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1652. Л. 28).

В сообщении корреспондентов газеты «Голос» от 1 октября 1914 года ярко описано внимательное и заботливое отношение ростовских крестьян к нуждам местного лазарета. В номере отмечалось прибытие к ростовскому лазарету двух крестьян на телегах. Телега одного из них была доверху наполнена разными овощами, а в телеге другого стоял огромный ящик из-под цикория, в котором «кульки» были сложены сахар, чай, разная крупа, махорка. Вся эта провизия была передана для нужд лазарета [2].

1 сентября 1914 года ярославскому губернатору поступило прошение за № 8033 из Ярославского губернского комитета помощи больным и раненым воинам о разрешении поставить в магазинах и на фабриках г. Ярославля кружки для сбора пожертвований на содержание воинов, принятых комитетом на излечение (ГАЯО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 12. Л. 2). В ответ на данное прошение 5 сентября за № 10432 было получено разрешение от губернатора, оговоренное определёнными условиями: кружки должны быть опечатаны печатью комитета, а ярославскому полицмейстеру должно быть сообщено, где они поставлены. Вскрытие кружек должно производиться только в присутствии полицейского с составлением каждый раз надлежащего акта, а по окончании сбора предписывалось представить соответствующий отчёт (ГАЯО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 13. Л. 3).

В адрес редакции газеты «Голос» для передачи вышеупомянутому Дамскому комитету

приходили с фронта благодарственные письма: «Генерал-майор А. А. Фогель просит напечатать следующее: «Шлю сердечную благодарность дамскому комитету по сбору пожертвований в Ярославле за присланные нижним чинам 46-й артиллерийской бригады тёплые вещи и подарки, которые выданы по принадлежности. Командир 46-й артиллерийской бригады генерал-майор Фогель» [8]. На газетных страницах также была опубликована благодарность Дамскому комитету от нижних чинов 1-й батареи 46-й артиллерийской бригады.

6 ноября 1914 года ярославскому губернатору поступило представление, в котором предлагалось устроить 21, 22 и 23 ноября совместно с Дамским комитетом в г. Мологе лотерею-аллегри из пожертвованных предметов. Вырученные средства от данного мероприятия пошли бы на изготовление тёплой одежды для действующей армии (ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7476. Л. 21). Однако на проведение лотереи губернатор не дал разрешение, ввиду того что на общественном собрании данные лотереи были признаны незаконными (ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7476. Л. 22).

После отказа в проведении лотереи мологский голова, купец Алексей Иванович Блатов, пишет прошение губернатору о проведении в Мологе 18, 19 и 20 декабря сбора тёплых вещей и подарков для армии (ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7476. Л. 34). На этот раз разрешение от губернатора было получено, но с условием, что Блатов заблаговременно представит список сборщиков и руководителей сбора, а также сообщит, куда будут доставлены собранные вещи. Также сборщики должны были быть снабжены соответствующими плакатами и удостоверениями личности от попечительства или полицейского управления. После данной акции голова был обязан представить отчёт губернатору (ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7476. Л.

36). Требуемый отчёт был представлен в срок. Необходимо отметить, что список собранных для воинов вещей и предметов состоял из 117 пунктов. В него были включены рубашки, носки, портянки, часы, старинные монеты, солонки, маслёнки, табак, чай, сахар и многое другое, в том числе деньги на сумму 247 рублей 65 копеек (ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7476. Л. 40). Аналогичные акции устраивались во всех уездах Ярославской губернии.

Многие жители губернии приносили в качестве пожертвований книги, журналы и газеты для передачи их находящимся на излечении воинам. Данная инициатива была приостановлена срочной телеграммой ярославского губернатора от 11 октября 1914 года, в которой указывалось, что вся литература должна быть проверена в целях предупреждения возможности снабжения воинских чинов тенденциозной и даже преступной литературой (ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 2698. Л. 11). Отныне весь литературный материал для чтения доставлялся в лазареты через Ярославскую губернскую земскую управу, которая с этого момента стала ответственной за допущение названного материала к прочтению (ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 2698, ГАЯО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1172).

Ежедневно в газете «Голос», в рубрике «Ярославская жизнь», печаталось объявление о том, что в тот или иной день через Ярославль будет проходить санитарный поезд, перевозящий раненых в Кострому или Вологду. К поезду всегда приходили представители губернского железнодорожного комитета и местные жители. Эти люди передавали раненым папиросы, спички и монпансье, а медицинскому персоналу – посылки с перевязочным материалом. Часто передавались и последние выпуски иллюстрированных журналов и газет.

Нередко пожертвования поступали в Яро-

славское местное управление Российского общества Красного Креста. Так, например, в 151-м выпуске газеты «Голос» упоминается о том, что от директора и инспектора народных училищ Ярославской губернии поступило 45 рублей, Пречистенского волостного правления Любимского уезда – 4 рубля 46 копеек, исполняющего дела ярославского полицмейстера Долино-Добропольского и чинов городской полиции – 94 рубля 40 копеек, Марии Львовны Зиновьевой – 9 рублей 37 копеек, крестьянина Александра Яковлевича Симаква – 15 рублей, от Ярославской гимназии имени Александра I поступило 8 рублей 79 копеек. Здесь же упоминается и о пожертвованиях марли, которая применялась солдатами на фронте для защиты от удушливых газов: от Найдёновой поступило 50 упаковок марли, Пугошниковой – 70 упаковок, Чекаловой – 40 упаковок, от земского врача Великосельского уезда – целый ящик марли. Передавали также бельё, рубашки, кальсоны и портянки [9].

Иногда в местной прессе публиковались объявления о продаже чего-либо или об оказании различных услуг с указанием, что определённый процент с полученной суммы пойдёт на нужды фронта. После указанного адреса в некоторых объявлениях печатались номера кружек, в которые продавец товаров или услуг откладывал определённый им же самим процент от продажи товара или оказания услуг [10].

Известно, что одной из самых страшных болезней на момент Первой мировой войны в Российской империи и во всем мире был туберкулёз. В 1912 году была создана «Туберкулезная лига» – организация, одной из задач которой являлся поиск средств для лечения больных, страдающих указанным заболеванием. Деятельность «Туберкулезной лиги» продолжилась и в военные годы. Одним из источ-

ников, пополнявших казну организации, стали благотворительные спектакли, которые проходили в ярославском театре им. Ф. Г. Волкова. Сообщения об этих благотворительных постановках регулярно печатались в газете «Голос» [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что население Ярославской губернии оказывало посильную помощь раненым и больным воинам, активно передавало вещи и продукты питания для нуждающихся участников боевых действий. Большую роль в этом сыграли земские и общественные организации, редакции газет, которые регулярно занимались вопросами благотворительности, собирали продукты питания, одежду, другие необходимые вещи для раненых солдат, а также решали многочисленные организационные и технические вопросы.

Библиография / References:

1. Волкова Т.И. Земство и социокультурная модернизация российской провинции в начале XX века (по материалам губерний Центральной России). 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука и слово, 2016. – 280 с.
2. Голос (Ярославль). – 1914. – № 225. – С. 4.
3. Голос (Ярославль). – 1914. – № 229. – С. 1.
4. Голос (Ярославль). – 1914. – № 231. – С. 3.
5. Голос (Ярославль). – 1914. – № 236. – С. 3.
6. Голос (Ярославль). – 1914. – № 240. – С. 3.
7. Голос (Ярославль). – 1914. – № 272. – С. 4.
8. Голос (Ярославль). – 1915. – № 3. – С. 3.
9. Голос (Ярославль). – 1915. – № 151. – С. 3.
10. Голос (Ярославль). – 1916. – № 222. – С. 1.
11. Голос (Ярославль). – 1917. – № 10. – С. 4.
12. Иерусалимский Ю.Ю. Деятельность благотворительных организаций Ярославской епархии Русской православной церкви во второй по-

ловине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2022. – № 4. – С. 32–38.

13.Любарец А.Г. Социокультурная деятельность духовенства Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в.: дис. канд. ист. наук. – Иваново, 2011. – 214 с.

14.Ярославские губернские ведомости. Официальная часть. – 1916. – № 1. – С. 5.

1.Volkova T.I. Zemstvo and socio-cultural modernization of the Russian province at the beginning of the twentieth century (based on the materials of the provinces of Central Russia). 2nd ed., ispr and add. - M.: Science and the Word, 2016. - 280 p.

2.The voice (Yaroslavl). 1914. No.225. p. 4.

3.The voice (Yaroslavl). 1914. No.229. p. 1.

4.The voice (Yaroslavl). 1914. No.231. p. 3.

5.The voice (Yaroslavl). 1914. No.236. p. 3.

6.The voice (Yaroslavl). 1914. No.240. p. 3.

7.The voice (Yaroslavl). 1914. No.272. p. 4.

8.The voice (Yaroslavl). 1915. No.3. p. 3.

9.The voice (Yaroslavl). 1915. No.151. p. 3.

10.The voice (Yaroslavl). 1916. No.222. p. 1.

11.The voice (Yaroslavl). 1917. No.10. p. 4.

12.Jerusalem Yu.Yu. Activity of charitable organizations of the Yaroslavl diocese of the Russian Orthodox Church in the second half of the XIX century. // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2022. No. 4. pp. 32-38. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-32-38.

13.Lyubarets A.G. Socio-cultural activity of the clergy Yaroslavl Diocese in the late XIX – early XX centuries: dis. candidate of Historical Sciences. Ivanovo, 2011. 214 p.

14.Yaroslavl provincial vedomosti. The official part. 1916. No. 1 p. 5.

УДК 37.068:7.025.4

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-1-55-63

ЛИВЦОВ Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru, AuthorID: 367835

LIVTSOV V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director, Central Russian Institute of Management - branch of the RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru, AuthorID: 367835

ДЕМИДОВ Артём Геннадьевич, председатель Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (Россия, Москва), e-mail: csvoopik@mail.ru, AuthorID: 1059918

DEMIDOV A.G., Chairman of the All-Russian Public Organization «All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments» (Russian Federation, Moscow), e-mail: csvoopik@mail.ru, AuthorID: 1059918

**ВЛИЯНИЕ ДВИЖЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ ПОМОЩНИКОВ-РЕСТАВРАТОРОВ
НА СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ**

**THE IMPACT OF THE VOLUNTARY ASSISTANT RESTORERS MOVEMENT ON THE
CONSERVATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN RUSSIA**

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе движения добровольных помощников-реставраторов. Авторы рассматривают исторические особенности развития волонтерского движения в сфере сохранения культурного наследия в СССР и современной России, а также значение работы ВООПИК в данном направлении. Обращение к опыту формирования памятникоохранительных добровольческих практик в 1960–1980-е годы позволяет создать целостную картину становления и развития добровольческой деятельности в данной сфере, что является необходимой базой для воспитания новых поколений молодых волонтеров, заботящихся о сохранении самоидентичности России, а также для совершенствования управления волонтерскими сообществами.

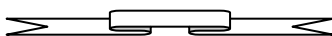
Ключевые слова: помощники реставраторов, добровольчество, волонтерское движение, историко-культурное наследие, охрана памятников, ВООПИК, исторический опыт.

Abstract. The purpose of the study is to analyze the voluntary assistant restorers movement.

The authors consider the historical features of the development of the volunteer movement in the field of cultural heritage conservation in the USSR and modern Russia, as well as the significance of the work of the VOOPIK in this direction.

As a result, the authors note that to appeal to the experience of the formation of monuments protection volunteer practices in the 1960s-1980s allows to create a holistic view of the formation and development of voluntary work in this area, which is the necessary basis for an education of new generations of young volunteers who care about preserving Russian identity, as well as for improving the management of volunteer organizations.

Keywords: assistant restorers, Voluntary work, voluntary movement, historical and cultural heritage, monuments protection, VOOPIK, historical experience.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование природы волонтерского движения в сфере сохранения культурного наследия в России представляется актуальным в связи с существующей в настоящее время необходимостью модернизации всей системы координации сообществ волонтеров. Анализ самобытного опыта создания и видоизменений в характере и деятельности объединений добровольцев во второй половине прошлого столетия, связанных с растущим интересом населения России к вопросам сбережения национального культурного наследия, даёт возможность показать объёмную картину возникновения и постепенной трансформации добровольных объединений помощников реставраторов, стимулировать в новых условиях подготовку современных волонтеров в целях сохранения памятников культуры России.

В 1960-е годы общественность в центре и на периферии начала собирать информацию о положении памятников, что способствовало их сохранению. Весной 1964 года в столице прошла серия встреч, на которых обсуждались проблемы сохранения культурного наследия. Обсуждение было спровоцировано ликвидацией исторической застройки старой Москвы.

С этого времени наступает совершенно новый период в формировании общественных структур, ратовавших за спасение и передачу потомкам исторической среды городов России. Возникает совершенно новая самостоятельная структура – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) [1, Л. 110].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Активное включение общественных сил в реставрацию памятников истории и культуры стало характерной особенностью периода

1960-х гг. [3, Л. 116] Развитие движения в защиту памятников искусства и старины происходило в тесной взаимосвязи с деятельностью общества охраны памятников. Для данного периода характерным является общий качественный рост движения, его целенаправленность. При этом имело место не только вовлечение общественности в вопросы оказания помощи реставраторам, а речь шла о новых формах участия общественников-энтузиастов в сохранении историко-культурного наследия. Работа по сохранению русского культурного наследия для многих приобрела «необыкновенную притягательность» [2, Л. 9]. Возникавшие патриотические объединения не ограничивались просветительской работой, «но стремились к практическому делу», организовывали воскресники в помощь реставраторам памятников культуры.

Широко распространённой формой шефского движения стали массовые субботники и воскресники. Нарастающая волна создания групп общественных помощников реставраторов, начавшая свой подъём на рубеже 1960-х гг., продолжая нарастать, была призвана решить некоторые проблемы спасения памятников старины. Массовые общественные работы получили распространение, в первую очередь – в Москве и Ленинграде. В других городах участие общественности в реставрации памятников истории и культуры осуществлялось усилиями относительно стабильных небольших коллективов. К ним относились, например, шефская группа в Волгограде, клуб «Вече» в Ельце, группа «Почин» в Костроме, клуб «Русь» в Липецке, «Добрая воля» в Калуге, шефские группы в Пскове, клубы «Кто, если не ты?» в Самаре, «Добрая воля» в Тобольске. Шефская работа в тех или иных формах во взаимодействии с ВООПИИК проводилась в 47 областях, краях и республиках Российской Федерации.

Важной формой волонтерской работы но-

вой общественной структуры было создание экскурсионных и лекторских групп. Они включали в себя как ветеранов, читавших лекции об установленных в разных местах страны воинских и революционных мемориалах, так и молодёжь. Наиболее активную работу проводили областные организации ВООПИК в Курской и Куйбышевской областях. Они задавали тон в организации похода молодёжи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа [4, Л. 5].

Летом 1967 года в первичной организации общества физического факультета МГУ возник замысел по привлечению студентов в период летних каникул к работам по реставрации и благоустройству памятников старины. Инициатива студентов была поддержана ректоратом, а также получила одобрение ЦК ВЛКСМ и ЦС ВООПИК. Был создан первый студенческий реставрационно-строительный отряд численностью 78 человек, который выехал в Архангельскую область. Они планировали осуществить помощь в реставрации на Соловках, в Карелии и в Кижях [7, С. 38]. Кроме своей основной деятельности волонтеры помогали строить дороги и другие инфраструктурные объекты, занимались лекционной деятельностью, выступая перед местными жителями с сообщениями о древнерусской архитектуре [4, Л. 11].

Осенью президиум ЦС ВООПИК заслушал информацию о деятельности студенческих отрядов и принял решение о расширении масштабов волонтерского эксперимента. 11 сентября 1967 года молодёжная секция ЦС ВООПИК решила организовать уже семь московских студенческих реставрационно-строительных отрядов [5, Л. 13]. Был создан штаб студенческих реставрационных отрядов при Московском городском комитете ВЛКСМ, действовавший совместно с Центральными

научно-реставрационными мастерскими Министерства культуры РСФСР. Кроме того, были определены объекты реставрации на лето 1968 года. Для углубленного ознакомления участников отрядов с историей памятников, а также в целях содействия в дальнейшем успешному освоению видов работ были организованы выступления с докладами главных архитекторов объектов.

В марте 1968 года бюро молодёжной секции ЦС ВООПИК отправило командиров отрядов на объекты для заключения договоров с местными трестами, выступающими в качестве подрядных организаций [7, С. 38]. 1 июля 1968 года первые семь реставрационно-строительных отрядов выехали на летние работы. Таким образом, в 1968 году было положено начало новой форме комсомольско-молодёжного движения, получившей статус и права студенческих строительных отрядов.

Начиная с 1969 года, помимо московских отрядов, на реставрации памятников истории и культуры стали работать отряды, созданные в Архангельске, Волгограде, Иркутске, Красноярске, Кургане, Мурманске, Нальчике, Новгороде, Пензе, Рязани, Свердловске, Смоленске, Ярославле. За период 1967–1977 годов только московские отряды освоили 3 миллиона 863 тысячи рублей капиталовложений, при средней продолжительности рабочего периода 1,5 месяца сумма освоения на реставрационных работах составляла 20 тысяч рублей. В 1977 году эта сумма превысила 660 тысяч рублей. Основным заказчиком работ студенческих реставрационных отрядов стало Министерство культуры РСФСР.

Если первоначально отряды только расчищали территории объектов, выполняли несложную кирпичную кладку, то в последующие годы студенты стали выполнять и сложные инженерные работы.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. вместо студенческих строительно-реставрационных отрядов, созданных на основе принадлежности к определённому вузу, возникли отряды, занимавшиеся восстановлением памятников на Русском Севере.

Именно в эти годы в рамках подготовки Свода памятников народов РСФСР, проводимой ВООПИК, развернулись работы по исследованию древностей Русского Севера. Во главе этой инициативы стояли А. Г. Шабельников и М. П. Кудрявцев. К сожалению, к концу 1970-х гг. эта деятельность угасла.

На Крутицком подворье в Москве в ноябре 1971 года П. Д. Барановским была организована Комиссия общественности по шефству над памятниками. Это событие дало толчок к возникновению в Москве массового шефского движения. Пётр Дмитриевич Барановский был среди организаторов и руководителей первых научных и производственных учреждений охраны и реставрации памятников, создаваемых в стране. При его участии разработаны основополагающие документы в области выявления, учёта и сохранения памятников истории и культуры, по его инициативе в Москве родилось движение по добровольной помощи в восстановлении памятников отечественной истории и культуры. Под его руководством выполнена реставрация более 100 памятников различных эпох, школ и стилей. Среди них такие всемирно-исторические шедевры, как Крутицкое подворье, церковь Одигитрии, постройки Болдинского монастыря на Смоленщине, церковь Параскевы-Пятницы в Чернигове, памятники Ярославля и Русского Севера. Этот человек всей своей жизнью являл пример высокого гражданского служения Отечеству [11, С. 166].

Названная самостоятельная структура являлась «деятельной преемницей» работавшего в

шестидесятих годах и вдохновлявшегося идеями Барановского патриотического клуба «Родина». Данное объединение, как и многие ему подобные, смогло просуществовать до 1967 года. В течение нескольких последующих лет П. Д. Барановский смог осуществить идею об организации регулярно работающих групп добровольцев – помощников на реставрируемых памятниках зодчества. В 1981 году в структуре Московского городского отделения ВООПИК комиссия получила официальный статус.

До 1982 года комиссия работала на четырех памятниках Москвы. Позднее в течение двух сезонов добровольцы выезжали в Болдинский монастырь Смоленской области. С 1983 года началось стремительное расширение деятельности.

В 1989 году секция провела 562 воскресника на 46 памятниках Москвы. Серьёзная работа была проделана в Донском, Новодевичьем, Ново-Симоновом, Богоявленском, Николо-Перервинском монастырях, в Крутицком подворье. Секция участвовала в реставрационных работах на бывших храмах – Фёдора Студита у Никитских ворот, Михаила Архангела в Андрониковом монастыре, Спаса на Сетуни и др.

В начале 1980-х годов значительный объём шефской помощи был направлен на восстановление историко-архитектурных памятников Подмосковья, где, ввиду масштабов стоящих задач, было принято решение об организации специальной областной секции.

В это же время получила развитие новая форма деятельности – отряды добровольцев, выезжающие летом для проведения своими силами консервационных или реставрационных работ на отдалённых памятниках – прежде всего Белозерска, Соловецкого монастыря, Архангельской области, в усадьбах Полотня-

ный Завод и Спасское-Лутовиново [13, С. 165].

Со 2-й половины 1980-х годов шефское движение, помимо того, что начинает активно развиваться во многих городах, становится составной частью работы ВООПИК. Центральный совет общества уделяет значительное внимание пропаганде движения, распространению его опыта, а также организации шефских объединений во всероссийском масштабе. В 1986 году прошло первое совещание представителей шефских объединений в Ленинградском горотделении общества. На нём присутствовали гости из Москвы, а также из Горького и даже из Белоруссии (из Минска, Витебска и Гомеля) и Эстонии. Присутствующие говорили о необходимости расширить сотрудничество в сфере волонтерства.

Весной 1987 года ЦС ВООПИК провёл первое Всероссийское совещание шефских товариществ, где собравшиеся решили создать Российский совет шефских объединений при ЦС ВООПИК [14, С. 43].

22–23 апреля 1988 года ЦС ВООПИК с Российским советом шефских объединений провели второе совещание, в котором участвовали 25 объединений из Москвы и Ленинграда, а также из областных центров, например из Иркутска и Орла. Присутствовали представители и от 22 отделений ВООПИК. Одним из ключевых тезисов как первого, так и второго совещания стала идея коллективного поиска решений общих проблем. Этот итог предопределил основное направление работы шефских объединений на ближайшую перспективу – «всемерное содействие установлению прямых связей, развитие трудовой дружбы...» [14, С. 44].

На протяжении 1980-х годов шефские объединения возникали при местных отделениях ВООПИК, горисполкомах, реставрационных мастерских, центрах молодёжных инициатив

комсомола, на базе вузов и средних школ. Показателен тот факт, что Российский совет шефских объединений, на который возлагалась задача координации этих многочисленных и достаточно разнородных товариществ и групп, был создан именно при ЦС ВООПИК – в структуре «общественной организации, специализирующейся на сохранении памятников силами общественников и имеющей в этом деле устойчивые традиции и наибольший опыт...». На втором совещании было принято Положение о Российском совете шефских объединений. В нём были сформулированы принципы работы совета, такие как:

- добровольность участия, равноправие, самостоятельность и взаимопомощь шефских объединений совета;
- рекомендательный характер принимаемых решений;
- коллективность членства в совете (членом совета является шефское объединение, направляющее в совет своих представителей);
- некоторая децентрализация в управлении советом (наряду с председателем избирались заместители от Москвы, Ленинграда и Сибири).

Шефское движение конца 1980-х годов претерпевало также качественные изменения. Энтузиасты охраны памятников уже не хотели быть лишь помощниками в реставрации, а желали заниматься высококвалифицированными работами, для которых хотели готовить профессиональные кадры. Была поставлена задача ещё больше активизировать деятельность по восстановлению памятников. Справедливо утверждать, что совместные усилия ВООПИК и шефских объединений способствовали перестройке в деле сохранения историко-культурного наследия.

С 1988 года – года 1000-летия Крещения Руси – начались реставрационные работы в

старых православных центрах России, монастырях – Иоанно-Богословском Рязанской области, Толгском Ярославской области. Затем в Оптиной пустыни. Следует отметить особую роль секции в возрождении национальной святыни – храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове.

В июне 1989 года были начаты работы по воссозданию храма Казанской иконы Богоматери на Красной площади в Москве. В 1990 году шефская секция осуществила 16 выездов на памятники Северной и Центральной России.

Таким образом, шефская секция, являясь составной частью структуры ВООПИК, находила полную поддержку со стороны городского отделения общества. По нашему мнению, данное обстоятельство в значительной мере повлияло на результаты деятельности секции за период в два десятилетия [8, С. 45].

В 1989 году было положено начало сотрудничеству ВООПИК и Союза пионерских организаций, получившее форму программы «Помоги памятникам Отечества».

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. достаточно отчетливо прослеживается органичная связь шефского движения с ВООПИК. Для периода конца 1980-х – начала 1990-х гг. характерно активное образование и деятельность многочисленных общественных организаций. Многие из них стали заниматься вопросами сохранением памятников России. Но в это время общество охраны памятников не стало координатором этих разнородных структур, что, в свою очередь, оказало влияние на интеграционные процессы, проходившие в шефском движении.

Яркой чертой того времени явилось формирование самостоятельных реставрационных организаций с правами юридических лиц, имевших возможность покупки инструментов и

стройматериалов. Они стали новыми центрами обучения реставрационным практикам. Здесь работали бесплатно, но заработок переводился на счёт и расходовался на дальнейшее развитие движения.

Ученики Северодвинского СПТУ с мастером А. И. Климовым в период летней практики начали реставрацию деревянного храма на «поточно-промышленной» базе, заблаговременно зимой заготовив необходимые детали.

Учащиеся и тренеры спортшколы в г. Чусовом Пермской области восстановили улицу из зданий, которые раньше могли быть уничтожены. Были отреставрированы две часовни. В них разместился музей И. Т. Ермака и материалы о р. Чусовой. Были воссозданы: колодец, кузница, торговая лавка, крестьянские дома, где собирались этнографические предметы и археологические артефакты.

В селе Озерки Липецкой области члены клуба «Вече» начали воссоздавать родовую усадьбу великого русского писателя И. А. Бунина. Также в городе Ельце они демонстрировали надомную резьбу, изразцы, оконную фурнитуру с деревянных зданий, которые невозможно было спасти от сноса [9, С. 118].

В Тобольске клуб «Добрая воля» создал программу реставрации памятников, рассмотренную госорганами и побудившую Минкульт РСФСР поручить объединению «Росреставрация» расширить работы в г. Тобольске.

Волонтерские клубы работали не только в столицах. Стали известны орловский клуб «Феникс», ярославские «Товарищество» и «Реставратор», воронежские «Памятники Отечества» [12, С. 35].

В Российской Федерации волонтерское движение к концу 1980-х гг. активно развивалось уже на 32 территориях.

Но общая ситуация в стране вскоре привела к отделению от общества охраны памятни-

ков добровольческого движения, а вскоре и к оформлению добровольческих объединений в независимые реставрационные коллективы. Но вследствие инициатив добровольцев (в том числе из ВООПИК) в 1970–1980-е гг. удалось спасти от уничтожения множество объектов историко-культурного наследия.

С началом осуществления перестройки в середине 1980-х гг. общество охраны памятников испытывало небывалый подъём. Именно тогда возобновилась запрещённая ранее хозяйственная деятельность организации. Выравнивается и финансовое состояние ВООПИК. Организация участвовала во многих крупных государственных проектах и само было застрельщиком инноваций в деле сохранения памятников.

В то же время 1990-е годы оказались трудными для ВООПИК. Организация теряет финансовую стабильность. Но его общественное влияние даже возросло.

В 2000 году Стрельнинское ВООПИК выступило застрельщиком восстановления Константиновского дворца для морской резиденции Президента РФ. Перед реставрационными работами комплекс передали отделению общества охраны памятников.

По инициативе Президиума ЦС ВООПИК в 2005 году возобновляется работа студенческих реставрационных отрядов. Это нашло поддержку у Президента РФ В. В. Путина в марте 2005 года.

ВООПИК создаёт студенческий отряд «Наследники России». Он начинает восстановление Спасо-Каменного монастыря на Вологодчине. «Наследники России» работали в Иркутской и Орловской областях. Возникли реставрационные центры в областных отделениях ВООПИК Москвы и Петербурга.

ВООПИК и телекомпания «Спас» 13 апреля 2010 года организовали круглый

стол «Волонтёрские программы на объектах культурного наследия: проблемы организации и развития», приуроченный к Международному дню памятников и достопримечательных мест. В круглом столе приняли участие представители ВООПИК – организаторы и участники волонтёрских отрядов Орловской, Нижегородской и Ленинградской областей, добровольческих объединений МГУ, МГИМО, Новгородского университета, представители музеев-заповедников, международных добровольческих программ. К участию были приглашены представители Государственной Думы РФ, Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, Общественной палаты РФ, Минкультуры Московской области. Целью круглого стола являлось привлечение широкого внимания к инициативе ВООПИИК по организации работы студенческих отрядов, создание на портале ВООПИИК диспетчерского центра, который начал бы аккумулировать спрос и предложение на волонтёрские работы на памятниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ работы волонтёрского движения в сфере сохранения культурного наследия в России подтверждает свою актуальность. Исследование самобытного опыта создания и видоизменений в характере и деятельности объединений добровольцев во второй половине прошлого столетия, связанных с растущим интересом населения России к вопросам сбережения национального культурного наследия, даёт возможность показать объёмную картину возникновения и постепенной трансформации добровольных объединений помощников реставраторов, стимулировать в новых условиях подготовку современных волонтёров в целях сохранения памятников культуры России. Массовую работу с волонтерами ВООПИК возобновило с 2016 года.

Отправной точкой повышения интереса к проблеме добровольческого движения в области сохранения культурного наследия в России стал российско-французский форум «Волонтерство в деле сохранения культурного наследия», проведенный в октябре 2016 года в Москве. Его организатором выступило общество охраны памятников при поддержке федерального государственного учреждения культуры «АУИПИК» и департамента культурного наследия столицы [6, С. 128].

2017–2019 годы стали периодом активного взаимодействия власти и волонтеров в сфере охраны памятников. В 2017 году обществом были заключены соглашения о взаимодействии по вопросам развития волонтерских инициатив с Министерством культуры России, Росимуществом, АУИПИК. В конце того же года Президентом Российской Федерации В. В. Путиным было одобрено предложение ВООПИК об организации ресурсного центра поддержки добровольческих движений в деле сохранения наследия [6, С. 129].

По итогам слушаний Общественной палаты РФ «Практика и перспективы участия добровольцев в сохранении культурного наследия в России и Франции» 2018 год было решено объявить Годом добровольца (волонтера) в России. В августе 2018 года была одобрена и рекомендована к реализации концепция общественного движения «Волонтеры культуры». Сформированные в советский период наработки в деле привлечения добровольцев к восстановлению памятников задали вектор дальнейшего развития ВООПИК в современной России как самого опытного и умелого организатора волонтерства в сфере охраны памятников. В целом волонтерские практики в сфере сохранения памятников прошли значительный путь своего формирования. Благодаря добровольцам были восстановлены многие

шедевры архитектуры. В ходе волонтерских работ формируется культурная идентичность российской молодежи, основанная на самоотверженности, патриотизме и любви к культуре.

Библиография / References:

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. А-639. – Оп. 1. – Д. 5.
2. ГАРФ. – Ф. А-639. – Оп. 1. – Д. 8.
3. ГАРФ. – Ф. А-639. – Оп. 1. – Д. 150.
4. ГАРФ. – Ф. А-639. – Оп. 1. – Д. 154.
5. ГАРФ. – Ф. А-639. – Оп. 1. – Д. 187.
6. Анализ практики привлечения добровольцев к сохранению культурного наследия (на примере России, Великобритании и Франции) / М.Д. Воропаева, Н.И. Горлова, А.В. Губина, А.Г. Демидов, И.В. Климова, А.Ю. Милакова, Д.С. Юдин. – М.: ВООПИиК, 2020. – 308 с.
7. Бадекин Б.И. Студенческие реставрационные отряды // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1983. – № 1 (7). – С. 38–39.
8. Кротюк В.Ф. Добровольцы // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1991. – № 2 (24). – С. 41–45.
9. Маланичева Г.И., Ливцов В.А. Этапы истории ВООПИиК. К 50-летию образования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: Научная монография / Г.И. Маланичева, В.А. Ливцов. Под общ. ред. П.А. Меркулова. – Орёл: Орловский филиал РАНХиГС, 2016. – 168 с.
10. Михайлов К.Н. «Действуйте! Время пришло» // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1989. – № 2 (20). – С. 118–121.

11. Письмо редакционного совета // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1988. – № 2 (18). – С. 166.
12. Птицын В.А. Круг верных дел // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1991. – № 2 (24). – С. 34–40.
13. Птицын В.А. Реставрационные отряды общественности // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1986. – № 1 (13). – С. 162–165.
14. Птицын В.А. Российское шефское движение // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1988. – № 2 (18). – С. 42–46.
1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (daleye – GARF) [State Archive of the Russian Federation]. – F. A-639. – Op. 1. – D.5. (In Russ.).
2. GARF. – F. A-639. – Op. 1. – D.8. (In Russ.).
3. GARF. – F. A-639. – Op.1.–D.150.(In Russ.).
4. GARF. – F. A-639. – Op.1. – D.154. (In Russ.).
5. GARF.– F.A-639.– Op.1. – D.187. (In Russ.).
6. Analiz praktiki privlecheniya dobrovol'tsev k sokhraneniyu kul'turnogo naslediya (na primere Rossii, Velikobritanii i Frantsii) [Analysis of the practice of attracting volunteers to the preservation of cultural heritage (on the example of Russia, Great Britain and France)] / M.D. Voropayeva, N.I. Gorlova, A.V. Gubina, A.G. Demidov, I.V. Klimova, A.YU. Milakova, D.S. Yudin. – M.: VOOPliK, 2020. – 308s. (In Russ.).
7. Badekin B.I. (1983) Studencheskiye restavratsionnyye otryady [Student restoration teams] // Pamyatniki Otechestva: Al'manakh Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. – №1(7). – S.38-39. (In Russ.).
8. Krotiyuk V.F. (1991) Dobrovol'tsy [Volunteers] // Pamyatniki Otechestva: Al'manakh Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. – №2(24). – S. 41–45. (In Russ.).
9. Malanicheva G.I. Livtsov V.A. (2016) Etapy istorii VOOPliK. K 50-letiyu obrazovaniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury: Nauchnaya monografiya [Stages of the history of VOOPliK. To the 50th anniversary of the formation of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments] / G.I. Malanicheva, V.A. Livtsov. Pod obshch. red. P.A. Merkulova. – Orol: Orlovskiy filial RANKhiGS. – 168s. (In Russ.).
10. Mikhaylov K.N. (1989) «Deystvuyte! Vremya prishlo» [«Act! The time has come»] // Pamyatniki Otechestva: Al'manakh Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. – №2(20). – S.118–121. (In Russ.).
11. Pis'mo redaktsionnogo soveta [Letter from the editorial board] // Pamyatniki Otechestva: Al'manakh Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. – 1988. – №2(18). – S.166. (In Russ.).
12. Ptitsyn V.A. (1991) Krug vernykh del [Circle of true deeds] // Pamyatniki Otechestva: Al'manakh Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. – №2(24). – S.34–40. (In Russ.).
13. Ptitsyn V.A. (1986) Restavratsionnyye otryady obshchestvennosti [Restoration detachments of the public] // Pamyatniki Otechestva: Al'manakh Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. – №1(13). – S.162–165. (In Russ.).
14. Ptitsyn V.A. (1988) Rossiyskoye shefskoye dvizheniye [Russian patronage movement] // Pamyatniki Otechestva: Al'manakh Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. – №2(18). – S.42–46. (In Russ.).

УДК 329.7(470)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-1-64-77

ЕЛИСЕЕВ Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: eliseev@orel.ranepa.ru, AuthorID: 317972

ТИТОВА Елена Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: ogau@mail.ru, AuthorID: 209458

ELISEEV A.L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev@orel.ranepa.ru, AuthorID: 317972

TITOVA E.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: ogau@mail.ru, AuthorID: 209458

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES IN THE IMPLEMENTATION OF MODERN YOUTH POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: Целью статьи является анализ использования исторического опыта зарубежных стран при реализации молодёжной политики в современной России. Молодёжная политика европейских государств, несмотря на её национальные особенности, имеет много общих черт с молодёжной политикой, реализуемой в Российской Федерации. Это, прежде всего, обусловлено спецификой молодёжи как объекта исторического исследования. При этом данное направление в современный период в основном реализуется в трёх главных направлениях: решение актуальных проблем молодёжи в различных сферах общества, поддержка молодёжного движения и обеспечение участия молодёжи в жизни общества. Молодёжная политика в зарубежных странах, в отличие от России, строится на принципах централизации и децентрализации. В нашей стране также следовало бы активно внедрять европейский опыт, основанный на принципе subsidiarity, когда на центральный уровень передают вопросы, ответы на которые нельзя получить на местах. Также авторы анализируют основные отличия в реализации молодёжной политики в РФ и странах ЕС. Так, отмечается, что, несмотря на некоторое сходство главных аспектов молодёжной политики в РФ и странах ЕС, различия остаются существенными и, соответственно, проектируются на понимание сути государственной молодёжной политики

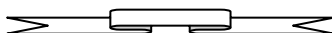
Ключевые слова: молодёжь, молодёжная политика, молодёжная работа, молодёжное законодательство, молодёжные программы, молодёжные организации, государство.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the use of the historical experience of foreign countries in the implementation of youth policy in modern Russia.

The youth policy of European states has many common features with the Russian youth policy despite its national characteristics. This is primarily due to the specifics of youth as an object of policy. At the same time, this direction of policy is mainly implemented in three main areas: solving urgent problems of youth in various spheres of society, supporting the youth movement and ensuring youth participation in society. Unlike Russia, youth policy in foreign countries is based on the principles of centralization and decentralization.

As a result, the authors come to conclusion that we should also actively use the European experience based on the principle of subsidiarity, when questions are sent to the central level, answers to which cannot be obtained locally. After analyzing the main differences in the implementation of youth policy in the Russian Federation and the EU countries the authors note that, despite some similarities in the main aspects of youth policy in the Russian Federation and the EU countries, the differences remain significant and have an impact on understanding of the essence of the state youth policy.

Keywords: youth, youth policy, youth work, youth legislation, youth programmes, youth organizations, state.

ВВЕДЕНИЕ

Государственная молодёжная политика России и стран Европы при всём национальном разнообразии имеет общие черты, обусловленные спецификой молодёжи как объекта политики. Так, молодёжная политика в большинстве своём реализуется в трёх направлениях: решение актуальных проблем молодёжи в социально-экономической, культурно-образовательной сфере, поддержка молодёжного движения и обеспечение участия молодёжи в жизни общества [1].

В демократических странах господствует точка зрения, что процесс управления должен быть максимально приближен к тем, на кого непосредственно влияют управленческие решения. Это послужило движущим толчком к выбору западными странами политики децентрализации. Руководящие органы в молодёжной сфере зарубежных стран обладают чертами централизации и децентрализации.

Процессы децентрализации и модификации органов центральной государственной власти обуславливают изменения местных органов власти и увеличение их финансовой автономии. В Российской Федерации на сегодняшний день преобладает централизованный подход к молодёжной политике, большинство властных полномочий сконцентрировано на уровне профильного министерства. Однако целесообразно было бы более активно внедрять европейский опыт, основанный на принципе субсидиарности, когда на центральный уровень передают те вопросы, которые не могут быть решены на местах [14].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Организационный механизм и эффективность государственной молодёжной политики зависят от конструктивного взаимодействия органов власти с молодёжными объедине-

ниями, общественными институтами, организациями политических партий, сферой бизнеса, отдельными гражданами [1].

Можно выделить несколько отличий главных аспектов реализации молодёжной политики в РФ и странах ЕС. Первое отличие состоит в определении роли государства и молодёжи в процессе молодёжной политики. Во многих странах Европы деятельность органов власти вспомогательна к молодёжной инициативе, государство должным образом способствует и предоставляет все необходимые ресурсы для поддержки процесса самоорганизации молодёжи.

В РФ роль государства на всех уровнях управления доминирующая. Внедрение эффективной молодёжной политики в условиях децентрализации возможно только при усилении партнёрства – объединения усилий и координации органов местного самоуправления и молодёжного представительства [3].

Второе отличие является продолжением изложенного и касается определения субъектов молодёжной политики. Главным субъектом молодёжной политики в РФ является государство в лице уполномоченных представителей. Деятельность иных субъектов молодёжной политики выражена достаточно слабо.

Третье отличие состоит в определении объекта молодёжной политики, возрастных границ. В РФ молодёжь определена как лица от 14 до 35 лет, в странах ЕС возраст молодёжи установлен 15–24 года, что значительно сужает целевую группу и способствует большей адресности и эффективности молодёжной политики [7, С. 29].

Четвертое отличие состоит в том, что центральной фигурой политики, осуществляемой в РФ, являются общественные молодёжные организации; в странах Запада эта политика базируется на системе, главным элементом

которой является человек, а уже потом – организация, ассоциация.

Пятое отличие заключается в наличии разных принципов государственного управления молодёжной сферой:

- принцип децентрализации и субсидиарности в странах ЕС предусматривает передачу полномочий по реализации молодёжной политики на региональный и местный уровень, что подкрепляется обеспечением соответствия между полномочиями и ресурсами органов местной и региональной власти относительно их возможности предоставлять высококачественные услуги и адекватно реагировать на законные требования и надежды граждан. В РФ преобладает централизованное управление низовыми звеньями структур молодёжной политики сверху вниз;

- принцип делегирования предполагает широкое создание правительствами в странах ЕС децентрализованных структур для молодёжи, передачу от государства в институты гражданского общества обязанностей по предоставлению молодёжи социальных услуг;

- принципы открытости, социального партнёрства определяют, что реализация молодёжной политики происходит на основе консенсуса, социального диалога государственных органов с молодёжью, представителями разных секторов – общественного и частного. Это обеспечивается широким общественным и экспертным обсуждением концепций молодёжной политики в странах ЕС, повышением интереса и привлечением граждан к решению молодёжных вопросов на местном и региональном уровнях, а также участием общественности в деятельности социальных служб. В РФ такая практика практически отсутствует [8, С. 63].

Шестое отличие касается результативности молодёжной политики. Нацеленность мо-

лодёжной политики в странах ЕС на достижение отдельных конкретных результатов, наряду с достаточным финансированием, обеспечивает высокий уровень результативности молодёжной политики. Основы молодёжной политики в РФ в основном декларативны, а определение целей, задач, приоритетов формально.

Подытоживая указанное, уместно отметить, что, несмотря на некоторое сходство главных аспектов молодёжной политики в РФ и странах ЕС, различия остаются существенными и, соответственно, проектируются на понимание сути государственной молодёжной политики. Целью молодёжной политики в РФ должно быть попечение государства о создании условий и гарантий для самоопределения, развития, реализации потенциала молодёжи, содействие усилению активности молодёжи, её участию в организации общественной жизни и обеспечение реализации её прав.

Децентрализация власти уже заметно изменяет нашу страну и систему управления в ней. Передача новых полномочий и мощного финансового ресурса на места позволит повысить состоятельность местных общин и изменить вектор их движения на развитие. Общины становятся сильнее и успешнее. В то же время их сегодняшнее и будущее развитие основывается именно на сознательном и осведомлённом молодом поколении, поскольку молодёжь является основой не только сильной общины, но и крепкого государства.

Для эффективной реализации молодёжной политики на уровне общества важно предусмотреть следующие ключевые моменты:

- осуществление оценки эффективности молодёжной работы на уровне общины (в соответствии с разработанными показателями) и отчётность перед обществом о состоянии работы с молодёжью;

- необходимая инфраструктура молодёжной политики, в том числе осуществление её организационного и финансового обеспечения;

- налаживание межотраслевого и межсекторального взаимодействия в молодёжной работе;

- обеспечение деятельности молодёжных ХАБов и молодёжных работников;

- содействие формированию и развитию институтов гражданского общества;

- обеспечение условий молодёжного участия и общественного контроля.

Согласно Резолюции о молодёжной работе Совета Европы молодёжная работа базируется на неформальном и информационном образовании, проводится вне формального образования, организуется силами молодёжи и специалистами.

Эффективность реализации разработанных программ зависит от единства и координации действий местного самоуправления и молодёжного представительства.

Необходимо содействие устойчивому развитию молодёжной политики через постоянный анализ ситуации в общине, регионе и стране, поддержка молодёжи и её инициатив, развитие равноправного партнёрства между молодёжью общины, местной властью и другими секторами общества как внутри общины, так и за её пределами на основе принципов открытости, прозрачности, профессионализма и эффективности.

Затрудняет реализацию молодёжной политики неблагоприятная социально-демографическая ситуация, проявляющаяся в процессе уменьшения численности молодёжи и снижения её удельного веса в общем количестве населения, наличие проблем трудоустройства и обеспечения достойных условий труда молодёжи. Приоритеты молодёжной

политики часто не совпадают с ценностными приоритетами современной молодёжи, не обеспечивают целостный и комплексный подход к созданию условий устойчивого молодёжного развития. В первую очередь это связано:

- со слабой координацией и взаимодействием в работе с молодёжью институтов различного ведомственного подчинения, таких как социальная защита, образование и воспитание, профориентация и трудоустройство;

- с неразвитой молодёжной инфраструктурой, адекватно отвечающей потребностям, интересам и проблемам молодёжи;

- с недостаточной обоснованностью приоритетов и инструментов молодёжной работы;

- с низким уровнем привлечения молодёжи к разработке и реализации местных молодёжных инициатив.

Основной проблемой, которая делает невозможным обеспечение устойчивого развития в молодёжной работе, является несформированность конечного результата, на достижение которого эта деятельность ориентирована.

Молодёжная работа сведена к проведению большого количества молодёжных мероприятий без надлежащей координации, отчётности и возможности мониторинга эффективности; результатом молодёжной работы является отчётность о деятельности отделов, а не реальное влияние этой деятельности на молодёжную среду.

Практическую работу с молодёжью и обеспечение участия молодёжи в жизни общины на местном уровне осуществляют учреждения различных форм собственности и подчинения: молодёжный центр, учебные заведения, Дом культуры, клубы по месту жительства, библиотеки, школа искусств, центр творчества, детская юношеская спортивная

школа, общественные объединения и т. д. Программы поддержки молодёжной политики на территории городов базируются на восприятии молодёжи как определяющей ценности и главного ресурса как местного общества, так и российского общества в целом.

Передача от государства в регионы полномочий в решении социально-экономических вопросов обусловила второй уровень системы – региональный. В каждом из регионов РФ сложилась собственная подсистема гражданско-патриотического воспитания молодёжи. У регионов появилось право на создание собственного регионального законодательства, в том числе по вопросам молодёжной политики. Программа по молодёжной политике составляет основу для проектирования региональных и муниципальных программ.

По аналогии региональную подсистему составляют подведомственные губернатору и областной администрации региональные министерства и департаменты, компетенцию которых составляют вопросы молодёжной политики [11, С. 37].

Муниципальные образования, непосредственно представляющие регион, составляют третий уровень системы молодёжной политики.

На этом уровне в отдельных случаях также реализуются муниципальные программы. Местные органы власти (глава муниципально-го образования, представительный орган и местная администрация, её отдельные структурные подразделения) принимают активное участие в молодёжной политике, так как данная проблема входит в вопросы местного значения. Муниципальные органы образования и культуры на местном уровне планируют и реализуют событийные мероприятия, привязанные к конкретным историческим датам [12, С. 18].

Отдельное место в системе воспитания молодёжи занимают социально ориентированные некоммерческие организации. Органы государственной власти и местного самоуправления имеют право передавать отдельные полномочия в сферу компетенции социально ориентированных некоммерческих организаций [10].

Анализ зарубежного опыта показывает, что традиционно органы власти передают НКО такие сферы, как социальная опека, образование, просвещение, культура и массовый спорт.

В соответствии с действующим законодательством государственные корпорации и компании, общественные объединения, политические партии и религиозные организации могут оказывать следующие формы поддержки: финансовую, информационную, имущественную и консультативную. Анализ опыта отдельных российских регионов позволяет отметить продуктивность взаимодействия государственных и местных органов власти с НКО. В частности, анализ регионального опыта указывает на то, что значительная часть НКО направлена на решение проблем молодёжной политики, помимо других социальных направлений деятельности [9, С. 54].

Важным элементом системы воспитания молодёжи выступают государственные региональные и муниципальные программы. Данные документы имеют характер нормативно-правовых актов, обязательных для исполнения. Программы концентрируют значительное количество ресурсов, предназначенных для реализации задач. Анализ целого ряда программ молодёжной политики в различные периоды позволяет отметить важную составляющую – привлечение внебюджетных средств на реализацию программных мероприятий.

Основной задачей деятельности специалиста по работе с молодёжью является обеспечение администрирования молодёжной работы на уровне общины, которая предусматривает:

- разработку предложений по развитию молодёжной инфраструктуры и поддержку молодёжных инициатив;
- лоббирование молодёжных вопросов;
- административную поддержку деятельности молодёжных центров и молодёжных работников;
- взаимодействие с общественными организациями, работающими с молодёжью;
- оценку эффективности молодёжной работы на уровне общества.

Формирование молодёжной политики и организация молодёжной работы на уровне общины требуют проведения информационных кампаний и мероприятий, направленных на формирование заинтересованности во внедрении молодёжной работы депутатов объединённых территориальных общин как лиц, принимающих решение об основных направлениях деятельности местных органов власти.

Работа с молодёжью на уровне общества должна сфокусироваться на локальном уровне; с молодёжью работает много учреждений и организаций разных сфер деятельности и разных форм собственности. Если обратить внимание на отчёты администраций, то видно, что проводится большое количество молодёжных мероприятий и различных форм работы с молодёжью. Соответственно, субъектами молодёжной работы являются:

- органы исполнительной власти – отдел/управление/сектор по работе с молодёжью;
- заведения разных сфер деятельности и разной подчинённости;
- общественные институции: обществен-

ные организации, религиозные общины;

- средства массовой информации;
- бизнес-структуры.

Организация молодёжной работы на уровне сообщества учитывает все доступные ресурсы и налаживает сотрудничество между экспертами в различных областях (образование, культура, социальное обеспечение и т. д.) и участие представителей государственного и бизнес-сектора (межсекторальное сотрудничество). Молодёжная работа в сообществе должна учитывать интересы и потребности молодёжи и, прежде всего, формировать не потребительские настроения в молодёжной среде, а активную гражданскую позицию молодёжи и задействовать все потенциальные ресурсы – межведомственное и межотраслевое сотрудничество.

Обеспечение координации молодёжной работы и активного участия молодёжи в жизни местных сообществ возможно при условии формирования молодёжной инфраструктуры территориальных общин, которая обеспечивает поддержку и развитие существующих и создание новых молодёжных центров. Таким образом, помощь в формировании вышеуказанных принципов должен оказать молодёжный центр, который является региональным центром практической работы с молодёжью и общественно активными молодёжными объединениями.

Направления работы такого центра формируются в соответствии с потребностями и интересами молодёжи определённого населённого пункта. Перспективные направления работы центра:

- активизация молодёжной деятельности – создание и объединение деятельности молодёжных общественных объединений, молодёжных советов;
- обучение специалистов, работающих с

молодёжью, представителей общественных организаций и общественно активной молодёжи (программа «Молодёжный работник»);

- информационно-методическая база молодёжной работы (которую можно будет рекомендовать работникам учреждений и ведомств других сфер деятельности, например школ или центров социальных служб);

- организация тематических кружков и клубов молодёжной работы;

- проведение информационных кампаний по формированию положительного имиджа молодёжной работы, привлечение молодёжи.

Исследования, связанные с молодёжной сферой, свидетельствуют, что можно выделить ряд общих элементов молодёжной политики. Это касается:

- социальной цепи, звеньями которой являются государство, молодёжь;

- правильной организации профподготовки работающих с молодёжью;

- исследования проблем, стоящих перед молодыми людьми;

- содействия налаживанию международных связей между молодёжью.

Подытоживая подходы к структурному строению молодёжной политики, можно выделить следующие составляющие молодёжной политики:

1. Гражданское представительство молодёжи на уровне местных общин.

2. Интеграция молодёжи в процесс формирования политики развития города.

3. Вовлечение молодёжи в процесс реализации проектов развития города.

4. Развитие у молодёжи компетентных качеств, необходимых для формирования и реализации политики развития города.

Первый механизм предполагает учёт позиций молодых граждан, обращает внимание на их проблемы и инициативы, когда речь

идёт о принятии решений, оказывающих влияние на их существование, на местных уровнях. В числе прочего им обосновывается и определяется ряд основных принципов формирования на местных уровнях представительных органов молодого поколения, таких как молодёжный совет, подсистема общественного обеспечения информацией и организацией эффективных систем обратных связей, компонентов, составляющих «молодёжный парламентаризм» – коллегиальное обсуждение принятия решений, оказывающих влияние на жизненное развитие молодых личностей и определяющих объём, составляющий материально-техническое обеспечение такой структуры.

Вторым механизмом определяется ряд полномочий и процедур влияния молодых граждан на процессы принятия решений власти. Он обеспечивается четырьмя основными функциями: проектным анализом и анализом принятых властями решений, стимулированием нормотворческих инициатив, развитием партнёрских молодёжных ролей при принятии решений и общественного контроля.

Третьим механизмом обеспечивается система поэтапного вовлечения молодых людей в решение проблемных вопросов местных общин. Основные его составляющие – городские волонтёрские программы, являющиеся первым опытом участия молодёжи как граждан; участие в мини-грантах для групп, руководящихся инициативой, не имея статуса «юридическое лицо», являющееся первым опытом решения проблем; предоставление грантов на соцзаказ городов для определённого общественного объединения – решение проблем местных общин; использование современной технологии, например молодёжного банка, фондов, занимающихся развитием общин и остальных, которые позволяют широ-

ко привлекать граждан к активным позициям на рынках соответствующей социальной услуги.

Четвёртым механизмом моделей региональных молодёжных политик регулируется обеспечение развития компетентности молодых граждан по основам местного управления, молодёжных ролей и воплощение возможности моделей внедрением таких составляющих, как:

1. Специальные учебные курсы для средней школы, обучающие основам местного управления и молодёжной позиции, преподаваемые учителями, имеющими специальную подготовку.

2. Тренинговая система для студенческих групп вузов по основам местного управления и молодёжных позиций. Тренинги могут проводиться подготовленной молодой личностью, общественной организацией или специалистами госучреждений.

3. Неформальный вид образования молодых людей – путь формирования и распространения среди молодых людей информационного материала, касающегося моделей и их возможностей.

Молодёжные общественные организации – основной социальный государственный партнёр по формированию и воплощению молодёжных политик. Их независимость определяют конструктивная деятельность и возможность принятия решений, способность к самостоятельному обеспечению жизнедеятельности.

Для эффективной работы механизмов молодёжных политик следует:

- организовывать систематический анализ проблемных аспектов жизни молодёжи и предусматривать развитие тенденций молодёжной среды относительно соответствующих государственных и научных учреждений, обсуждение результатов исследования в госу-

дарственных властных структурах и организацию знакомства с ними;

- определять цели и приоритеты региональных государственных молодёжных политик, преподавать в региональной молодёжной программе;

- создать систему контроля и периодических отчётов о процессе обеспечения государственных молодёжных политик;

- лоббирование процессов решения проблемных вопросов молодёжи в рамках действия государственных органов власти всех уровней.

Российская Федерация сегодня развивается, приобретая настоящие ценности человечества, которые весь цивилизованный мир накапливал тысячелетиями. Важная задача на этом пути – развивать демократическое, правовое, социальное, независимое государство, интегрировать его с мировым сообществом, формировать общество, в центре которого – не государство, а, прежде всего, человек.

Государственная молодёжная политика становится эффективной только при объективном восприятии и осуществлении процессов воспитания молодых людей, формировании их мировосприятия. Молодое поколение всегда пыталось активно участвовать в деятельности, социальных отношениях и преобразованиях. Именно это является основой возникновения конфликтов между поколениями.

Отечественная молодёжная политика имеет ряд основных задач:

- создать гарантированные социально-экономические, политические и другие необходимые стартовые условия, чтобы молодёжь могла социализироваться;

- помогать с проблемами, запросами, интересами молодых людей не за счёт остальных социальных слоёв;

- координировать усилия, приложенные государственными органами, партиями, организациями, объединениями, движениями, социальными институтами,

- обеспечить социальную защищённость молодёжных групп.

В настоящее время успешность развития нашей страны полностью зависит от успешности тех, кому в будущем будет предоставляться ведущая роль в ключевых общественных процессах. Поэтому важно реализовывать эффективную молодёжную политику, максимально соответствующую потребностям молодого гражданина. Молодёжная политика является отражением отношения страны к этому слою общества, ее взглядам на завтра и того, насколько адекватным является политический курс.

В нынешних условиях российская молодёжь – один из наиболее экономически уязвимых и бесправных в социально-правовом аспекте слоев населения. Ей приходится жить в повышенном социальном напряжении и психологическом дискомфорте. Поэтому среди молодых людей происходит распространение наркомании, токсикомании, алкоголизма, проституции, «дедовщины» и других негативных явлений. Большая часть молодых граждан имеет сложный жизненный выбор, делать который она не готова ни с психологической, ни с организационной точки зрения. В этой связи молодёжная политика в данной сфере призвана укрепить социальный статус молодёжи в общественных институтах, проходящих через обновления или кардинальные изменения, усилить правовую, экономическую и социальную защищённость молодёжи.

Молодёжная политика в России, реализуемая за счёт государственного бюджета, и показатели, которые используются для оценки реализации проектов, на самом деле не изме-

ряют ни эффект, ни качество программ. Они могут применяться, чтобы оценить объём, охваченный влиянием мер (численность лиц, присоединившихся к программам, в частности «число таких лиц, направленных на интеграционные процессы молодых людей РФ в мировое молодёжное сообщество» или «число таких лиц, участвующих в программах, направленных на поддержание молодёжной предпринимательской деятельности и профориентационных процессов для лиц детского и молодого возраста»).

Действующей схемой реализации молодёжной политики включается, по сути, только центральная (министерство) и средняя (органы администраций) управленческие ступени. Это обстоятельство влечёт за собой отрыв управленческих структур от общего массива молодёжи.

Статистикой фиксируется увеличенное число организаций, являющихся молодёжными (в том числе всероссийские общественные), не отражаются реальные процессы в отрасли, что предполагает возможность институционализировать молодёжное движение. Большое количество таких организаций не было обеспечено разветвлённой региональной или общероссийской сетью, а значит, они не соответствуют задекларированному статусу. Воплощение приоритетов в молодёжной политике сопровождается отсутствием продуманного и узаконенного межсекторального взаимодействия её главных субъектов.

Работа, проводимая молодёжными НПО, стала очень заметной в социальных преобразованиях. Такие ассоциации включают в себя представителей различных социальных групп молодых людей. Работа большей части из них направлена на конкретные проблемы, касающиеся получения жилья, активного проведения свободного от работы времени, зимнего и

летнего отдыха, реализации программ по формированию молодёжных служб социальной защиты, развитию спортивной отрасли, нахождению и сопровождению талантов среди молодёжи и т. д.

В наше время молодёжным общественным организациям отвечает стадия укрепления собственного общественного положения, а поэтому важно осознание их ведущих задач и принципов существования при условии их преобразования.

Это возможно при придании значимой роли содержанию целей и принципов молодёжной государственной политики РФ, которая занимает определяющую позицию для их создания и прогресса. Конечно, мировой экономический кризис оказал негативное влияние на реализацию задач в сфере деятельности молодёжных общественных организаций.

Остаётся остропроблемным вопрос укрепления их материальной базы, развития местных структур, подготовки кадров для работы с молодёжью, обеспечения их деятельности в разных уголках страны и информирования общества об этой работе.

Благодаря молодёжной политике органами местного управления получена возможность определения статуса, места и роли подрастающих поколений в рамках структуры территориальных общин, которые влияют на будущую динамику, которая будет иметь человеческий потенциал. Органам местного управления тоже отводится роль влиятельного фактора, осуществляющего прямое и опосредованное селективное, кто из современной молодёжи может принадлежать к составу общественной верхушки или вообще социума, кто – к средним слоям, а кто – к периферийному стратифицированному обществу.

Экономические проблемы социальных преобразований, которые пережило российское

общество в эпоху независимого государства, создает угрозу для большей части молодого поколения, чтобы нацеливаться только на прибыль.

В таких условиях функции социальной защиты молодёжной политики органов государственной власти стали доминирующими в РФ, и внимание было сосредоточено, прежде всего, на наиболее социально уязвимых группах молодёжи.

Проблемы формирования будущей элиты были оттеснены на задний план перед трудностями сегодняшнего дня. Поэтому, отдавая должное внимание задачам социальной поддержки молодёжи, необходимо подчеркнуть важность выявления особенно перспективной части молодых людей и содействия их развитию – развитию поколения, которое станет завтра элитой территориальных общин и общества и за которым будет, наконец, наиболее значимая роль в решении всех приоритетных проблем общественной жизни.

В РФ не создана необходимая инфраструктура реализации молодёжной политики – ее многосекторная и межведомственная направленность, в частности, должна координироваться.

Приоритеты в развитии молодёжной политики остаются актуальными. Молодёжная политика в РФ должна быть стратегией для реализации жизненных возможностей каждого молодого человека, чтобы преодолеть дисбаланс профессионального предложения и спроса на рабочую силу, потенциально низкой заработной платы и качества условий труда. Эта проблема актуальна для РФ и по сей день, так как число безработных среди молодёжи, в соответствии с методологией МОТ, уже около 40 %. Таким образом, ситуация требует совершенствования высшего и профессионального образования и ее адаптации к реальным условиям российской экономи-

ки и приоритетам экономического развития.

Проблема, связанная с безработицей, является одной из наиболее актуальных проблем государственной социально-экономической политики, поскольку проблемы молодёжи оказывают существенное влияние на экономическую ситуацию в будущем и развитие государства. Несмотря на то что государственные органы разработали и широко реализовали меры по осуществлению молодёжной политики в политической, социальной, экономической, законодательной и организационной сферах, проблемы молодёжи в сфере образования, профессиональной подготовки, занятости, здравоохранения и социального обеспечения еще не могут быть рассмотрены как полностью решённые.

Проблема усугубляется крайне низкими зарплатами, предлагаемыми молодым специалистам в начале их карьеры. Низкие гонорары, отсутствие перспектив и поддержки – всё это существенно сужает возможности современной молодёжи.

Но, несмотря на наличие в среде молодёжи определённых положительных изменений, существует и ряд проблем, таких как ухудшение показателей здоровья лиц, принадлежащих к молодёжи, демографический кризис, тенденции к распространению среди молодёжи такого явления, как наркомания, и болезней ВИЧ/СПИД, что влечёт за собой всё большую смертность среди молодых людей. Образовательный потенциал молодых людей значительно не воплощается из-за несоответствия спроса и предложения на рынке труда.

Ещё одним серьёзным недостатком существующих молодёжных программ регионального и городского уровня является отсутствие методик оценки эффективности этих программ.

Методика должна определять порядок оценки фактической эффективности програм-

мы в процессе её реализации и при её завершении, отражать реальное состояние развития молодёжи и служить основой информационного мониторинга в регионах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, успешно решить проблемы молодых людей возможно только при условии объединения сил органов государственного управления, занимающихся разработкой и реализацией молодёжной политики государства. К механизмам создания и реализации молодёжных политик Российской Федерации должны быть привлечены все нормотворческие органы и органы исполнительного властного аппарата, специальная социальная служба и фондовые ресурсы.

Молодёжная политика в РФ должна строиться на положении о том, что государство должно создавать необходимые условия и гарантии для самоопределения молодёжи, её развития и реализации потенциала, содействия усилению активности молодёжи, её участию в организации общественной жизни и обеспечению реализации её прав. Необходимо содействие устойчивому развитию молодёжной политики через постоянный анализ ситуации на местах, в регионе и стране, поддержку молодёжи и её инициатив. Затрудняет реализацию молодёжной политики неблагоприятная социально-демографическая ситуация, проявляющаяся, прежде всего, в процессе уменьшения численности молодёжи. Приоритеты молодёжной политики должны совпадать с ценностными приоритетами современной молодёжи, обеспечивать целостный и комплексный подход к созданию условий устойчивого молодёжного развития. Необходимо серьёзно развивать региональную молодёжную политику.

Библиография / References:

1. Государственная молодёжная политика: российская мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: научная монография / под общ. ред. В.А. Лукова. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2013. – 718 с.
2. Гребенкин А.Н., Елисеев А.Л., Матвеева Е.С., Селютина Е.Н., Холодов В.А. Государственно-правовая защита детства в России: исторические аспекты: монография. – Орёл, 2016.
3. Дейч Б.А. Государственная молодёжная политика и воспитание молодёжи: динамика содержания и проблем // ЦИТИСЭ. – 2018. – № 1 (14). [Электронный ресурс]. – URL: https://ma123.ru/ru/2018/03_
4. Докукина И.А., Малахова О.В., Костромыкина А.В. Реформирование государственной службы в Российской Федерации // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – № 3 (26). – С. 50–56.
5. Елисеев А.Л. Подготовка кадров для сферы государственной молодёжной политики // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего. Сборник статей Международной конференц-сессии. – М., 2022. – С. 448–455.
6. Елисеев А.Л., Матвеева Е.С. Международные стандарты и национальные традиции в формировании современной молодёжной политики России // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – № 2. – С. 34–46.
7. Задонская И.А. Роль молодёжной политики в формировании ценностных ориентаций современной молодёжи // Вестник Тамбовского университета. Серия «Общественные науки». – 2016. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 28–33.
8. Камалова М.И., Соловьев А.И. Государственная молодёжная политика: проблемы и траектории развития в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 83. – С. 62–83.
9. Киричек А.И. К вопросу о возможности передачи части полномочий органов местного самоуправления социально ориентированным некоммерческим организациям (на материалах Приморского края) // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2015. – № 2 (74). – С. 53–62.
10. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 №184-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2022) (ред. от 21.12.2021 с изм. от 14.07.2022) // СЗ РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005; 2021. – № 52. – (Ч. I). – Ст. 8973.
11. Попова О.В., Негров Е.О. Молодёжная политика глазами самой молодёжи: проблема в PR? // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – № 6. – С. 37–58.
12. Самсонова Т.Н., Зиненко В.Е. Формирование политической субъектности молодёжи в современной России: критерии, условия, проблемы // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 3 (92). – С. 17–24.
13. Matveeva E. Formation and development of legal consciousness in Russia // Modern European Researches. – 2015. – № 3. – С. 100–104.
14. Oosterhoff B., Ferris, K.A., Metzger, A. Adolescents' Sociopolitical Values in the Context of Organized Activity Involvement // Youth & Society. – 2017. – Vol. 49(7). – P. 947–967.

1. Gosudarstvennaya molodozhnaya politika: rossiyskaya mirovaya praktika realizatsii v obshchestve innovatsionnogo potentsiala novykh pokoleniy [State youth policy: Russian world practice of realizing the innovative potential of new generations in society: scientific monograph]: nauchnaya monografiya / pod obshch. red. V.A. Lukova. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2013. – 718s. (In Russ.).
2. Grebenkin A.N., Yelisseyev A.L., Matveyeva E.S., Selyutina E.N., Kholodov V.A. (2016) Gosudarstvenno-pravovaya zashchita detstva v Rossii: istoricheskiye aspekty [State legal protection of childhood in Russia: historical aspects]: monografiya. – Orol. (In Russ.).
3. Deych B.A. (2018) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika i vospitaniye molodozhi: dinamika sodержaniya i problem [State youth policy and education of youth: dynamics of content and problems] // TSITISE. – № 1(14). [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://ma123.ru/ru/2018/03>. (In Russ.).
4. Dokukina I.A., Malakhova O.V., Kostromykin A.V. (2017) Reformirovaniye gosudarstvennoy sluzhby v Rossiyskoy Federatsii [Reforming the public service in the Russian Federation] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – №3(26). – S.50–56. (In Russ.).
5. Yelisseyev A.L. (2022) Podgotovka kadrov dlya sfery gosudarstvennoy molodozhnoy politiki [Training of personnel for the sphere of state youth policy] // Gosudarstvennoye upravleniye i razvitiye Rossii: proyektirovaniye budushchego. Sbornik statey mezhdunarodnoy konferents-sessii. – M. – S. 448–455. (In Russ.).
6. Yelisseyev A.L., Matveyeva E.S. (2022) Mezhdunarodnyye standarty i natsional'nyye traditsii v formirovaniі sovremennoy molodozhnoy politiki Rossii [International standards and national traditions in the formation of modern youth policy in Russia] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – №2. – S.34–46. (In Russ.).
7. Zadonskaya I.A. (2016) Rol' molodezhnoy politiki v formirovaniі tsennostnykh oriyentatsiy sovremennoy molodezhi [The role of youth policy in shaping the value orientations of today's youth] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Obshchestvennyye nauki. – T. 2. – Vyp. 2. – S. 28–33. (In Russ.).
8. Kamalova M.I., Solov'yev A.I. (2020) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: problemy i trayektorii razvitiya v sovremennoy Rossii [Soloviev A.I. State Youth Policy: Problems and Trajectories of Development in Modern Russia] // Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. – № 83. – S. 62–83. (In Russ.).
9. Kirichuk A.I. (2015) K voprosu o vozmozhnosti peredachi chasti polnomochiy organov mestnogo samoupravleniya sotsial'no-oriyentirovannym nekommercheskim organizatsiyam (na materialakh Primorskogo kraya) [To the question of the possibility of transferring part of the powers of local governments to socially-oriented non-profit organizations (on the materials of the Primorsky Territory)] // Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravleniye. – №2(74). – S.53–62. (In Russ.).
10. Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'yektov Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 06.10.1999 №184-FZ (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.06.2022) (red. ot 21.12.2021, s izm. ot 14.07.2022) // SZ RF. – 1999. – №42. – St.5005; 2021. – №52. – (CH. I). – St. 8973. (In Russ.).
11. Popova O.V., Negrov E.O. (2019) Molodozhnaya politika glazami samoy molodezhi: problema v PR? [Youth policy through the eyes of the youth themselves: a problem in PR?] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – T.14. – № 6. – S. 37–58. (In Russ.).
12. Samsonova T.N., Zinenko V.E. (2021)

Formirovaniye politicheskoy sub"yektnosti molodezhi v sovremennoy Rossii: kriterii, usloviya, problem [Formation of the Political Subjectivity of Youth in Modern Russia: Criteria, Conditions, Problems] // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. – № 3(92). – S. 17–24. (In Russ.).

УДК 329.78 (470.6) (091)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-1-78-87

ДРОБОТ Мария Владимировна, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, аспирант, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: drobot-duma@mail.ru

DROBOT M.V., Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, postgraduate student, Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management - branch of the RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: drobot-duma@mail.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДОНСКОГО КОМСОМОЛА В ДЕРЕВНЕ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

THE HISTORY OF FORMATION OF THE DON KOMSOMOL IN THE VILLAGE IN THE 20S OF THE XX CENTURY

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе особенностей и отдельных вопросов истории становления комсомола Дона в 20-е годы XX века.

Автором рассматриваются отдельные материалы съездов, конференций, пленумов РКСМ (РЛКСМ) по строительству комсомольских организаций в деревне.

Рассматриваются основные направления данной работы, среди которых – культурно-просветительная, общественно-полезная деятельность, агропропаганда, улучшение материального положения.

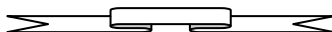
Ключевые слова: комсомол, культурно-просветительная работа, агропропаганда, станицы, хутора, казачество, крестьяне, ба-траки, середняки.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the features and individual issues of the history of the formation of the Don Komsomol in the 20s of the XX century.

The author examines individual materials of congresses, conferences, plenums of the RKSM (RLKSM) on the construction of Komsomol organizations in the countryside.

The main directions of this work are considered, among which are cultural and educational, socially useful activities, agro-propaganda, and improving the financial situation.

Keywords: komsomol, cultural and educational work, agricultural propaganda, villages, farms, Cossacks, peasants, farm laborers, middle peasants.

ВВЕДЕНИЕ

В двадцатые годы прошлого века молодому Советскому государству для решения экономических и политических задач была крайне необходима поддержка деревни, поэтому деятельность общественных организаций, в том числе комсомола, была направлена на укрепление союза пролетариата и крестьянства. Изученная в представленной статье проблема имеет определенную степень разработанности в исторической науке. В то же время история становления комсомола в деревне в 20-е годы XX века нуждается в систематизированном изучении, что и предполагает данная статья.

Целью данной статьи является изучение особенностей и отдельных вопросов истории становления комсомола Дона в 20-е годы XX века в деревне. Для достижения цели необходимо решить ряд задач: проанализировать материалы съездов, конференций, пленумов комсомола, касающиеся этого вопроса; выявить способы вовлечения крестьянской молодежи в сферу влияния РКСМ; рассмотреть опыт практической работы комсомола Дона с различными категориями крестьянства.

Для реализации поставленных задач использовался историко-системный метод, позволивший рассмотреть начальную историю комсомола Дона и процесс вовлечения крестьянской молодежи в сферу влияния РКСМ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ещё на II Всероссийском съезде РКСМ (5–8 октября 1919 года) были поставлены задачи по созданию организаций РКСМ во всех волостях и деревнях. На съезде отмечалось, что отсталость, распыленность крестьянской молодежи в деревне ведет к трудности организации непосредственно в коммунистический

союз молодежи, поэтому лучшие способы вовлечения крестьянской молодежи в сферу влияния коммунистического союза молодежи – это использование культурно-просветительных кружков, клубов, библиотек, читален, устройство спектаклей, вечеров, собраний, чтения газет, брошюр и т. п. при обязательном условии широкого и активного участия в этой работе самой деревенской молодежи. Для этого предлагалось организовывать беспартийные конференции крестьянской молодежи, а для усиления агитационной работы применять, кроме словесной агитации и пропаганды, издание особых агитационных брошюр и плакатов коммунистического союза молодежи с разъяснением значения союза молодежи, которому предстоит в ближайшее время взяться за строительство новой жизни [1, С. 18].

Естественно, что съезд посчитал необходимым бороться с невежеством и отсталостью взрослого крестьянства, привлекая через местные советские органы к этой работе в первую очередь учительство. Просвещение деревни, организация народных домов, изб-читален, народных театров, детских яслей совместно с отделами народного образования, социального обеспечения – всё это должно было привести к осознанию крестьянами своей роли в новой жизни. Кроме того, съезд признал, что организация крестьянства возможна «вокруг живого практического дела, приносящего пользу крестьянству: устраивать субботники для помощи семьям красноармейцев, основывать трудовые артели, сельскохозяйственные коммуны и т. д.» [1, С. 20].

Даже в разгар Гражданской войны на III Всероссийском съезде РКСМ (2–10 октября 1920 года) вопросам работы с крестьянством уделяется большое внимание. В частности, в резолюции съезда говорилось, что на внут-

реннем фронте главную опасность представляет тяжелое продовольственное положение, поэтому для помощи продработе необходима политпросветительная работа в деревне [6, С. 9].

На Дону вопрос работы с крестьянско-казачьей молодежью поднимался с начала 1920 года. В Постановлении Пленума Донского комитета РКП(б) «О работе среди молодежи в деревне» (от 15 марта 1920 года) говорилось, что старое казачество, насквозь «проникнутое» атаманскими традициями, очень туго поддается организации. С другой стороны, затруднительность классового расслоения казачества на кулаков и бедняков заставляет руководствоваться возрастным делением. Таким образом, в Донской области работа среди молодежи является серьезнейшей задачей не только комсомола, но и РКП [7]. В этом же документе отмечалось, что на крестьянстве и казачьей молодежи лежит в будущем задача переустройства всего земледельческого хозяйства на социалистических началах, а коммунистический союз молодежи должен ее перевоспитывать, что будет достигаться политико-просветительной работой, а также практическим участием самой молодежи в уже организованных показательных хозяйствах [7].

При выполнении решения II Всероссийского съезда РКСМ в Донской области для вовлечения широких масс крестьянской и казачьей молодежи в РКСМ было решено устраивать беспартийные конференции молодежи. Для правильной постановки политико-просветительной работы в деревне использовались не только силы союза и партии, но и силы народного образования. В станицах и хуторах организовывались клубы молодежи. Для ознакомления с коллективным ведением хозяйства и машинной обработкой земли читались лекции, устраивались показательные

работы, для чего привлекались агрономические силы, как местные, так и приглашенные из центра [7]. Предлагалось при проведении субботников и воскресников привлекать возможно более широкие круги крестьянской и казачьей молодежи с учетом того, чтобы работа, произведенная на субботнике, давала «осязательные плоды, тотчас же видимые участнику субботника (уборка хлеба, ремонт дорог, закладка зданий)» [7].

В докладе политбюро инструкторского поезда о советском строительстве в Донской области (9 мая 1920 года) было отмечено, что классовое расслоение крестьянства и казачества идет медленно, однако подчеркивалось, что так называемое возрастное расслоение [8] идет активно. «Всюду мы находим готовые или возникающие организации молодежи. В окружных, волостных станицах и хуторах эти организации настолько крепки, оживлены, активны, революционны и многочисленны, что определенно можно установить, что возрастное расслоение есть действительно вернейший путь к расслоению (казачества. – *Авт.*) Дона и революционированию его» [2, С. 30].

В докладе отмечен интересный момент, заключающийся в том, что в детском клубе, в садах станицы Урюпинской авторы доклада познакомились с серьезным детским движением, интересным тем, что оно принимало участие в советской и партийной работе. Возникнув стихийно, это движение детей приняло определенный сознательно-революционный характер. Детский клуб, организованный самими детьми по инициативе двенадцатилетнего мальчика, стал ареной революционного воспитания организации [8].

Активная работа с сельской молодежью давала свои плоды. Секретарь Донецкого окружного комитета РКСМ Донской области (июнь 1920 года) в собственных воспоминани-

ях упоминал, что комсомольская организация в сёлах и станицах Донецкого округа Донской области была создана в 1920 году. Летом 1920 года комсомольцы г. Миллерово и сёл участвовали в подавлении эсеровских восстаний в сёлах Криворожье, Ефремово-Степановка, Позднеевка, Колушкино и др. За время борьбы с бандами комсомольцам этого округа пришлось выступать против бандитов 159 раз и участвовать в 60 боях [16].

Комсомольские ячейки оказывали помощь в восстановлении сельского хозяйства. Они разъясняли крестьянам решения X съезда ВКП(б), декрет о продналоге и сами участвовали в его сборе, помогали упорядочить землепользование, объединяли молодых батраков и бедняков, помогали партии укреплять сельские Советы. Однако сильнейшая засуха 1921 года, когда погиб урожай в важнейших сельскохозяйственных районах страны, стала серьезным препятствием на пути восстановления народного хозяйства. Засуха, голод захватили часть районов Дона и обострили внутреннюю ситуацию [17]. На выполнение продналога Донской окружком РКСМ мобилизовал 50 человек; Черкасский – 30 членов РКСМ; 1-й Донской – 18; Ростовский – 22. В Ростово-Нахичеванской организации было мобилизовано 15 человек, а явилось 18. После прослушивания курса лекций они были направлены на работу в окружкомы налоговыми инспекторами [17].

27 июля 1921 года краевой съезд РКСМ Юго-Востока, рассмотрев вопрос об участии молодежи в осенней посевной кампании, постановил: «Юго-Восточная краевая конференция РКСМ призывает все свои организации и каждого из членов в отдельности к возможно близкому и активному в этой работе участию» [17].

1922 год стал годом первых побед. Лето

было урожайным. В августе – сентябре хлеборобы Верхнесеребряковской волости, станиц Мелиховской, Кривянской, Красновской рапортовали о выполнении продналога [17].

В хуторах и станицах комсомол взял на учет всю батрацкую молодежь. Развернулась работа по пропаганде знаний. Для создания комсомольского бюджета на культурно-массовую работу многие ячейки стали обрабатывать своими силами «союзную пашню». В хуторах и станицах комсомольцы получили участки земли по 5–10 га, проводили их коллективную обработку, а средства от собранного урожая расходовали на политико-воспитательную работу [17].

В докладе Донского комитета РКСМ на пленуме Донкома РКП(б) 20 февраля 1923 года было отмечено, что в составе Донской организации РКСМ к январю 1923 года было 216 союзных ячеек, в которых насчитывалось 4402 члена союза. В июле 1922 года произошло количественное уменьшение организации за счет (молодежи из) крестьян, поэтому возникла необходимость усиления работы с крестьянством и казачеством. В первую очередь это просветительная работа, проводимая в клубах. Донской комитет организовал один показательный клуб, в котором образцово была поставлена вся культурно-просветительная работа, и на его базе проводил учебу, обмен опытом работников культуры и просвещения. Кроме того, работа в деревенских кружках проходила через школы-передвижки, для чего был организован сбор книг в Ростове и Нахичевани [9].

III Всероссийская конференция РКСМ (25–30 июня 1923 года) ставит новые задачи по вовлечению крестьянства в новую экономическую политику. Говоря о проблемах, конференция намечает и пути их решения, заключающиеся в установлении правильного соотно-

ношения цен на продукты промышленности и сельского хозяйства; установлении единого сельскохозяйственного налога; оказании производственной помощи и помощи кредитом маломощным и средним хозяйствам на основе их самостоятельности; удешевлении их землеустроительных работ; введении культурных приемов хозяйствования; поднятии культурного уровня крестьянства [5, С. 14].

Таким образом, на конференции подчеркивалась и роль комсомола в деревне как массовой организации, которая могла бы обеспечить партии и пролетариату симпатии и сотрудничество крестьянства в деле восстановления хозяйства страны и подъема сельского хозяйства, а также в воспитании нового крестьянина, который впитает лучшие черты крестьянской молодежи.

При этом условием влияния комсомола на широкие массы крестьянства называлась опора на пролетарские и полупролетарские элементы деревни (сельскохозяйственных рабочих и батрачество), а также на беднейшую часть крестьянства. Одновременно с созданием и укреплением этой базы союза в деревне не стоит забывать и про широкие массы середняцкого крестьянства, что возможно лишь при условии вовлечения в ряды союза лучшей части середняцкой молодежи [5;14].

К сожалению, на тот момент положение организации РКСМ в деревне характеризовалось слабым вниманием к их жизни и работе со стороны руководящих органов и недостаточной приспособленностью последних к тому, чтобы наладить помощь в работе деревенских ячеек; недостаточным пониманием роли и задач комсомола в деревне; отсутствием нужных кадров руководителей деревенских ячеек; отсутствием вспомогательных средств для работы, материалов, пособий, литературы

и т. д.

В результате недостаточно ясное осознание местными организациями роли комсомола в деревне, выражающееся во вредных уклонах в работе или в сторону административно-милицейских функций, или в сторону «культурки», или в сторону замкнутых сект отборных людей, стремящихся книжным путем стать коммунистами, вело к политической бесформенности союзных организаций, к отрыву их от крестьянской молодежи и взрослого населения, к отсутствию авторитетности комсомола и лишало его возможности выполнять свое назначение [5, С. 20].

Таким образом, на конференции были поставлены следующие задачи:

- 1) организовать сотрудничество крестьянства с органами советской власти;
- 2) выявлять, отбирать и воспитывать лучшие элементы деревенской молодежи для пополнения рядов партии;
- 3) организовывать самообразование комсомольцев – и политическое, и общее, поднимать политический и культурный уровень всей деревенской молодежи.

Кроме того, культурно-политико-просветительную работу нужно было построить так, чтобы заинтересовать крестьянскую молодежь в деятельности комсомола и на почве привлечения к работе более активных элементов молодежи и интеллигентных сил деревни обеспечить союзное влияние на широкие слои молодёжи и парализовать возможность влияния на молодежь некоммунистических организаций.

Одной из основных задач в области культуры оставалась ликвидация неграмотности. Вместе с тем коммунистический союз молодежи и в этой области должен был стремиться к революционированию быта деревни, умело используя бытовые явления, вкоре-

нившиеся в быт деревни, и придавая им новое, революционное содержание, внедряясь тем самым в быт и традиции деревни, взяв на себя задачу организации новых, революционных, массовых антирелигиозных, спортивных праздников, шефство над флотом и т. д. [5, С. 16].

Акцентировалось внимание и на важности общественно полезной работы по школьному строительству в деревне, для того чтобы пробудить и усилить интерес крестьянства к школе, изыскать вместе с органами власти и населением материальные средства для ремонта и организации школы и для зарплат для преподавательского персонала, окружить заботами и вниманием школьного учителя, привлечь к работе агронома, с тем чтобы положить начало сельскохозяйственной школе. Это работа, подчеркивалось в резолюции конференции, на которой будут воспитываться общественные работники комсомола, с одной стороны, и которая, с другой стороны, будет укреплять авторитет комсомола и сплачивать вокруг него культурные силы деревни [5, С. 17].

Кроме того, подчеркивалось, что особую важность имеет организация пропаганды более культурных методов хозяйствования, доступных широким крестьянским массам, и на данном уровне сельскохозяйственной технологии – ранние пары, борьба с вредителями, сортировка семян, вспашка зяби, скашивание междов и т. п. – привлечение к этой работе (пропаганде) специалистов-агрономов культурных хозяйств, дача справок, разъяснений и советов поднимут культурный уровень комсомольцев, усилят и укрепят их авторитет среди крестьян, сделают комсомол нужной крестьянству организацией. А кроме того, в целях усиления и укрепления пролетарского влияния на деревенскую молодежь и деревню в целом,

а также в целях передачи опыта городской работы в деревенские ячейки и помощи их практической деятельности необходимо развигивать и поощрять шефство городских ячеек над деревенскими и через них над массами крестьянской молодежи [5, С. 19].

В регионах приступили к реализации решений конференции.

В докладе Донкома РКСМ на IX Пленуме Донского комитета РКП(б) «О работе Донского комсомола» (8 июля 1923 года) было отмечено, что в работе деревенских союзов главное внимание обращено на работу среди батрачества и вовлечение беспартийной крестьянской молодежи во Всероссийский союз рабочих земли и леса (Всеработземлес), цель которого – вовлечение специалистов в социалистическую реконструкцию сельского хозяйства [9].

В 1924 году уже видны существенные сдвиги в общественно-политической активности крестьянской молодежи Дона. В отчетном докладе Донецкого окружного комитета РЛКСМ на VIII окружной комсомольской конференции (26 ноября 1924 года) отмечалось: «рост РЛКСМ за счет создания новых ячеек показывает, что комсомол охватывает всё большие и большие слои молодежи, завоевывает темные уголки деревни» [13]. На конференции говорилось, что комсомол участвовал во всех кампаниях, проводимых органами советской власти на селе: в борьбе с вредителями сельского хозяйства, в мелиорации, работе политкружков, сельских сходах.

Кроме того, акцентировалось внимание на том, что, помимо комсомольских клубов, в сельских ячейках комсомольцы принимают участие в работе профклубов, а в районах входят в секции, ведут работу в профкружках и др. [2, С. 32].

В области культурно-просветительной работы экономкомиссией совместно с Всеработ-

землесом было обращено внимание на батрацкую молодежь путем проведения конференций, собраний и вовлечения батрацкой молодежи в клубы комсомола и избы-читальни. Проведены две окружные и 25 волостных конференций батрацкой молодежи, 70 волостных и 150 сельских собраний этой же молодежи [13].

В 1925 году бюро Северо-Кавказского крайкома РЛКСМ на заседании «О работе среди батрачества в связи с новыми законоположениями о труде» своим постановлением предложило местным организациям комсомола руководствоваться следующим принципом: в деревне внимание должно быть направлено на усиление массовой работы среди батрачества. Это проведение собраний, конференций, бесед для привлечения батрацкой молодежи в члены союза, разъяснение политической роли и значения комсомола в деревне; кроме того, развертывание длительной кампании среди батрачества и крестьянства по разъяснению значения трудовых договоров, охватывающих все моменты, предусмотренные в новом положении о труде в крестьянском хозяйстве и преимуществе заключения их через профсоюз [10].

В Постановлении бюро Донского окружного комитета РЛКСМ «Об итогах работы районных комсомольских конференций» (10 июня 1925 года) отмечался значительный сдвиг, характеризующийся проявлением активности деревенских комсомольцев, в связи с чем была поставлена задача взять курс на выдвижение деревенского комсомольского актива на руководящую работу в деревне за счет сведения до минимума отправления туда городских работников [15].

В то же время на Дону возникала проблема, касающаяся единого сельскохозяйственного налога. И 17 июля 1925 года выходит

письмо Северо-Кавказского крайкома РЛКСМ всем обкомам и окружкам комсомола «О разъяснении вопроса о едином сельскохозяйственном налоге», где рекомендовалось комсомольским организациям, особенно деревенским, детально изучить вопрос о едином сельскохозяйственном налоге, чтобы всесторонне и правильно разъяснить его крестьянству. Комсомольская ячейка должна помогать ячейке РКП(б), что могло выражаться в проведении читок в избах-читальнях, хатах-читальнях, постановке пьес, работе справочного стола [14]. В свою очередь, разъяснение данного вопроса внутри комсомольской организации должно было проходить в следующей форме: ознакомить с вопросом единого сельхозналога в первую очередь актив, для чего включить вопрос о едином сельхозналоге в программы ячейкового или районного пропагандистского коллектива и поручить выступить с докладом работнику райисполкома или райкома РКП(б); после этого устроить общие собрания ячеек с привлечением беспартийной молодежи и взрослого крестьянства, где с докладом поручить выступить члену пропагандистского коллектива; после доклада провести несколько бесед с крестьянством в вопросно-ответной форме [14].

Вопросы роста деревенских комсомольских ячеек в Северо-Кавказском крайкоме РЛКСМ по-прежнему возникали. Неслучайно появляется письмо Северо-Кавказского крайкома РЛКСМ всем окружным комитетам «О росте деревенской части организации» (30 октября 1925 года), в котором, ставя вопрос о регулировании роста, крайком считает, что основная задача комсомола на селе заключается в «направлении активности молодежи в русло общественно-политической работы, в поднятии ее культурного и политического уровня и постоянного влияния на нее комму-

нистического союза молодежи» [12]. В отношении батрацкого ядра деревенской части комсомола, было отмечено в письме, рост за счет этой социальной прослойки должен быть усилен, и поставленная перед союзом задача о большом вовлечении батрачества не должна затушевываться рядом других задач, стоящих перед коммунистическим союзом молодежи [12]. В то же время слабый рост комсомола за счет середняцкой молодежи требует решения за счет вовлечения ее в деятельность общественно-политических организаций и активное участие в советском строительстве [12].

Сведения о конкретных методах и формах практической работы с крестьянами-бедняками можно получить из информации Донецкого окружного комитета ВЛКСМ в ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций в деревне» (10 сентября 1926 года). В письме отмечалось, что на пленумах РК ВЛКСМ, состоявшихся в марте – апреле 1926 года, обсуждался вопрос о работе и организации групп бедноты, после чего к практической работе и организации групп бедноты приступили 48 ячеек. В качестве результатов приводятся следующие данные: в Криворожской ячейке – 73 члена, из них 35 бедняков, 20 батраков, 5 середняков и 13 служащих. Данная ячейка организовала группу бедноты при кооперации и через нее добилась за счет прибылей пайщиков принятия бедняков и батраков в члены кооперации; в Фоминковской ячейке – 22 человека, из них 3 батрака, 17 бедняков, 2 середняка. Эта ячейка провела три собрания бедноты, в том числе «О реорганизации лавки крестьянского комитета общественной взаимопомощи в единое потребительское общество»; в Шумилинской ячейке – 12 человек, по социальному составу: 6 бедняков, 5 середняков, 1 батрак. Авторитета ячей-

ка не имела до начала 1926 года, но когда членам ячейки удалось организовать три трудовые артели и два крестьянских комитета общественной взаимопомощи в земельных обществах, крестьяне всё чаще стали обращаться в ячейку за всевозможными справками и т. п. [14].

Стоит обратить внимание на еще один практический метод, использовавшийся ВЛКСМ для привлечения деревенской молодежи. VII съезд ВЛКСМ (11–22 марта 1926 года) в который раз сделал акцент на том, что стержнем всей работы должна являться агропропаганда, заключающаяся в получении навыков культурного ведения сельского хозяйства на основе кооперирования. Данная задача, как отмечалось в резолюции съезда, должна была решаться путем распространения элементарных агрономических знаний [3]. Агропропаганда шла в числе прочего и через новые праздники, один из которых – День урожая (был введен в 1923 году, праздновался 14 октября) [4].

В информации Донецкого окружного комитета ВЛКСМ Донкому ВЛКСМ «О работе комсомольской организации округа по агропропаганде» (27 апреля 1927 года) отмечалось, что в течение лета и зимы 1926 года ячейками комсомола под руководством агрономов и культурников-комсомольцев проведен ряд агромероприятий: совместные с сельскохозяйственными кружками коллективные посевы хлеба, культурных трав, устройство грядок различных культур и т. д. Комсомольцы приступили к правильному культурному ведению хозяйства не только по полеводству, но и по животноводству и птицеводству, применению датского кормления скота, заимели породистых поросят, кур. Этими агромероприятиями ячеек заинтересовалось взрослое крестьянство, в результате чего некоторые крестьяне

применили у себя опыт комсомольцев по ведению сельского хозяйства и получили высокие результаты, что повысило авторитет ячеек ВЛКСМ [14]. Там же отмечалось, что сельскохозяйственных кружков в округе при избах-читальнях и ячейках ВЛКСМ – 53. В них комсомольцев – 600 человек. Работа кружков в летний период заключалась в практическом применении полученных зимой теоретических знаний. Так, Мигулинская ячейка Мешковского РК ВЛКСМ посеяла десятину пшеницы, с которой собрала двадцать пудов зерна. Некоторые ячейки проводили посев трав: могоара, суданки, других культур. Калиновская ячейка посеяла 72 десятины травы могоара [14].

В отчетном докладе Донского комитета ВКП(б) на XII окружной партийной конференции (31 января 1927 года) было сказано, что истекший период характеризовался значительным ростом активности молодежи. В частности, требования деревенской молодежи, особенно бедняцко-батрацкой ее части, шли по линии улучшения материального положения, повышения ее культурного уровня. Эти группы молодежи проявляли наибольший интерес к комсомолу. Что касается середняков, то они несколько отдалены от комсомола, так как заняты своим хозяйством. Однако в связи с улучшением материального положения эта часть молодежи тоже начала проявлять более живой интерес к комсомолу, предъявляя требования к повышению собственного культурного уровня, особенно в вопросах агрономии [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 20-е годы XX века постепенно происходило укрепление влияния комсомола на деревенскую молодежь Дона через различные формы ее организации.

В дальнейшем вопросы строительства

комсомола в сельской местности менялись в зависимости от условий развития Советского государства. Однако просветительство, агропропаганда сыграли свою роль в формировании имиджа комсомола.

Библиография / References:

1. Второй Всероссийский съезд Российской коммунистической молодежи: Стеногр. отчет (5–8 окт. 1919 г.) / РКСМ. Второй Всероссийский съезд РКСМ. – Петербург: Гос. изд-во, 1920. – 81 с.
2. Летопись Донского комсомола (1920–1945 гг.): сборник документов и материалов по истории Ростовской областной организации ВЛКСМ. – Ростов: Кн. изд-во, 1982. – 228 с.
3. Орлова Л.Н. История становления технологий трудового воспитания во Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина в 20–40-гг. XX века // Центр и периферия. – 2022. – № 2.
4. Орлова Л.Н. История становления пионерской организации в деревне в середине двадцатых годов XX века // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – Т. 9, № 4.
5. Решения и постановления III-й Всероссийской конференции Р.К.С.М. – Москва: Молодая гвардия, 1923. – 73 с.
6. Третий Всероссийский съезд РКСМ 2–10 октября 1920 года: Стенографический отчет / ИСТМОЛ ЦК РЛКСМ. Комиссия по изучению истории юношеского движения в России. – Москва, Ленинград: Молодая гвардия, 1926. – 325 с.
7. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14.
8. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 35.
9. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 161.
10. ЦДНИРО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7.
11. ЦДНИРО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 14.
12. ЦДНИРО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 16.

13. ЦДНИРО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1.
14. ЦДНИРО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2.
15. ЦДНИРО. Ф. 275. Оп. 1. Д. 3.
16. ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 769.
17. Юность моя – комсомол: Очерки истории комсомольской организации Дона / Асмолова Г.Г., Богдановская О.А., Емельяненко Н.Я. и др.; Под общ. ред. В.В. Мельникова; Парт. арх. Рост. обкома КПСС, Рост. обком ВЛКСМ. – Ростов, 1986. – 336 с.
1. Vtoroj Vserossiiskij s'ezd Rossijskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi: Stenogr. otchet (5-8 okt. 1919 g.) / RKSM. Vtoroj Vseros. s'ezd RKSM. – Peterburg: Gos. izd-vo, 1920. – 81s. (In Russ.).
2. Letopis' Donskogo komsomola (1920-1945 g.g.): sbornik dokumentov i materialov po istorii Rostovskoj oblastnoj organizacii Rostovskoj oblastnoj organizacii VLKSM – Rostov: kn. izd-vo, 1982. – 228 s. (In Russ.).
3. Orlova L.N. Istoriya stanovleniya tekhnologii trudovogo vospitaniya vo Vsesoyuznoj pionerskoj organizacii imeni V.I. Lenina v 20-40-gg. XX veka // Czentr i periferiya. 2022. № 2. (In Russ.).
4. Orlova L.N. Istoriya stanovleniya pionerskoj organizatsii v derevne v seredine dvadtsatikh godov XX veka // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. 2020. T. 9. № 4. (In Russ.).
5. Resheniya i postanovleniya III-i Vserossiiskoi konferentsii R.K.S.M. – M.: Molodaya gvardiya, 1923. – 73 s. (In Russ.).
6. Tretii Vserossiiskii sezd RKSM 2-10 oktyabrya 1920 goda: Stenograficheskii otchet / ISTMOL TsK RLKSM. Komissiya po izucheniyu istorii yunosheskogo dvizheniya v Rossii. – M.; Leningrad: Molodaya gvardiya, 1926. – 325 s. (In Russ.).
7. TsDNIRO F №4 Op.1 d.14. (In Russ.).
8. TsDNIRO F №4 Op.1 d.35. (In Russ.).
9. TsDNIRO F №4 Op.1 d.161. (In Russ.).
10. TsDNIRO F №171 Op.1 d.7. (In Russ.).
11. TsDNIRO F №171 Op.1 d.14. (In Russ.).
12. TsDNIRO F №171 Op.1 d. 16. (In Russ.).
13. TsDNIRO F №174 Op.1 d.1. (In Russ.).
14. TsDNIRO F №174 Op.1 d.2. (In Russ.).
15. TsDNIRO F №275 Op.1 d.3. (In Russ.).
16. TsDNIRO F №910 Op.3 d.769. (In Russ.).
17. Yunost moya – komsomol: Ocherki istorii komsomolskoi organizatsii Dona/ Asmolova G. G., Bogdanovskaya O. A., Yemelyanenko N. Ya. i dr.; Pod obshch. red. V. V. Melnikova; Part. arkh. Rost. obkoma KPSS, Rost. obkom VLKSM. – Rostov, 1986. – 336 s. (In Russ.).

ВЛАСОВ Юрий Иванович, зав. отделом социально-трудовых отношений и социального партнёрства, руководитель пресс-центра, Федерация профсоюзов Орловской области (Россия, Орёл), e-mail: vuifpoo@yandex.ru, Author ID: 1175095

VLASOV Yu.I., Head of the Department of Social and Labor Relations and Social Partnership, Head of the Press Center, Federation of Trade Unions of the Orel Region - (Russian Federation, Orel), e-mail: vuifpoo@yandex.ru, Author ID: 1175095

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОФСОЮЗОВ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОЛХОВСКОГО СОЮЗА КОЖЕВНИКОВ (1905–1919 ГОДЫ)

THE EMERGENCE OF TRADE UNIONS OF OREL PROVINCE: A CASE OF THE ACTIVITIES OF THE BOLKHOV UNION OF TANNERS (1905-1919)

Аннотация Цель статьи – исследование деятельности Болховского союза кожевников в контексте зарождения профсоюзов Орловской губернии в 1905–1919 годы. Географические рамки исследования ограничены территорией Орловской губернии. В качестве основных источников были взяты статистические и справочные материалы, обзоры Орловской губернии, а также данные архива краеведческого музея города Болхова. Комплексный анализ источников был произведён при помощи традиционных научных способов исследования (системный анализ, ретроспективный метод, метод историзма). В статье проанализированы предпосылки возникновения первых организаций рабочих Орловской губернии, определены акторы болховского профсоюзного движения кожевников. Установлено, что основными требованиями профсоюзов являлись экономические и организационные вопросы в части увеличения заработной платы, отмены рабочим надворных работ, выработки правил внутреннего распорядка и выдачи расчётных книжек. Значительное внимание профсоюз уделял культурно-просветительской деятельности. В качестве вывода исследования автор указывает, что становление и развитие Болховского союза кожевников во многом отражает историю профсоюзного движения России.

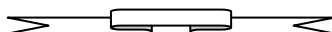
Ключевые слова: Болховский союз кожевников, профсоюз, Орловская губерния, кожевники, город Болхов, социально-трудовая сфера.

Abstract. The purpose of the article is to study the activities of the Bolkhov Union of Tanners in the context of the emergence of trade unions of Orel province in 1905-1919. The territory of Orel province limits the geographical scope of the study. The research is based on statistical and reference materials, reviews of Orel province, as well as data of the Bolkhov history museum archive.

A comprehensive analysis of the sources was carried out by means of traditional scientific research methods such as system analysis, retrospective method and historical method. The article analyzes the prerequisites for the emergence of the first trade unions of Orel province, identifies the actors of the Bolkhov Union of Tanners. The author notes that the main requirements of the trade unions were economic and organizational issues in terms of increasing wages, canceling outhouse work for workers, developing internal regulations and issuing wage and payment books. The trade union paid considerable attention to cultural and educational activities.

As a result, the author comes to the conclusion, that the formation and development of the Bolkhov Union of Tanners largely reflects the history of the Trade Union movement in Russia.

Keywords: Bolkhov Union of Tanners, Trade Union, Orel province, tanners, town of Bolkhov, social and labor sphere.

ВВЕДЕНИЕ

Исторический опыт регулирования социально-трудовой сферы убедительно показывает взаимосвязь трудовых отношений с социально-экономической стабильностью и государственной целостностью. В данном контексте справедлив тезис В. Н. Орлова, что «обращение к историческому прошлому России может положительно повлиять на разработку адекватных мероприятий по локализации политических рисков, деструктивных тенденций и факторов в сфере труда и занятости населения в условиях перехода страны к гражданскому обществу и правовому государству» [9, С. 19].

Ретроспективный анализ показывает, что Орловскую губернию не миновали революционные события 1905 года и последующие за ними изменения в политической и общественной жизни. Волнения проходили на многих предприятиях.

В целом по состоянию на 1905 год в Орловской губернии было 9193 фабрики и завода, включая мелкие заведения, имеющие характер ремесленных и кустарных (на 54 больше по сравнению с показателем 1904 года). Рабочих на этих предприятиях насчитывалось 40 071 человек. Наибольшее число рабочих трудилось на рельсопрокатном заводе – 8150, мукомольных – 4481, маслобойных – 2642, кирпичных – 2619, пенько- и паклепрядильных – 2237, стеклянных – 1802, кузнечных – 1557, кожевенных заводах – 1084.

Отметим, что комплексных исследований роли и места орловских профсоюзов, в том числе профессиональных союзов Болхова, в революционных событиях начала XX века и первый период становления советской власти не проводилось.

Однако в Государственном архиве Орловской области сохранились публикации региональных СМИ о деятельности профсоюзов. Так,

в подборке газеты «Орловский вестник» за 1905 год имеется множество материалов о деятельности профессиональных союзов губернии.

Общественно-политической ситуации и событиям 1905–1907 годов на территории Орловской губернии уделено внимание того периода и ряде исследований орловских историков и краеведов.

Одним из первых обобщающих источников является издание истпартодела Орловского губкома ВКП(б) за 1926 год «1905 год в Орловском крае» [1].

О рабочем движении и партийном строительстве на Орловщине этого периода можно узнать, обратившись к сборнику документов и материалов «Революционное движение в Орловской губернии в период первой русской революции 1905–1907 годов» [12], сборнику архивных документов «Борьба трудящихся Орловской губернии за установление советской власти в 1917–1918 гг.» [3] и исследовательскому труду «Очерки истории Орловской организации КПСС», изданному в 1987 году под редакцией Е. С. Строева [10].

Вопросы зарождения и развития профсоюзного движения на Орловщине и в Центральном Черноземье отражены в исследованиях [5; 7, С. 143–151; 13, С. 103–124; 14, С. 188–196]. Законодательство о профессиональных рабочих союзах в России и зарубежных странах в 1900–1917 годах представлено в [16]. Исследовательский интерес представляют публикации [2; 3; 11; 16].

В качестве основных источников были взяты статистические и справочные материалы, обзоры Орловской губернии, а также данные архива краеведческого музея города Болхова. Комплексный анализ источников был произведен при помощи традиционных научных способов исследования (системный анализ, ретроспективный метод, метод историзма).

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ
ОБСУЖДЕНИЕ**

Историки неоднократно отмечали особую роль профессиональных союзов в анализируемый период времени. За влияние на профессиональные союзы боролись многие государственные, политические и общественные силы.

Исследователи В. М. Антонов, В. В. Антонов, А. И. Бачурин и др. в труде по истории коммунистического строительства в Орловской области «Полвека борьбы и побед» отмечали, что «...во время революции 1905–1907 гг. образовались профсоюзы металлистов, портных, кожевников, почтово-телеграфных чиновников и некоторые другие» [11, С. 182].

Предпосылки возникновения первых организаций рабочих Орловской губернии, отстаивающих свои права, не отличались от общероссийских. Это тяжелые условия труда, отсутствие охраны труда, продолжительный рабочий день, высокие штрафы, другие экономические и производственные проблемы, но самое главное – практически отсутствующая другая возможность защитить себя.

Отметим, что кожевники в Орловском крае выступили как одна из активных революционно настроенных масс трудового населения.

Одним из центров кожевенного производства в Орловской губернии традиционно был город Болхов. На рубеже XIX – XX веков Болховский уезд состоял из 20 волостей, в которых проживало около 139 000 человек. В самом городе, согласно переписи 1897 года, насчитывалось 20 700 жителей. В этот период Болхов более чем в полтора раза превосходил губернские города Архангельск, Вологду, Владимир, почти в два с половиной раза – Петрозаводск. Был больше Новгорода и Пскова. Почти треть его торгового оборота состояла из прибыли от кожевенного производства [2, С. 6].

Профсоюзное движение в Болхове форми-

ровалось предположительно в период 1905–1908 годов. Одними из активных инициаторов профсоюзов и стачечного движения выступали Клягин, Козырев, Худокормов.

Последние были участниками революционного движения за пределами области (из материалов, сохранившихся в Болховском Краеведческом музее). Они и принесли на Болховскую землю идеи профсоюзного движения, революционные мысли и требования рабочего движения.

В результате их пропаганды в 1908 году забастовал самый крупный кожевенный завод П. Н. Елисеева в городе Болхове. Стачка возникла стихийно, выдвигались требования экономического характера. Часть рабочих кожевенных заводов Болхова поддерживала бастовавших с первых дней, часть воздержалась от поддержки. В подпольный стачечный комитет вошли шесть человек: Клягин, Худокормов, Козырев и ряд других товарищей. Первое, чем занимался стачечный комитет после обобщения выдвигаемых требований, – это организация материальной помощи бастующим. Данный вопрос был решен.

В это время полиция арестовала тех рабочих, которые первые прекратили работать и выдвинули свои требования работодателям. Пребывание зачинщиков в тюрьме в течение нескольких месяцев охладило накал стачки, и она постепенно прекратилась. Достоверно неизвестно, достигли ли рабочие каких-то положительных для себя результатов или нет, но такой факт зафиксирован в истории рабочего движения болховских кожевников.

Однако это событие стало триггером профсоюзного движения Болхова. Так, Козырев, один из руководителей стачечного комитета, спасаясь от полицейского преследования, конспиративно выезжает в Москву, оттуда, вероятно, по направлению Московского союза кожевников направляется на остров Каприна.

В 1909 году Козырев возвращается в Болхов с идеей создания легального профсоюза и соответствующими документами. В период до декабря 1909 года он проводит встречи с Клягиным и Михайловым, рядом соратников, участвовавших в стачке 1908 года, обсуждает необходимость создания легального профсоюза кожевников г. Болхова и предъявляет им для обсуждения устав Московского союза кожевников.

Его агитация нашла свою поддержку. Болховские кожевники, особенно после событий 1908 года, прекрасно понимали, что разрозненными силами им ничего не добиться, как и понимали то, что нужно выбрать одну из новых сил общества, проявивших себя в Российской империи в период событий 1905–1908 гг.

Как следствие, они решили организовать профессиональный союз кожевников. Для этого была проделана подготовительная работа по созыву учредительного собрания, выбраны делегаты как минимум трёх кожевенных заводов города, подготовлены проекты необходимых документов: устав, постановления и т. д.

Учредительное собрание прошло конспиративно 31 декабря 1909 года в Подгородней слободе города Болхова, в доме рабочего. Количество участников достоверно неизвестно. Однако источники сохранили имена рабочих трёх кожевенных представителей разных заводов Болхова, которые вошли в состав учредителей городского профсоюза кожевников. Это Клягин Василий Иванович, Радомазов Павел Алексеевич и Азовкин Иван Семёнович. На этом собрании был утверждён и устав профсоюза.

Орловский историк А. Б. Гуларян в справочнике-словаре дореволюционных самодельных общественных организаций Орловской губернии указывает, что «точная дата создания профессионального общества рабочих кожевенного производства г. Болхов пока не уста-

новлена. Прекратила деятельность в 1917 году. Учредительные документы, устав пока не обнаружены. Упоминается в «Памятной книжке и адрес-календаре Орловской губернии» с 1912 по 1917 г. Председатель правления – В. И. Клягин (бессменно), товарищи председателя – последовательно П. И. Образцов, С. Н. Третьяков, М. И. Михайлов, казначей – И. Ф. Хворых, С. Ф. Третьяков, секретари – В. В. Солодов, П. И. Образцов» [5, С. 67–68].

Об этих событиях повествует и Б. Шатунов в статье «Первые профсоюзы в Болхове» в газете «Болховская новь» от 16.09.1986 г. [15, С. 3].

Подписанный устав и учредительные документы были направлены в Орловское губернское об обществах присутствие. Однако устав не прошёл регистрацию (утверждение) и был возвращён учредителям в связи с «нарушением статей 2 и 9 Именного высочайшего указа правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах (Именного Высочайшего указа Правительствующему сенату «О временных правилах об обществах и союзах») от 4 марта 1906 года».

Следует отметить, что этот документ был первым актом, регламентирующим деятельность профсоюзов в правовом поле государства. К его содержанию и полю деятельности и тогда, и сейчас есть множество вопросов. Но он явился одним из завоеваний профсоюзов в период 1905–1906 годов.

Интересны действия учредителей профсоюза кожевников Болхова, которые получили документы без регистрации (утверждения). Собрания проводились на конспиративной квартире. Они находились в смятении, не знали содержания статей, на основании которых им дали отказ, анализировали устав на наличие нарушений законодательства, предприняли ряд мер для поиска «Высочайшего указа» (по знакомству получили в полицейском управлении).

Так или иначе, после внесения соответствующих изменений и повторного направления на регистрацию устав был утверждён.

Таким образом, более года потребовалось на совершение всех действий по легализации профсоюза. И это при том, что в 1906–1912 годах в стране наблюдается массовое закрытие профессиональных союзов.

19 февраля 1911 года прошло официальное собрание в присутствии квартального полицейского.

На нём были 72 участника (данные архива краеведческого музея города Болхова). По другим данным, в члены нового союза записались 89 человек, но около 300 не смогли этого сделать из-за тесноты помещения [15, С. 3].

На собрании был зачитан устав, прошло его обсуждение, определены вступительный взнос в размере 50 копеек и процент отчислений от ежемесячной заработной платы, а также был рассмотрен ряд других вопросов.

Первый параграф устава союза кожевников города Болхова гласил: «Общество будет содействовать умственному, профессиональному и нравственному развитию своих членов» [15, С. 3]. О том, что это было довольно уникальное событие, так называемый информационный повод, можно судить и по тому, что уже 25 февраля 1911 года газета «Орловский вестник» сообщала об этом. «Задолго до открытия собрания возле дома братьев Милютиных на Покровской улице собралась большая толпа рабочих. Комнаты помещения и коридор были переполнены, а на улице толпилась группа рабочих – помещение оказалось тесным для такого собрания. Собравшихся ознакомили с целями и задачами нового общества. Открывая собрание, В. И. Клягин произнёс: «Товарищи!» – и это было в новинку» (публикация в газете «Орловский вестник» от 25 февраля 1911 года).

27 февраля 1911 года уже в более простор-

ном помещении – зале дома Джакели в городе Болхове – состоялось собрание членов созданного профессионального общества. Участниками были и старые, опытные, и молодые рабочие кожевенных заводов: посадчики, кройщики, походчики и т. д. На этом заседании прошли выборы правления союза. Предложения по кандидатурам направлялись рабочими в президиум в записках. По итогам голосования председателем правления союза кожевников в городе Болхове был избран Василий Иванович Клягин (рис. 1) [15, С. 3].

Членами правления избраны П. А. Радомазов, С. Н. Третьяков, А. И. Сергеев, М. М. Вязимкин, И. И. Анисимов, И. В. Худокормов, И. И. Третьяков, В. В. Солодов, И. В. Ивлев, П. И. Акулов (рис. 2) [15, С. 3].

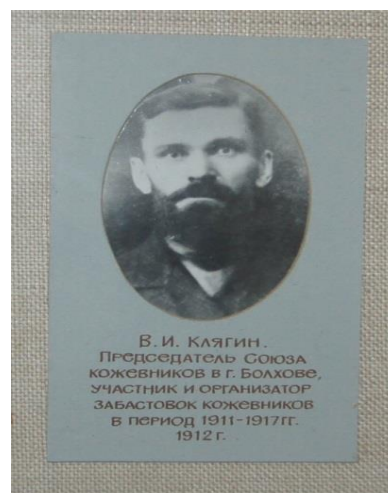

Рисунок 1 – Фотография В. И. Клягина, председателя союза кожевников в городе Болхове, из материалов архива Болховского краеведческого музея

Picture 1 – Photograph by V.I. Klyagin, chairman of the tanners' union in Bolkhov, from the materials of the archives of the Bolkhov Museum of Local Lore.

Рисунок 2 – Фотография правления союза кожевников в городе Болхове (1912 г.) из материалов архива Болховского краеведческого музея

Picture 2 – Photograph of the Board of the Union of Tanners in the city of Bolkhov (1912) from the materials of the archive of the Bolkhov Museum of Local Lore.

Правление союза в течение 1911 года работало над увеличением профсоюзного членства, аккумулируя требования работников, готовясь к дальнейшим действиям.

Открытие и начало работы в Болхове профессионального союза кожевников освещалось в печати. По данным Б. Шатунова, в этих публикациях давались «добрые» напутствия профсоюзу, отмечалось, что болховские врачи согласились оказывать бесплатную медицинскую помощь членам союза и их семьям, провизоры – отпускать медикаменты со скидкой. В то же время указывалось, что не все рабочие вступали в профсоюз, воздерживаясь от вступления из-за боязни перед работодателями [15, С. 3].

Стачечная волна 1912 года, прокатившаяся по всей России, захлестнула и союз кожевников Болхова, который к этому времени «окреп материально и количественно». В нём состояло уже 210 человек, и он мог распола-

гать одномоментно суммой до 1000 рублей. 1 мая 1912 года под непосредственным, но неофициальным руководством союза была организована маёвка, на которой было решено предъявить аккумулированные экономические требования работодателям.

Была выбрана тактика начала стачки без официального участия, но с поддержкой профсоюза на одном из заводов братьев Назаровых. Стачку поручалось начать под руководством председателя профсоюза Клягина и члена правления Михайлова, работавших на этом заводе. Стачка планировалась с предъявлением требований рабочих завода при материальной поддержке остальных членов профсоюза от остальных заводов.

Участники стачки предъявили следующие требования: увеличение заработной платы, отмена рабочим надворных работ, выработка правил внутреннего распорядка и выдача расчётных книжек. Участники стачки дали предпринимателям двухнедельный срок для принятия решений, после этого рабочие грозили остановкой работы. Соответствующая информация была направлена фабричному инспектору и в полицию.

В двухнедельный срок стороны не пришли к согласию, и работы на заводе братьев Назаровых были остановлены. Приехавший фабричный инспектор Иванов не смог урегулировать разногласия. Тогда правление профсоюза кожевников, пока не уехал инспектор, приняв решение, собирает представителей всех кожевенных заводов Болхова и вносит предложение остановить работу на всех заводах с предъявлениями аналогичных требований. Фабричный инспектор не шёл на уступки, опираясь на полицию, грозил участникам акции примером Ленского расстрела («трагические события апреля 1912 года на приисках Ленского золотопромышленного товарищества, в

результате конфликта, забастовки и расстрела трёхтысячной толпы бастующих правительственными войсками пострадало 372 человека, из них 170 от полученных ран скончались» [8, С. 116–117]).

Однако промышленники, терпя убытки, всё же пошли на урегулирование конфликта. В результате рабочие получили увеличение на 20 % надбавки на жалованье, отмену всех надворных работ и выдачу расчётных книжек.

Рабочие болховских кожевенных заводов, видя успех профсоюза, с середины 1912 года стали массово вступать в его ряды. К концу года число членов профсоюза достигло 700 человек. В этот период правление работало бесплатно, в выходные и праздничные дни ведя делопроизводство профсоюза. Ещё более улучшившееся материальное состояние профсоюза позволило заняться просветительской работой. Были выписаны многие классические произведения русских писателей; журналы «Природа и люди», «Русское богатство», «Современный мир», «Нива», «Родина»; газеты: «Петроградская правда» и другие. Сформировалась библиотека из более чем 2000 томов, и около 200 рабочих стали её постоянными читателями.

Легальная газета большевиков «Правда», выходившая в Петербурге с 5 мая 1912 года, в выпусках № 76 от 31 марта и № 79 от 3 апреля 1913 года писала о труде рабочих на заводах Болхова и истории создания профессионального общества рабочих кожевенного производства.

В 1913 году проводилась большая работа по созданию больничных касс. Правление профессионального союза искивает возможность получить (выписать) «Рабочий устав больничной кассы» под ред. Б. Г. Данского в 20 экземплярах.

Он обсуждается в коллективах и работодателями. После тяжёлых переговоров утверждается компромиссный вариант устава. И он претворяется в жизнь на болховских кожевенных заводах.

Управление больничными кассами строилось на паритетных началах, однако со временем болховские профсоюзы вытесняют представителей работодателя из управления кассами, и их руководство переходит в руки рабочих в 1914 году (данные архива краеведческого музея города Болхова).

В 1914 году болховские кожевенники снова объявили о начале стачки по экономическим требованиям, на выполнение которых в довольно короткие сроки собственники производств согласились, не желая терять «казённых подрядов».

1915 год оказался сложным для профсоюза. Объявленная стачка с очередными экономическими требованиями проходила тяжело. Профсоюз, надеясь на очередные быстрые уступки, объявил её в период выполнения «госзаказа» для военного ведомства – интендантства. Правление завода не спешило идти на уступки и вызвало из Петербурга интендантского чиновника. Прибыв в город, тот собирает правление профессионального союза и всех военнообязанных работников заводов в клуб Купеческого собрания Болхова, запирает двери, окружает здание и угрожает при срыве заказа закрыть союз, а военнообязанных отправить на фронт, подстрекателей стачки отдать под суд с обвинением в государственной измене (данные архива краеведческого музея города Болхова).

Как следует из источника, профсоюз не пошёл на уступки, часть рабочих была отправлена на фронт, профсоюз закрыт не был, но и работодатель уступил требованиям, выполнив их часть.

Репутационная потеря привела к выходу из профсоюза части военнообязанных рабочих. Появились предложения закрыть союз, «дабы не убить веру в мощь союза остальных рабочих». Однако этому помешали поражения на фронтах и растерянность правительства, усилившиеся брожения в обществе.

Профессиональный союз сосредоточил своё внимание больше на культурно-просветительской деятельности и кооперации. Так, например, в 1916 году болховский профсоюз открывает рабочий кооператив «Труд».

Следует отметить, что болховские профсоюзы чутко следили за развитием общественно-политической ситуацией в стране и грянувший 1917 год встретили достаточно подготовленными и закалёнными в ходе ряда стачек. Они явно имели связь со столицей, пользовались различной революционной литературой и иными публикациями.

2 (15) марта 1917 года, в день получения извещения об отречении императора Николая II от престола, союз незамедлительно выделил пятерых рабочих для распространения листовок-воззваний. Эти листовки призывали рабочих собраться в 4 часа дня в городской театр-иллюзион и выдвигаться для разоружения полиции. В 4 часа рабочие с красными флагами прошли по городу, разоружив полицейских. На следующий день, когда пришло официальное оповещение об отречении императора, незамедлительно был организован совет рабочих депутатов. В это же время Болховский союз кожевников предъявил предпринимателям требования экономического характера. Предприниматели не пошли на уступки, и работы на предприятиях были прекращены. Стачка продолжалась около месяца. Для разрешения вопросов была создана комиссия из рабочих и руководства завода, арбитраж передали приглашенному лицу «из числа интел-

лигентов». В результате переговоров стачка закончилась в пользу рабочих (данные архива краеведческого музея города Болхова).

В марте 1918 года кожевенные предприятия Болхова «меняют» хозяев. Профессиональный союз начинает новый период хозяйствования. Выбираются представители в заводские комитеты, налаживаются новые производственные связи. После наступления Деникина, профессиональный союз закрывает производства, эвакуирует готовую продукцию и выделяет рабочих для участия в боевых действиях. В 1921 году в губернии уже создается первый кожевенный трест [4, С. 24–27].

Очевидно, что указанные обстоятельства приносили определенную турбулентность, драматизм, а вместе с тем и динамизм в формирование как персональных судеб, так и общей социально-экономической и политической составляющей [6, С. 54–65].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что кожевники Орловской губернии представляли собой активно и революционно настроенную категорию трудового населения. Становление и развитие Болховского профсоюза кожевников во многом отражает историю профсоюзного движения России, имеет свою специфику и интересно историкам и профсоюзному активу.

Библиография / References:

1. 1905 год в Орловском крае. – Орёл: Издание исторического партийного отдела Орловского губкома ВКП(б), (1926). – 112 с.
2. Болхов из глубины веков до наших дней: (продолжая написанное). – Болхов, Орёл: Картуш, 2018. – 171 с.
3. Борьба трудящихся Орловской губернии за установление советской власти в 1917–1918 гг. – Орёл: Издательство «Орловская

правда», 1957. – 354 с.

4. Гончарова И.В. Орловская промышленность в начале новой экономической политики большевиков: условия восстановления и пределы возможностей // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2019. – № 2 (83). – С. 24–27.

5. Дореволюционные самостоятельные общественные организации Орловской губернии. Словарь-справочник / А.Б. Гулярян. – Орёл: Издательство ОрёлГАУ. – 2015. – 496 с.

6. Исаев А.В., Матвиенко В.А. Судьбы народных представителей Первой Государственной Думы // Вестник государственного и муниципального управления. – 2021. – Т. 10, № 4. – С. 54–65.

7. Меркулов П.А., Саран А.Ю. Формы воздействия общественных организаций на функционирование механизмов региональной власти 1920–1930-х годов (на примере Центрально-Черноземной области) // История: факты и символы. – 2017. – № 2 (11). – С. 143–151.

8. Мунгалов Н.Н. Ленский расстрел 1912 г.: исторический очерк. – Иркутск: Репроцентр А1, 2008. – 244 с.

9. Орлов В.Н. Повседневность и рабочий протест в Советской России в 1920-е годы // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2007. – Выпуск 6. – С. 19–22.

10. Очерки истории Орловской организации КПСС. Издание 2-е, испр. и доп. – Тула: Приокское книжное издательство, 1987. – 424 с.

11. Полвека борьбы и побед. – Тула: Приокское книжное издательство, 1967. – 231 с.

12. Революционное движение в Орловской губернии в период первой русской революции 1905–1907 годов. – Орёл: Орловская правда, 1957. – 228 с.

13. Терещенко А.А. Развитие промышленности в городах Центрального Черноземья во

второй половине XIX – начале XX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 3-2 (19). – С. 103–124.

14. Чернова О.А. Деятельность профессиональных союзов по разрешению трудовых конфликтов на предприятиях Центрального Черноземья в 1920-е годы (по материалам Курской и Воронежской губерний) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2010. – № 19 (90). – С. 188–196.

15. Шатунов Б. Первые профсоюзы в Болхове // Болховская новь. – 16.09.1986 г.

16. Шелымагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России, 1900–1917. – М.: Юриздат, 1952. – 319 с.

1. 1905 god v Orlovskom krae [1905 in the Orel Territory]. – Orel: Izdanie istpartotdela Orlovskogo Gubkoma VKP (b). (1926). – 112s. (In Russian)

2. Bolkhov iz glubiny vekov do nashikh dnei: (prodolzhaia napisannoe) [Bolkhov from time immemorial to the present day: (continuing what was written)]. – Bolkhov, Orel: «Kartush». 2018. – 171s. (In Russian)

3. Bor'ba trudiashchikhsia Orlovskoi gubernii za ustanovlenie sovetsoi vlasti v 1917-1918 gg. [The struggle of the workers of the Orel province for the establishment of Soviet power in 1917-1918]. – Orel: Izdatel'stvo «Orlovskaja pravda». 1957. – 354s. (In Russ.).

4. Goncharova I.V. (2019) Orlovskaya promyshlennost' v nachale novoy ekonomicheskoy politiki bol'shevikov: usloviya vosstanovleniya i predely vozmozhnostey [Orel industry at the beginning of the new economic policy of the Bolsheviks: conditions of restoration and possible opportunities] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo

universiteta]. – №2(83). – S.24–27. (In Russ.).

5. Dorevoliutsionnye samodeiatel'nye obshchestvennye organizatsii Orlovskoi gubernii. Slovar'-spravochnik [Pre-revolutionary amateur public organizations of the Orel province. Reference dictionary] / A.B. Gularian. – Orel: Izd-vo Orel GAU. – 2015. – 496s. (In Russ.).

6. Isaev A.V. Matvienko V.A. (2021) Sud'by narodnykh predstavitelei pervoi gosudarstvennoi Dumy [The fate of the people's representatives of the First State Duma] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia [Bulletin of State and Municipal Administration]. – T. 10. – № 4. – S. 54–65. (In Russ.).

7. Merkulov P.A., Saran A.Yu. (2017). Formy vozdeystviya obshchestvennykh organizatsiy na funktsionirovaniye mekhanizmov regional'noy vlasti 1920-1930-kh godov (na primere Tsentral'no-chernozemnoy oblasti) [Forms of influence of public organizations on the functioning of regional power mechanisms of the 1920s-1930s (on the example of the Central Chernozem region)] // Istoriya: fakty i simvol'y. [History: Facts and Symbols]. № 2 (11). S. 143-151. (In Russ.).

8. Mungalov N.N. (2008). Lenskiy rasstrel 1912 g.: istoricheskiy ocherk. [The Lena Shooting of 1912: a historical essay]. Irkutsk: OOO «Reprintsentr A1». 244s. (In Russ.).

9. Orlov V.N. Povsednevnost' i rabochii protest v sovetskoi Rossii v 1920-e gody [Everyday life and workers' protest in Soviet Russia in the 1920s] // Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Bulletin of the Pomor University. Series Humanities and social sciences]. Vypusk 6. – 2007. – S.19–22. (In Russian)

10. Ocherki istorii Orlovskoi organizatsii KPSS [Essays on the history of the Orel organization of the CPSU]. Izdanie 2-e, ispr. i dop. (1987). – Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo. – 424s. (In Russ.).

11. Polveka bor'by i pobed. [Half a century of struggle and victories]. – Tula: Priok. kn. izd-vo. 1967. – 231s. (In Russ.).

12. Revoliutsionnoe dvizhenie v Orlovskoi gubernii v period pervoi russkoi revoliutsii 1905-1907 godov [The revolutionary movement in the Orel province during the first Russian revolution of 1905-1907]. – Orel: Izdatel'stvo «Orlovskaya pravda», 1957. – 228s. (In Russ.).

13. Tereshchenko A.A. (2011). Razvitiye promyshlennosti v gorodakh tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [The development of industry in the cities of the Central Chernozem region in the second half of the XIX – early XX century] // Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of Kursk State University]. – №3-2(19). – S.103–124. (In Russ.).

14. Chernova O.A. (2010). Deyatel'nost' professional'nykh soyuzov po razresheniyu trudovykh konfliktov na predpriyatiyakh tsentral'nogo Chernozem'ya v 1920-e gody (po materialam Kurskoy i Voronezhskoy gubernii) [The activity of trade unions in resolving labor conflicts at enterprises of the Central Chernozem region in the 1920s (based on materials from Kursk and Voronezh provinces)] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: History. Political science]. № 19 (90). S.188-196. (In Russ.).

15. Shatunov B. «Pervye profsoiuzy v Bolkhove» [«The first trade unions in Bolkhov»] // Bolkhovskaya nov'. – 16.09.1986 g. (In Russ.).

16. Shelymagin I.I. Zakonodatel'stvo o fabrichno-zavodskom trude v Rossii, 1900-1917. [Legislation on factory labor in Russia, 1900-1917.]. – M.: Izirizdat, 1952. – 315s. (In Russ.).

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор, кафедра государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России (Россия, Химки), e-mail: d413839@yandex.ru, AuthorID: 470075

TSYBAKOV D.L., Doctor of Political Sciences, Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Russian Federation, Khimki), e-mail: d413839@yandex.ru, AuthorID: 470075

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИФА О КАЗАЧЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ
УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В XIX – XX СТОЛЕТИЯХ**

**THE ORIGIN OF THE MYTH OF THE COSSACKS IN THE CONTEXT OF THE
FORMATION OF UKRAINIAN NATIONALISM IN THE 19th–20th CENTURIES**

Аннотация. Целью статьи является исследование попыток использования истории формирования днепровского и запорожского казачества в целях легитимации украинского националистического проекта. Автором обосновывается ангажированность различных подходов историков к государственной модели украинского национализма в период XIX – XX столетий. Также раскрываются предпосылки происхождения казачества как специфической военизированной сословной группы, и даются характеристики геополитической ситуации позднего Средневековья. На конкретных примерах искажения реального военно-политического значения казачьих общин показывается их взаимоотношения с Российским государством, Речью Посполитой и Османской империей. Аргументируется ограниченный характер политических целей казачьей старшины, которая по объективным условиям не могла играть консолидирующей роли в становлении украинской/малороссийской народности. Делается вывод об обращении идеологов казачества к использованию этнического фактора только в период пребывания в составе русского централизованного государства в целях продвижения своих узкокорпоративных интересов.

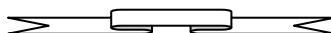
Ключевые слова: казачество, старшина, Войско Запорожское, национализм, М.С. Грушевский, Н. М. Костомаров, Галицкая Русь, Российское государство.

Abstract. The purpose of the article is to study attempts to use the history of the formation of the Dnepropetrovsk and Zaporozhye Cossacks in order to legitimize the Ukrainian nationalist project.

The author substantiates the bias of different approaches of historians to the state model of Ukrainian nationalism in the period of the 19th–20th centuries. The author also reveals the prerequisites for the origin of the Cossacks, as a specific paramilitary class group, and gives characteristics of the geopolitical situation of the Late Middle Ages. Specific examples of the distortion of the real military and political significance of the Cossack communities show their relationship with the Russian state, the Commonwealth and the Ottoman Empire. The limited nature of the political goals of the Cossack foreman is argued, which, according to objective conditions, could not play a consolidating role in the formation of the Ukrainian/Little Russian people.

As a result, the author comes to the conclusion that the ideologues of the Cossacks resort to the use of the ethnic factor only during their stay in the Russian centralized state in order to promote their narrow corporate interests.

Keywords: Cossacks, foreman, Zaporozhian Army, nationalism, M.S. Grushevsky, N.M. Kostomarov, Galician Rus, Russian state.

ВВЕДЕНИЕ

Происхождение украинского национализма и его влияние на развитие исторического процесса традиционно выступает предметом интенсивной научной полемики как в нашей стране, так и за рубежом. В первую очередь ученые различных общественных и гуманитарных наук рассматривают его идейно-политические основания, в качестве которых выступают различные версии и вариации украинствующих националистических доктрин [1, С. 97]. Современные российские исследователи продвинулись гораздо дальше в идентификации националистического дискурса в политической истории Восточной Европы [6, С. 124]. Однако в настоящее время недостаточное внимание уделяется именно историческому аспекту в формировании рассматриваемого феномена, и особенно попыткам его современных популяризаторов представить искажённую и не соответствующую историческим реалиям ретроспекцию формирования национально-политической доктрины под лозунгом «незалежной Украины». Необходимая методология описанного подхода была сформулирована, прежде всего, работами российского историка Н. М. Костомарова, имевшего тесные связи с интеллигентской фрондой малороссийских автономистов во второй половине XIX века [4, С. 502]. Однако первая системная попытка исторической фальсификации вполне справедливо связывается с деятельностью видного украинского националиста М. С. Грушевского, который получил известность и как политический деятель, и как основоположник ангажированной исторической концепции.

Отметим, что все последующие работы мыслителей и публицистов, претендующих на принадлежность к историческому знанию на основе концепта «Руси-Украины» в целом,

придерживались заданной М. Грушевским линии на узурпацию общего исторического наследия Древнерусского государства только одной из ветвей восточного славянства в лице «украинской нации».

Отмеченный выше идеологический штамп выступает стрелковым элементом практически всех разновидностей националистически ориентированных псевдоисторических подходов, которые развивали и продолжают развивать приверженцы политического и духовного раскола между Великороссией и Малороссией. Причём в декларированной ими исторической хронологии апокриф о «Руси-Украине» дополняется ещё одним идеологизированным конструктом – мифом о «казацкой державе», которая будто бы существовала в Приднепровье в XV – XVIII столетиях.

В апологетике украинского/малороссийского казачества сходятся представители всех трёх основных течений украинского национализма, которые в постсоветский период вышли из полулегального или нелегального состояния, и все вместе составляют доктринальный и мировоззренческий фундамент современного киевского режима.

ВАРИАЦИИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В XIX – XX СТОЛЕТИЯХ

Итогом генезиса националистических доктрин Украины стало выделение ко второму десятилетию XXI века таких направлений, как этнический национализм, политический национализм, неонацизм. Наряду с общей линией на откровенную русофобию и шовинизм их отличают некоторые специфические черты, обусловленные исторической традицией и социокультурными факторами.

Этнический национализм, основанный на примитивном толковании «чистоты нации», опирается на мировоззренческие установки

населения Галиции и частично Волыни, которые сложились в период Нового и Новейшего времени. Первыми из земель Рюриковичей они оказались под прямым иноземным управлением, будучи официально наименованы в XIV столетии польской короной как «воеводство Русское». Таковое заменило собой бывшую Галицкую, или Червонную, Русь, двуединое феодальное государственное образование периода XII – XIV веков. Причём не имеется оснований для его противопоставления иным русским землям эпохи развитого Средневековья – Галич и Владимир-Волынский в культурном и мировоззренческом плане не в большей мере были отчуждены от Киева, нежели Рязань или Смоленск. Укрепившиеся здесь потомки разных ветвей Мономаховичей (Волынь) и Ростиславичей (Галич), несмотря на регулярные контакты с польскими и венгерскими правящими домами, что особенно стало заметно лишь во второй половине XII столетия, были непосредственно вовлечены в общерусские политические стратегии эпохи феодальной раздробленности. Так, в середине этого бурного века существовала многолетняя коалиция Юрия Долгорукого и галицких князей; на рубеже XII – XIII веков она вновь была возобновлена, когда Всеволод Большое Гнездо и Роман Мстиславич фактически установили коллективный патронат над киевским «столом» [2, С. 330]. Уже в период монгольского владычества антиордынский союз был создан Даниилом Галицким и великим князем владимирским Андреем Ярославичем. Приведённые здесь факты начисто опровергают тезисы «школы Грушевского» об обособлении Галицкой Руси и Владимиро-Суздальской земли, якобы имевшее место еще в домонгольский период.

Однако после пресечения династии Даниила Романовича и перехода в 1340 году Чер-

вонной Руси во владение польских Пястов началась интенсивная полонизация и латинизация этих территорий. Ещё столетие назад повод для этого был дан Даниилом Романовичем, принявшим королевскую корону от папы римского. Волынь после полувековой войны с поляками досталась Великому князю Литовскому. Уже в 1343 году русские бояре в Галицкой Руси стали официально именоваться «панам», а в 1350-е католические епископы и филиалы францисканского и доминиканского орденов утвердились во всех крупных городах «Русского воеводства»; в 1375 году учреждается Галицкая католическая митрополия. Кревская уния 1385 года знаменовала начало вытеснения православия и в землях, подвластных Литве, однако вплоть до создания Речи Посполитой и появления ордена иезуитов идейная идентичность их населения в целом оставалась неизменной. Апогей католической экспансии пришёлся на времена после Брестской унии 1596 года. Именно в рамках униатской конфессии сложились мировоззренческие устои будущего галицийского национализма, а его организационная основа оформилась в период австрийского владычества в противовес польской шляхетской корпорации.

В современном украинском политикуме адепты этнического национализма прочно заняли нишу идеологов и «духовных наставников» общества. Причем с их стороны отмечается апеллирование в основном не к средневековой истории, а к событиям XX столетия, в развитие чего происходит ревизия роли галицийского коллаборационизма в период Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн и в предшествующих им событиях.

Политический национализм на постсоветской Украине охватывает ареал центральных

областей страны и опирается на социальный заказ финансово-промышленных групп Днепропетровска, влияние которых берёт своё начало ещё с эпохи правления Л. И. Брежнева, чья карьера была тесно связана с партийной работой в Украинской ССР. Идейным предтечей указанного направления следует считать культурно-историческое наследие XIX века, аккумулированное в деятельности Кирилло-Мефодиевского общества и близких к нему кружков интеллигенции и разночинцев. Изначально проповедуя панславизм, сторонники этого движения абсолютизировали значение украинской народности в истории славянства и были первыми, кто сформулировал не просто культурно-просветительские задачи, но и цель политического порядка – создание федеративного государства из Великороссии, Польши и Украины. Именно «кирилло-мефодиевцы» основали культ украинского казачества, из чего позднее сформировалась современная мифология «казацкой державы». Во время распада Российской империи линия на федерализацию привела изначально умеренных националистов под покровительство сначала кайзеровских властей, а затем и восстановленной Польши, что и предопределило их военно-политическое поражение. Однако это крыло националистического движения не было разгромлено в идейном плане, так как частично смогло адаптироваться к потребностям советской идеологии. Ряд его лидеров, включая бывшего главу Центральной рады М. Грушевского, вернулись из эмиграции и на протяжении 1920-х гг. во многом задавали тон в формировании культурной политики, влияли на работу системы научного знания и образования в Украинской ССР.

Видные деятели националистического движения левого толка, ранее состоявшие в

рядах Украинской социал-демократической рабочей партии, Украинской партии социалистов-революционеров, Украинской коммунистической партии (которую не следует путать с изначально проленинской КП(б)У), были инкорпорированы в советскую общественно-политическую систему. Акцентируется, что в её рядах они не столько строили социализм, сколько пытались использовать ресурсы Советского Союза для поддержки украинского национального движения на территориях тогдашних Польши, Румынии и Чехословакии [7, С. 77]. Отметим, что сущность национализма подобного рода определяется в постепенной подготовке к сецессии от России с одновременным поиском покровителей из числа зарубежных государств. Как показывает приведённый пример, ради замыслов создания так называемой соборной Украины приверженцы рассматриваемой доктрины могли избирать и обратную стратегию – выказывали готовность ситуативного сотрудничества с целью эксплуатации потенциала «Большой России» в угоду своим конъюнктурным интересам, причём одновременно пребывая в ожидании международных кризисов для перехода к спланированным политическим действиям и военным акциям.

В отличие от этнополитических радикалов, однозначно трактующих пребывание Малороссии в составе Российской империи и СССР как якобы «колониальный период», политические националисты склонны к спекуляциям на темы выдающейся, просветительской роли украинцев (или произвольно причисляемых к таковым) в становлении общей государственности в XVIII – XX столетиях.

Неонацизм как системный фактор общественно-политических отношений постсоветской Украины проявил себя только в наши дни, преимущественно после 2014 года. Его

социальной базой являются юго-восточные области, ранее традиционно тяготеющие к России. Слобожанщина и западная (оставшаяся по итогам Минских соглашений за киевскими властями) часть Донбасса были использованы региональным олигархатом для выдвижения собственной версии ультранационализма. Его отличает ставка на «белый расизм» и сектантское неоязычество. Эта версия политического радикализма является своеобразной попыткой идеологической конкуренции с галицийскими этнократами, не воспринимающими русское население Юго-Востока в качестве «полноценных украинцев». Особенность неонацистской версии национализма состоит в её откровенно маргинальном характере и недостатке интеллектуального ресурса, ввиду чего собственного видения украинской исторической традиции в её рамках не зафиксировано, если не считать использования культа князя Святослава Игоревича в целях пропаганды принадлежности к так называемой арийской нации.

Из рассмотренных вариаций националистической идеологии очевидной ориентацией на доктрину украинской «казацкой державы» отличается в первую очередь политический национализм. В его тезисах оправдывается существование автономных проукраинских субъектов в системе государственной власти и военной организации Российского государства/Российской империи. Обладая определённой самостоятельностью, такие структуры могли бы быть использованы для сохранения и воспроизводства националистических и сепаратистских проявлений в латентной форме. В первую очередь политическая версия украинского национализма связывается с периодом существования Гетманщины XVII – XVIII столетий. Разумеется, для указанного времени не может быть признано существо-

вание националистической идеологии в полном смысле рассматриваемого феномена. Политические нации в данный период ещё не сложились и в более развитых, нежели аграрные окраины тогдашних Речи Посполитой или Московского царства, странах Европы. Однако опыт политического лавирования реестровых и запорожских казаков, которые руководствовались прежде всего своими корпоративными интересами, в исторических трудах и политических памфлетах XIX – XX веков стал преподноситься как национально-освободительное движение украинского народа.

Отметим, что все перечисленные вариации украинского национализма отличает наличие отчётливой милитаристской составляющей [3, С. 86]. В официальной исторической доктрине Киева претензии на самобытную государственность строились на способности обладания собственной вооруженной силой. Во время пребывания в составе Российского государства и Российской империи в качестве таковой выступали различные формирования казачества – реестрового, вольного запорожского, слободского. В период временной суверенности 1918–1920 годов предпринимались попытки создания вооружённых сил Центральной рады, Западно-Украинской народной республики (ЗУНР), вассального прогерманского гетмана и директории. В ходе повстанческо-террористической деятельности националистов 1930–1950-х годов формирования мятежников камуфлировались под некие подобию регулярных военных институтов, преподносившиеся в целях пропаганды как «военные округа» и «бригады».

Таким образом, неоднократно случалось, что вооружённые формирования из украинцев/малороссиян под лозунгами самостоятельности появлялись под юрисдикцией зарубежных государств или феодальных правителей.

Именно подобным образом обстояло дело при многочисленных переходах верхушки реестрового казачества и запорожцев на сторону Речи Посполитой, Турции, Швеции в Средние века и в эпоху Нового времени.

МИСТИФИКАЦИИ ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Вольные общины днепровских казаков проявляли геополитические и династические колебания с самого начала своего возникновения в последней четверти XV столетия. Напомним, что воспеваемые в поздней украинской мифологии вожди степной вольницы – каневский староста Евстафий Дашкович и князь Дмитрий Вишневецкий – с регулярным постоянством меняли своих феодальных сюзеренов. Так, Дашкович, будучи наместником великого князя Литовского в Кричеве, в 1504 году перешёл на службу к российскому государю Ивану III. Однако спустя четыре года он вновь возвращается на литовскую службу, установив собственные отношения с ватагами казаков-черкас в Приднепровье, во главе которых и принял участие в опустошительном набеге на Москву и Рязань в 1521 году, причём уже не под рукой своего непосредственного верховного сеньора – великого князя Литвы и Руси, а крымского хана Мехмед Гирея.

Аналогичная политика отличала князя Дмитрия Вишневецкого, которого историография достаточно произвольно трактует как основателя Запорожской Сечи и уже с достаточными основаниями – как основоположника воинской традиции днепровского казачества в целом [9, С. 24]. В середине XVI столетия с переменным успехом он пребывал на службе и у великого князя Литовского, и у валашского господаря, и у русского царя. Известно также о пребывании Вишневецкого под покровитель-

ством наместников османского султана в Очакове, что могло подразумевать и намерения в смене вероисповедания [5, С. 103].

Попытки приписать действиям литовско-русских феодалов, каковыми оставались Е. Дашкович, Д. Вишневецкий и иные, менее известные военные предводители той эпохи, проявления некоей «казачьей» государственности уже в работах советского времени обособленно опровергались и трактовались как безусловный исторический анахронизм [3, С. 45]. Не вызывает сомнения, что вся деятельность вождей степной вольницы строилась на мотивации служилого воинского сословия, куда более древнего, нежели только зарождавшееся днепровское казачество. Для аристократической среды и для мелкой шляхты вполне допускалась смена верховного сюзерена. Право на «феодальный отъезд» признавалось легитимным, если о переходе на службу другому владельцу вассал заблаговременно уведомлял своего нынешнего верховного патрона. На практике, разумеется, подобное условие соблюдалось далеко не всегда.

Не вызывает сомнения, что казацкие контингенты были неперемными участниками всех военных предприятий на просторах Дикого поля, однако играя до поры до времени в этих событиях очевидную вспомогательную роль: главная партия в освоении степного приграничья («окраин-украин») принадлежала военным организациям сопредельных монархий и феодальных владений. На стороне последних пребывало обладание постоянным административным аппаратом, податным населением и фискальной системой.

Только будучи включённой в вооружённые силы Речи Посполитой в последней четверти XVI века, казацкая верхушка приобрела нормативный и материальный фундамент для арти-

куляции своих сословных интересов. Особую роль играло распоряжение старшиной экономически освоенными территориальными владениями в Приднепровье, на которых располагались принятые на королевскую, а затем и на царскую службу реестровые полки. В последующем такая стратегия – маневры и колебания между ведущими центрами силы в Восточной Европе – оставалась стержневым элементом политики и реестрового казачества, и запорожских сечевиков. Особенно ярко отмеченный фактор проявился в переломную историческую эпоху – во второй половине XVII – начале XVIII века. Общим местом в исторических работах является признание перманентных переходов гетманов и кошевых атаманов в подданство очередных претендентов на гегемонию на просторах Евразии. Причем попытки выступать в качестве самостоятельной военно-политической силы неизменно оборачивались тяжёлыми поражениями и превращением мятежных предводителей в вассалов наиболее влиятельных сопредельных государей. Как доказал опыт деятельности таких ярких фигур, как Б. Хмельницкий, П. Дорошенко или И. Брюховецкий, не будучи надёжно встроен в систему вассально-сеньориальных отношений, прежде всего, с российским самодержцем, самый предприимчивый вождь казачества оказывался обречён на политическую катастрофу.

В своих перманентных миграциях между влиятельными центрами силы реестровые полковники и запорожские атаманы, несомненно, ориентировались сразу на несколько существовавших к тому времени традиций. Во-первых, примером служили деяния родовой аристократии и мелкопоместного дворянства стран христианской Европы, обладавших возможностью произвольно менять своих прямых покровителей. Во-вторых, такая же

практика имела и в отношении Москвы, Вильно и Кракова со «служилыми татарами» – наиболее близкими по образу жизни современниками казачьих «кошей». В-третьих, постоянная смена работодателей была и остаётся обычной для различных маргинальных воинских формирований, наёмников и кондотьеров, в каком-то качестве выступали и предшественники казаков – берладники, бродники, «дикие половцы», и они сами, когда подражались на рискованные заработки в период той же Тридцатилетней войны наряду с искателями приключений со всей Европы.

Во времена польско-литовского владычества сохраняется отчётливо выраженное представление о жителях обоих берегов Днепра как о русских и православных людях. Об этом говорят и наименование этого ареала как «Руси» в официальной польской документации и в беллетристике, и выдвинутый гетманом-ренегатом И. Выговским в 1658 году неудавшийся проект создания «княжества Русского» как нового, третьего субъекта Речи Посполитой. Текст присяги, оглашенной царю Алексею Михайловичу на Переяславской раде 1654 года, также свидетельствует о том, что приносилась она не малороссийским или украинским народом, а именно различными чинами военно-служилой корпорации. Территории, вошедшие вслед за этим в состав Российского государства, официально именовались Войском Запорожским (Запорожская Сечь – Войско Запорожское Низовое), наряду с чем также использовались наименования «Гетманщина» или «Малороссия». При этом к юрисдикции гетманов последних никогда не относилась заселённая казаками-черкасами российская Слободская Украина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По прошествии нескольких десятилетий в

казачьей старшине начинает крепнуть убеждение в необходимости последовательной сепарации по отношению к российской государственности и к русской политической нации. Но, с другой стороны, к первой четверти XVIII столетия в среде казачества равным образом отсутствует готовность и признания себя в качестве неотъемлемой части малороссов-украинцев. Идеиная позиция этой социальной группы была подробно изложена в так называемой Конституции Филиппа Орлика, составленной во времена пребывания изменников-запорожцев в турецких Бендерах в 1710 году. В тексте документа казачество впервые провозглашается отдельным этносом, причём соотносимым не с великороссами, не с украинцами, а с потомками кочевников – хазар времён раннего Средневековья. В этом усматривается прямое подражание сословному обособлению польской шляхты, для оправдания притязаний на господство над соотечественниками провозгласившей широко известную «сарматскую теорию».

Подводя итог, отметим, что попытки представить деятельность различных корпораций казачества степного Юго-Запада XV – XVIII веков в качестве государствообразующей политики не имеют под собой обоснованной аргументации. Политический процесс позднего Средневековья предопределялся в первую очередь династической, религиозной и сословной детерминантами, ввиду чего казачья верхушка что в России, что в Речи Посполитой шла путём не этнического самоопределения, а сословно-корпоративной идентификации. До начала Северной войны не имеется внятных свидетельств о восприятии себя казаками (как старшиной, так и «голотой») в качестве некоего древнего народа. Только столкнувшись с необходимостью защиты своих узкосословных интересов в условиях жёст-

кой централизации Российского государства, эта социальная группа обратилась к помощи этнического фактора для продвижения собственных корпоративных интересов.

Библиография / References:

1. Вишлев О.В. «Бастион Европы»: к вопросу об идеологии и программных целях украинского национализма // *Международная жизнь*. – 2020. – № 2. – С. 96–115.
2. Головки А.Б. Славяне Восточной Европы и крестовые походы (XI – первая половина XIII века) // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы* (отв. ред. Дворниченко А.Ю., Майоров А.В.). – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 314–330.
3. Голубуцкий В.А. Запорожское казачество. – Киев: Политическая литература, 1957. – 464 с.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей: в 3-х кн. Кн. 2. – М.: Олма-пресс, 2003. – 638 с.
5. Кузнецов О.Ю. Рыцарь Дикого поля. Князь Д.И. Вишневецкий: монография. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. – 224 с.
6. Ланцов С.А. Украинский национализм как дестабилизирующий фактор на евразийском пространстве: некоторые аспекты генезиса // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. – 2014. – № 15. – С. 124–131.
7. Мозохин О.Б. Неотправленное письмо академика М.С. Грушевского И.В. Сталину // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. – 2019. – № 2 (17). – С. 70–88.
8. Цыбаков Д.Л. Гражданский милитаризм и его проявления в современном политическом процессе // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2009. – № 1. – С. 86–91.

9. Яворницький Д.И. История запорожских казаков: в 3-х кн. Кн. 2. – Киев: Наукова думка, 1992. – 392 с.
1. Vishlev O.V. (2020) «Bastion Yevropy»: k voprosu ob ideologii i programmnykh tselyakh ukrainskogo natsionalizma [«Bastion of Europe»: to the question of the ideology and program goals of Ukrainian nationalism] // Mezhdunarodnaya zhizn'. – №2. – S.96–115. (In Russ.).
2. Golovko A.B. (2006) Slavyane Vostochnoy Yevropy i krestovyye pokhody (XI – pervaya polovina XIII veka) [Slavs of Eastern Europe and the Crusades (XI - the first half of the XIII century)] // Rossica Antiqua: Issledovaniya i materialy (otv. red. Dvornichenko A.YU., Mayorov A.V.). – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. – S.314–330. (In Russ.).
3. Golubutskiy V.A. (1957) Zaporozhskoye kazachestvo [Zaporozhye Cossacks]. – Kiev: Gosizdatel'stvo Politicheskaya literatura. – 464s. (In Russ.).
4. Kostomarov N.I. (2003) Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh yeye glavneyshikh deyateley [Russian history in the biographies of its main figures]: V 3-kh kn. – M.: Olma-press. Kn. 2. – 638s. (In Russ.).
5. Kuznetsov. O.Yu. (2013) Rytsar' Dikogo polya. Knyaz' D.I. Vishnevetskiy [Knight of the Wild Field. Prince D.I. Vishnevetsky]: monografiya. – M.: FLINTA; Nauka. – 224s. (In Russ.).
6. Lantsov S.A. (2014) Ukrainskiy natsionalizm kak destabiliziruyushchiy faktor na yevraziyskom prostranstve: nekotoryye aspekty genezisa [Ukrainian nationalism as a destabilizing factor in the Eurasian space: some aspects of the genesis] // Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. – № 15. – S.124–131. (In Russ.).
7. Mozokhin O.B. (2019) Neotpravlennoye pis'mo akademika M.S. Grushevskogo I.V. Stalinu [Unsent letter from Academician M.S. Grushevsky I.V. Stalin] // Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy. – №2(17). – S.70–88. (In Russ.).
8. Tsybakov D.L. (2009) Grazhdanskiy militarizm i yego proyavleniya v sovremennom politicheskom protsesse [Civil militarism and its manifestations in the modern political process] // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki. – №1. – S.86–91. (In Russ.).
9. Yavornitskiy D.I. (1992) Istoriya zaporozhskikh Kazakov [History of the Zaporizhian Cossacks]: V 3-kh kn. Kn. 2. – Kiev: Naukova dumka. – 392s. (In Russ.).

УДК 327(569.4:569.1(091)'

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-1-107-124

ХАЗАНОВ Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Россия, Москва), e-mail: khazanov@wisc.edu, AuthorID: 71354

ГАСРАТЯН Светлана Манвеловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия, Москва), e-mail: gasratyan_svetlana@mail.ru, AuthorID: 612162

KHAZANOV A.M., Doctor of Historical Sciences, professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Chief Scientific Officer of The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Yaroslavl State University P.G. Demidov (Russian Federation, Moscow), e-mail: khazanov@wisc.edu, AuthorID: 71354

GASRATYAN S.M., Candidate of Historical Sciences, Scientific Officer of The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: gasratyan_svetlana@mail.ru, AuthorID: 612162

ОТНОШЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И СИРИИ В 1948–1967 ГГ.

ISRAEL - SYRIA RELATIONS IN 1948–1967

Аннотация. Основная цель статьи заключается в анализе исторических источников, рассматривающих особенности взаимоотношений Израиля и Сирии в период 1948–1967 гг. Авторы исследуют события, способствовавшие государственному перевороту в Сирии в 1949 году, и его последствия для взаимоотношений этой страны с Израилем. Всего за период с 1949 по 1953 г. в Сирии произошло четыре военных переворота, сменилось 21 правительство. В этих условиях шли мирные переговоры между Сирией и Израилем. В статье исследователи акцентируют внимание на экономической помощи со стороны СССР арабским странам. Авторы делают вывод о том, что режим перемирия между Израилем и Сирией просуществовал до Шестидневной войны 1967 года, но ещё раньше, на рубеже 1954–1955 гг., он уже достиг точки невозврата.

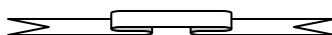
Ключевые слова: Сирия, Израиль, арабо-израильские войны, Бен-Гурион, Объединенная Арабская Республика.

Abstract. The main purpose of the article is to analyze historical sources that consider the peculiarities of Israel – Syria relations in the period 1948–1967.

The authors investigate the events that contributed to the insurrection in Syria in 1949 and its consequences for the relations of this country with Israel. In total for the period from 1949–1953. In total, four military insurrections took place in Syria between 1949 and 1953, and 21 governments were replaced. Under these conditions, peace talks were held between Syria and Israel. The researchers focus on economic assistance from the USSR to Arab countries.

As a result, the authors come to conclusion that the truce regime between Israel and Syria lasted until the Six-Day War of 1967, but even earlier, at the turn of 1954–1955, it had already reached the point of no return.

Keywords: Syria, Israel, Arab-Israeli wars, Ben Gurion, United Arab Republic.

ВВЕДЕНИЕ

Социальной опорой пришедшего к власти после провозглашения независимости Сирии «Национального блока» (впоследствии «Национального патриотического союза») являлись крупные землевладельцы и торговцы, преимущественно суннитского происхождения [2, С. 13]. Одновременно в Сирии нарастала популярность, особенно среди интеллигенции, офицества и организованных в профсоюзы трудящихся и крестьянства, левонационалистических идей. Серьезные позиции занимала и коммунистическая партия. Исламистские идеи тоже занимали свое место в политическом ландшафте Сирии. Однако их политическая консолидация началась в 1950-е годы под воздействием растущей популярности. В первую очередь среди городской мелкой буржуазии «Братьев-мусульман», чье сирийское отделение возникло еще два десятилетия назад. Активная политическая борьба, предпосылкой к которой были политические, экономические и межконфессиональные противоречия, а также борьба иностранных держав (в первую очередь США, Великобритании и арабских стран, а с середины 1950-х годов и СССР) за влияние в стране стали причинами длительного периода политической нестабильности, наступившего в послевоенной Сирии. Уже в 1947 году в ответ на призывы к изменению избирательного закона и проведению аграрной реформы президент Куатли ввел чрезвычайное положение и запретил Арабскую социалистическую партию, которая вела эту агитацию. В 1948–1949 годах сирийские войска численностью около бригады участвовали в первой арабо-израильской войне и потерпели, как и другие арабские армии, поражение. Это было использовано оппозицией, в том числе будущим основателем Партии арабского социалистического возрождения (Баас) Мишелем Афляком.

ВРЕМЯ ПЕРЕВОРОТОВ И ВЫБОРА ОРИЕНТАЦИИ (1946–1963 ГОДЫ)

30 марта 1949 года в Сирии произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришел начальник Генерального штаба полковник Хасни аль-Заим, 50-летний курд. Этот переворот был в основном делом рук ЦРУ [Подробнее см.: 3, С. 37–42]. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что американские разведчики Стефан Мейд и Майлз Коупленд постоянно встречались с Заимом на протяжении нескольких недель накануне переворота. Есть также убедительные свидетельства непосредственного американского участия в его подготовке.

Ещё убедительнее подтверждаются документами обширные контакты Мейда и других агентов ЦРУ с Заимом после переворота, когда Мейд и британские агенты спецслужб (полковник Гордон Фокс и другие) соперничали в борьбе за влияние на Заима. Ещё до переворота, в середине марта 1949 года, Заим сообщил им, что составил «расстрельные списки» коммунистов, включавшие восемь сирийских чиновников [3, С. 42].

Придя к власти, тщеславный, напыщенный и абсолютно беспринципный Хасни аль-Заим установил жестокий режим личной диктатуры. По его приказу были арестованы около 400 коммунистов. Он просил Мейда помочь ему идентифицировать «советских агентов», пообещав расправиться с ними «немедленно и круто» [3, С. 42].

Желая заручиться поддержкой США, Заим предложил заключить политическое соглашение с Израилем. Во время переговоров о перемирии в апреле 1949 года Заим неожиданно предложил израильскому премьер-министру Д. Бен-Гуриону встретиться и подписать вместо соглашения о перемирии полномасштабный мирный договор, включающий открытие гра-

ниц, обмен послами и экономическое и военное сотрудничество [10, Р. 20]. По этому договору Сирия должна была принять 250–300 тыс. палестинских беженцев, а Израиль должен был уступить Сирии половину Тивериадского озера.

Однако Д. Бен-Гурион отказался встречаться с Заимом до тех пор, пока Сирия не пообещает уйти с тех территорий, которые она оккупировала в войне 1948 года, и не вернется к международно признанным границам [19, Р. 68]. В результате никакой мирный договор между Сирией и Израилем не был заключен, а было подписано соглашение о перемирии 20 июля 1949 года.

Заим был свергнут полковником Сами Хиннави, который, в свою очередь, был свергнут ближайшим соратником Заима – командующим танковыми войсками Адибом аль-Шишekli, ставшим президентом Сирии в 1951 году.

Шишekli, который удерживался у власти в Сирии до февраля 1954 года, также предложил в начале 1952 года подписать невоенное мирное соглашение с Израилем, рассматривая его как способ улучшить отношения с США [15, Р. 5]. Шишekli тоже готов был принять около полумиллиона палестинских беженцев, но, как и Заим, настаивал на том, что Израиль должен уступить Сирии половину Тивериадского озера и другие мелкие районы.

Тем не менее, Д. Бен-Гурион снова отказался делать территориальные уступки Сирии в обмен на полномасштабный мирный договор. Поэтому юридической базой отношений Сирии и Израиля осталось соглашение о перемирии от 20 июля 1949 г. Но поскольку это соглашение содержало ряд противоречащих друг другу пунктов, оно не могло предотвратить споры и насильственные акции, периодически происходившие в 50-е гг. вдоль линии перемирия,

кульминаровавшие в конечном счете в виде войны 1967 года.

Каковы были мотивы Ген-Гуриона, отвергшего мирное предложение Заима, как и его предложение встретиться с ним лично? Бен-Гурион, возможно, знал о плохой репутации Заима как беспринципного авантюриста, коррупционера, эмоционально неустойчивого и чрезвычайно вспыльчивого человека [19, Р. 69, 79], и он сомневался, что Заим реально представляет Сирию.

Другая причина отказа Бен-Гуриона встретиться с Заимом состояла в том, что Госдеп США возражал против такой встречи, так как считал, что сирийско-израильские переговоры должны вестись только в рамках Лозаннской мирной конференции (1949 год). Самая важная причина отказа Бен-Гуриона встретиться с Заимом состояла в том, что территориальные уступки, которые требовал Заим от Израиля, были слишком высокой ценой за мирный договор. Заим требовал, чтобы Израиль отдал Сирии стратегически важные районы Тивериадского озера и долины Хула. По этому поводу Бен-Гурион сказал одному американскому журналисту: «Хотя я готов встать среди ночи и подписать мирный договор, я не спешу и готов ждать 10 лет. На нас никто не давит, никто не заставляет это сделать» [19, Р. 77].

Отказ Бен-Гуриона от предложения Заима привел некоторых израильских историков к заключению, что в 1949 году Израиль упустил исторический шанс заключить мир с Сирией. В частности, доктор Шлаим критиковал Бен-Гуриона за «близорукую политику», которая «исходила из того, что время работает на Израиль и что Израиль вполне может обходиться без мирных договоров с арабскими государствами и без решения вопроса о палестинских беженцах» [19, Р. 78–79].

Действительно, после войны 1948 года Бен-

Гурион испытывал эйфорию. 12 апреля 1949 года он заявил, выступая в МИДе: «Чтобы арабы пошли на заключение мира, необходимо, чтобы они почувствовали, что мы сильны. Это заставит их установить с нами мирные отношения» [12, Р. 141].

Новая волна недовольства в Сирии поднялась в связи с тем, что правительство Х. аль-Заима заявило о согласии начать переговоры о перемирии с Израилем¹. Сообщения об этом, а также о выводе сирийских войск из Палестины привели к дальнейшему обострению политической обстановки. По всей стране прошли бурные антиимпериалистические демонстрации. Против них были направлены воинские соединения. Многие прогрессивные политические деятели были арестованы и отправлены в тюрьмы. Демонстрации не прекращались в течение двух месяцев, и правительство так и не смогло ратифицировать соглашения [1, С. 91]. В связи с выявлением злоупотреблений, имевших место в министерстве обороны, распространились слухи о коррупции и взяточничестве в правительственных кругах. Начатые расследования были восприняты военным командованием как попытка обвинить армию в поражении в войне с Израилем. Недовольство усилилось и тем, что при обсуждении бюджета правительство, ссылаясь на проводимую им политику сокращения общественных расходов, предложило ограничить жалование офицерскому составу армии, демобилизовать несколько тысяч офицеров и солдат и приостановить назначения на новые должности [1, С. 92].

В то же время нарастало недовольство явно наметившейся тенденцией к усилению вли-

яния военных в политической жизни страны. Правительство отклонило выдвинутое армией требование поставить под ее контроль силы безопасности. Не желая, однако, вызывать дальнейшее обострение ситуации, оно не решилось вынести на обсуждение парламента требование гражданских политических кругов об отмене чрезвычайного положения, введенного Х. аз-Заимом, что расценивалось ими как прямое вмешательство армии в политическую жизнь. Х. аз-Заим заявил, что армия не потерпит подобных нападок на себя. Более того, армейские офицеры считали именно гражданское руководство прямым виновником поражения в войне.

В этих условиях за период с 1949 по 1953 год в Сирии произошло четыре военных переворота, сменилось 21 правительство. Все они были сформированы офицерами старшего поколения сирийской армии, выходцами в основном из семей зажиточных предпринимателей и землевладельцев [1, С. 93].

После нового военного переворота еще более обострилась борьба между двумя противоборствующими группировками – военной группировкой А. Шишкли и поддерживающими ее политическими кругами в лице «независимых» и части Национальной партии, выступавшей за сближение Сирии с Египтом и Саудовской Аравией, с одной стороны, и Народной партией и ее сторонниками, продолжавшими требовать объединения с Ираком – с другой. Борьба эта в течение двух лет после первого военного переворота, возглавленного А. Шишкли, приводила к непрерывным правительственным кризисам. За период с 19 декабря 1949 года, когда был осуществлен первый переворот А. Шишкли, до 29 ноября 1951 года, когда АП. Шишкли установил режим личной диктатуры, то есть менее чем за два года, в Сирии сменилось шесть правительств, хотя в их состав входили

¹ Тайная война Израиля для достижения Сирией независимости. 13.06.2018 (на иврите) – <https://www.haharetz.co.il/magazine/premium-VFGFZINE-1.6174439>.

представители всех партий и организаций, а также «независимые» политические деятели.

Однако всё более отчетливо утверждающаяся политика сближения А. Шишекли с западными странами, и в особенности с США, вызвала резкое ее неприятие сторонниками Народной партии и в целом рост антиимпериалистического движения в стране [1, С. 96].

К началу сентября 1953 года было объявлено о предстоящих выборах в парламент, а также издан декрет о восстановлении запрещенных ранее политических партий и общественных организаций. В ноябре 1953 года в Дамаске была организована встреча 143 видных деятелей страны, представлявших различные партии и выступавших против диктаторского режима. Ими было опубликовано воззвание, в котором участники встречи призывали к возобновлению парламентской жизни в стране и указывали на необходимость создания национального оппозиционного фронта.

К концу 1953 года в Сирии развернулись широкие антиправительственные демонстрации. 25 февраля 1954 года волны протеста прошли почти во всех воинских частях. В результате режим А. Шишекли был свергнут. Переворот 1954 года коренным образом отличался от предыдущих военных переворотов, когда одна правящая группировка национальной торгово-промышленной буржуазии и крупных землевладельцев сменялась другой. Диктаторский режим А. Шишекли потерпел крах в результате широкого народного движения, в котором принимали участие практически все политические силы страны [1, С. 99].

В ноябре 1956 года к границам Сирии были вновь подтянуты израильские и турецкие войска, увеличилось число пограничных инцидентов. Одновременно в печати западных стран началась активная провокационная кампания против Сирии. В ряде газет и журналов появи-

лись сообщения о «советизации» Сирии, о «широких поставках советского вооружения в страну», об «угрозе» с сирийской стороны Турции, Израилю и Ираку.

23 ноября 1956 года был раскрыт антиправительственный заговор в Джебель-Друзе, где органы безопасности захватили крупную партию оружия и военного снаряжения, тайно переправленного из Ирака в Сирию. В организации заговора был замешан ряд членов Народной и Национальной партии, в их числе известные политические деятели Аднан аль-Атаси, Михаил Ильян, Хасан аль-Атраш, некоторые шейхи племен, члены запрещенной СНСП и А. Шашекли. По словам А. аль-Атаси, план заговора был одобрен США.

В связи с этим правительство С. аль-Асали вскоре было реорганизовано. В состав нового кабинета не были включены представители Народной партии. Ряд депутатов парламента от Народной партии, Социалистической кооперативной партии, а также из числа «независимых» покинули страну. 41 политический лидер, а также некоторые члены запрещенной СНСП были преданы военному суду [1, С. 112].

В ноябре – декабре 1956 года был образован Национальный фронт, объединивший левых представителей Национальной партии, Народный социалистический блок в Хомсе, ПАСВ, СКП и видных представителей «независимых», таких как Х. аль-Азм и др. Вне объединения оставалась Народная партия. Программа Национального фронта предусматривала борьбу в защиту суверенитета и независимости Сирии, решительное сопротивление всем попыткам втянуть страну в создаваемые на Ближнем и Среднем Востоке империалистические блоки и союзы.

Развитие событий в регионе поставило под угрозу интересы крупнейших нефтяных монополий. В этих условиях США, давно стремив-

шиеся вытеснить с Ближнего и Среднего Востока Великобританию и Францию, активизировали свою деятельность. 5 января 1957 года президент Дуайт Эйзенхауэр выдвинул «доктрину Эйзенхауэра», предусматривавшую оказание помощи ряду режимов в этом регионе.

После 1954 года отношения между Сирией и Израилем становились всё более враждебными. Причинами этого были внутренняя нестабильность в Сирии, идеологическая и политическая радикализация сирийского режима, растущий страх перед израильской военной акцией, а также приобретение Сирией новых союзников – Советского Союза и Египта.

Заключённое в сентябре 1955 года соглашение между Египтом и Чехословакией о закупке большого количества оружия в обмен на хлопок и рис позволило Египту сломить монополию западных держав на поставку оружия странам Ближнего Востока. По данным израильской разведки, Египет закупил 300 средних и тяжелых танков, 200 истребителей МиГ-15, 50 бомбардировщиков «Ильюшин», много транспортных самолетов, радарные установки, два эсминеца, четыре миноискателя, 12 торпедных катеров, различные запчасти и боеприпасы [7, Р. 179–180].

В свою очередь, враждебное отношение Сирии к Израилю, ее просоветская и проегипетская ориентация, наряду с растущей ответственностью Египта, углубили в Израиле ощущение «осажденной крепости» и страха и способствовали усилению позиций «ястребов», что привело к серьезным военным операциям против Сирии и Египта. По мере того, как периодически вспыхивали вооруженные стычки между Израилем и Сирией, их взаимный антагонизм всё больше возрастал. В феврале 1955 года премьер-министр Сирии Сабри аль-Асали заявил: «Наш враг номер один – это преступный сионистский режим... Узурпированная им часть

Палестины – это неотъемлемая часть арабской родины, и поэтому сирийское правительство отвергает даже самую мысль о мире» [21, Р. 278, 280].

Подобные заявления делались и другими радикальными сирийскими политиками, например министром иностранных дел Халидалом Азмом и даже лидером компартии Халедом Багдашем.

1955 год ознаменовал решающий поворот в конфликте между Израилем, с одной стороны, и Сирией и Египтом – с другой.

Помимо ряда других факторов, этот поворот обусловило доминирование в израильском истеблишменте «ястребиного» подхода Бен-Гуриона, взявшего верх над умеренным дипломатическим «голубиным» подходом министра иностранных дел Моше Шаретта к арабским государствам.

Моше Даян в своей автобиографии характеризует стиль Бен-Гуриона следующими терминами: «решительность, активность, лидерство, концентрация на главном вопросе, смелое осуществление своего решения, даже если это связано с многими рисками и трудностями» [7, Р. 208].

Биограф Бен-Гуриона Бар-Зохар характеризует его решительность как пессимистическую, а его решения – как оптимистические [5, Р. 1251–1252]. Шамон Перес подчеркивал, что для Бен-Гуриона были характерны «реализм в сочетании с сильной, бесстрашной решимостью принять на себя ответственность» [8, Р. 308].

Оба лидера – и Бен-Гурион, и Шаретт – постоянно заявляли о своем желании заключить мир с арабскими государствами на основе соглашения о перемирии 1949 года. Но, в то время как Шаретт считал, что первый приоритет Израиля – использование дипломатии, Бен-Гурион отодвигал ее на второй план, а на пер-

вое место ставил продолжение использования силы против арабов [17, Р. 36–37].

Говоря об отношении Бен-Гуриона к арабам, его биограф Бар-Зохар пишет: «Бен-Гурион всю свою жизнь оставался чужд к арабам. Он не знал их хорошо, не понимал и не любил их. Он не говорил на их языке, не интересовался их обычаями и не ассоциировал себя с ними. Постепенно он пришел к мысли, что арабы не заключат мир с Израилем в наше время. Он был убежден, что арабы хотят уничтожить Израиль... Признание или непризнание ими Израиля никак не зависит от поведения Израиля» [5, Р. 968].

В отличие от Бен-Гуриона, М. Шаретт хорошо знал арабскую историю, культуру и политику и был гораздо ближе к арабам.

Как писал Бар-Зохар, «отношение Моше Шаретта к арабам было гораздо более благоприятным... Он подчеркивал, что они человеческие существа, а не только враги... Он верил в способность Израиля смягчить враждебность арабов примирительной политикой» [5, Р. 968].

Позиция Шаретта как министра иностранных дел имела поддержку в правительстве. Так, член кабинета Голда Меир позже писала: «Шаретт думал, что лучший способ противостоять проникновению арабов через границы – это нажим на супердержавы... Он был уверен, что хорошо написанные протесты в ООН... приведут к успеху... Но Бен-Гурион думал, что его ответственностью были в первую очередь израильские граждане, подвергающиеся арабским атакам, а не обращение к западным политикам... Другое важное для Бен-Гуриона сообщение заключалось в том, что необходимо учить граждан Израиля – смесь народов, языков и культур – что правительство и только оно ответственно за их безопасность» [11, Р. 208].

Позже, в отличие от «голубиной» позиции

Шаретта, Бен-Гурион и его последователи, в частности начальник Генштаба М. Даян, одобрили, особенно после 1953 года, тактику военных акций и жестких быстрых ответов на акции арабов, пересекавших линии перемирия с территории Иордании, Сирии и Газы, чтобы проводить акты саботажа, убийств и шпионажа внутри Израиля.

Смысл этих жестких репрессий, проводившихся в большом масштабе под динамичным руководством М. Даяна, состоял не только в том, чтобы посеять чувство доверия у израильтян, но и в том, чтобы заставить арабские правительства запретить инфильтрацию феодалов с их территории в Израиль и, может быть, даже создать такую ситуацию, которая заставит арабские государства отказаться от открытой битвы с Израилем [13, Р. 30].

Среди «операций возмездия», осуществленных ЦАХАЛом, выделялась атака в октябре 1953 года на селение Кибиа на Западном берегу Иордана, которой руководил майор Ариэль Шарон. Эта атака, в ходе которой были убиты около 50 жителей-палестинцев, вызвала ответную реакцию в виде убийства женщины-израильтянки и двух детей¹.

Главной озабоченностью Бен-Гуриона в этой ситуации была угроза, исходившая не столько от Иордании или Сирии, которые были еще слабыми, сколько от Египта. Египет был самым большим арабским государством (тогда говорили: «Сирия – сердце арабского мира, а Египет – его голова»), управляемым революционным, но стабильным режимом и сильным харизматическим лидером Г. А. Насером, который упрямо пытался объединить под своим руководством арабский мир против Израиля. Как сказал Бен-Гурион в середине 1954 г. одному своему помощнику, «...если змея лежит у

¹ The Times. 25.11.1954.

ваших ног, а муха беспокоит голову, что вы будете делать? Муха более надоедлива, но менее опасна. Это Иордания. Ясно, что вы должны ударить по змее. Это Египет» [10, Р. 47].

Бен-Гурион был убежден, что Египет намерен отбросить Израиль к линии раздела Палестины, определенной ООН 29 ноября 1947 года, оторвать от него Негев и уничтожить Израиль в ходе общееарабской войны.

Поэтому Бен-Гурион, в отличие от Шаретта, считал необходимым запугать Насера и удерживать его от нападения на Израиль. Для этого он приказал проводить «акции возмездия».

Так, 28 февраля 1955 г. ЦАХАЛ провел крупномасштабную атаку на египетский военный лагерь в Газе, убив около 40 египетских солдат. Официально Израиль заявил, что эта операция была предпринята в ответ на акты терроризма, шпионаж и убийства, совершаемые проникающими из Газы египетскими солдатами.

Любопытно, что накануне этой израильской атаки новый израильский премьер-министр Моше Шаретт начал секретные переговоры с Египтом, имевшие целью расчистить путь к взаимопониманию между двумя странами. Но этот рейд в Газу, инициированный Бен-Гурионом вскоре после того, как он получил пост министра обороны в феврале 1955 года, содействовал, наряду с другими факторами, прекращению этих переговоров [10, Р. 48].

Кроме того, что он разозлил Насера, этот рейд, как вспоминал М. Шаретт, «еще больше ухудшил ситуацию и привел, как часто повторял Насер, к сдвигу в приоритетах Египта – к большей и более агрессивной вовлеченности в арабо-израильский конфликт» [16, Р. 1316].

Помимо того, что рейд в Газу 28 февраля 1955 года подтолкнул Насера всячески способствовать активности феодалов против Израиля,

он также ускорил его решение приобрести новое оружие, и в сентябре 1955 года он заключил сделку о покупке оружия с Прагой.

Воспользовавшись израильской угрозой, Насер в октябре 1955 года заключил военный союз с Сирией, утвердив свое панарабское лидерство визави Израиля и помешав усилиям Ирака вовлечь Сирию в Багдадский пакт [20, Р. 167–168]. В октябре 1956 года Иордания присоединилась к египетско-сирийскому альянсу, имевшему целью создать единый арабский фронт против Израиля.

Эти события привели Бен-Гуриона и Даяна к заключению, что Насер (а также Сирия и Иордания) готовятся к новой войне против Израиля и что поэтому израильская армия должна обладать способностью нанести превентивный удар по Египту в надежде вызвать падение Насера.

С этой целью Израиль предпринял усилия, чтобы получить от Запада современное оружие, в частности, чтобы уравновесить оружейные сделки Египта с советским блоком.

Поскольку США отказались продать ему оружие, Израиль получил новое оружие от Франции, которая тогда считала Насера главным спонсором антифранцузского алжирского восстания. Министр обороны Франции Морис Бурже-Монори заявил, что «миллион французов в Алжире и миллион евреев в Израиле страдают от политики Гамалея Абделя Насера» [8, Р. 294]. Начиная с конца 1955 года Франция, соблюдая строгую секретность, продала Израилю большое количество оружия, включая самолеты, танки, артиллерию и эсминцы. Важным фактором, содействовавшим развитию франко-израильских отношений, была личная симпатия премьер-министра Ги Молле к Израилю [8, Р. 294]. Весной и летом 1955 года Бен-Гурион вносил в израильский кабинет министров предложения захватить Газу и Тиранский

пролив, но они были отвергнуты кабинетом во главе с премьером М. Шареттом [18].

Бен-Гурион, будучи министром обороны, настоял, чтобы кабинет отдал приказ об атаке 31 августа 1955 года на египетский полицейский пост в Хан Юнис в южной части сектора Газа. За этим рейдом, в ходе которого 17 египтян погибли и 45 были ранены, последовал другой рейд – на пограничный египетский полицейский пост в Кунтила (к северу от Эйлата), в ходе которого 10 египтян были убиты и 29 захвачены в плен [18, Р. 192].

В ноябре 1955 года Бен-Гурион вновь стал премьер-министром, сохранив за собой пост министра обороны. Шаретт согласился остаться в качестве министра иностранных дел, но ушел в отставку, будучи недоволен «ястребиной» политикой Бен-Гуриона.

Бен-Гурион предлагал дать решительный военный ответ на продолжающиеся египетские нарушения соглашения о перемирии 1949 года, в частности на отказ Израилю в свободном проходе судов через Суэцкий канал и Эйлатский залив, а также на поощрение Египтом рейдов федаинов.

Бен-Гурион предложил следующий сценарий: израильский корабль проходит через Тиранский пролив, если он будет заблокирован египтянами, ЦАХАЛ захватывает западный берег Эйлатского залива, что приведет к полномасштабной войне с Египтом. Позже, однако, сам Бен-Гурион и его кабинет отвергли этот план, который продолжал горячо защищать начальник Генштаба М. Даян. Как объяснил Даяну Бен-Гурион, «назавтра после победы мы столкнемся с той же самой проблемой, только в еще более трудных обстоятельствах, потому что мы будем выглядеть как агрессоры в глазах всего мира» [18, Р. 192].

Начиная с 1956 года Бен-Гуриона и Даяна всё больше беспокоила растущая военная

угроза со стороны Сирии не только в связи с тем, что в октябре 1956 года был заключён военный пакт между Египтом и Сирией, но и из-за растущей советской военной помощи Сирии и Египту. Они были также обеспокоены возможным непосредственным вовлечением советских войск под видом «добровольцев» в арабо-израильский конфликт. Такая опасность возникла вскоре после начала Тройственной агрессии против Египта в 1965 году, когда Моссад и ЦРУ сообщили, что советские военные самолеты прибыли в Сирию с намерением бомбить Израиль. За этими сообщениями, которые оказались ложными, последовало очень серьезное предупреждение Председателя Совета министров СССР Н. А. Булганина. В телеграмме Бен-Гуриону от 5 ноября 1956 года он был предупрежден, что под вопрос поставлено само существование Израиля¹ [4, С. 111–112]. Одновременно было объявлено об отзыве из Израиля в Москву советского посла, где он оставался пять месяцев. СССР стремился нанести максимальный урон западным позициям в регионе [6, Р. 11].

Для этого Москва использовала несколько тактик, таких как снабжение ряда арабских стран военной помощью в виде советского оружия, советников, обучение в советских военных учебных заведениях.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

В 1950-е, 60-е и 70-е годы эта помощь обычно принимала форму строительства больших ГЭС или промышленных объектов (Асуан и Хелуанский комбинат в Египте, дамба на реке Евфрат в Сирии, сталеплавильный комбинат в Иране). Преследуя прежде всего цель укрепления государственного сектора в экономике государства-реципиента, СССР

¹ Правда. 16.XI.1956.

обычно сопровождал эту помощь присылкой своих советников и программами обучения в Советском Союзе. Кроме того, СССР предлагал многочисленные стипендии для обучения студентов в Москве [9, Р. 4–6].

В 1955 году началась селективная программа экономической, технической и военной помощи арабским странам. Львиная часть помощи досталась Египту и Ираку. В 1954–1956 годах кредиты странам Ближнего Востока составили от западных государств 4 млрд, а от стран советского блока – около 9 млрд долл., из них от СССР – две трети. Сирия получила 363 млн долл.¹

Значительную долю советской помощи получила Сирия. Доля советского блока в импорте Сирии составляла в 1954 году только 2,5 %, или 4,8 млн долл., а уже к 1956 году она выросла до 3,9 %, или 12,7 млн долл.

В 1954 году на советский блок приходилось только 0,5 % экспорта Сирии (700 000 долл.), а к 1956 году эта доля выросла до 7,8 % (более 11 млн долл.).

К 1 февраля 1958 года кредиты советского блока странам Ближнего Востока достигли 800 млн долл., из которых 455 млн предоставлялись на экономическую и 353 млн долл. на военную помощь. Из этой суммы Сирия получила 294 млн, в том числе 194 млн на экономическую и 100 млн на военную помощь (Египет получил гораздо больше – 485 млн долл.).

Львиная доля военной помощи была предоставлена Египту и Сирии. 80 % всех технических специалистов из стран советского блока работали в Египте, Сирии, Индии, Индонезии и Афганистане (в 1957 году 360 – в Египте и 100 – в Сирии).

Экономические связи Сирии с советским

блоком (в отличие от Ливана и Иордании) стали более тесными после 1955 года. Это было связано не столько с экономикой, сколько с политикой. Сирия была весьма восприимчива к политике СССР и США в арабо-израильском конфликте. Перед образованием Объединенной Арабской Республики (ОАР) в 1958 году Сирия отвергла американскую помощь на том основании, что она наносит ущерб ее независимости.

Антизападная ориентация Сирии была особенно четко обозначена после Тройственной агрессии против Египта в 1956 году. Правительство Сирии остро нуждалось в оружии не только для предотвращения госпереворота, но и для усиления своих позиций против Израиля и Ирака. В мае 1956 г. было подписано первое советско-сирийское соглашение, за которым последовало второе – в ноябре 1956 г. 3 ноября 1956 года во время визита в Москву президента Куватли СССР обещал помощь в укреплении независимости Сирии. В начале декабря 1956 года сирийские военные источники сообщили, что оружие будет предоставлено советским блоком, так как Сирия не может принять ограничительные требования, которыми западные державы обусловили свою военную помощь.

В Сирию начала поступать военная помощь из СССР – танки, истребители МиГ-17 и др. Только в 1956 году её стоимость составила 60 млн долл.

В августе 1957 года сирийский министр обороны Халидаль-Азм посетил Москву и Прагу². По возвращении домой он заявил, что получил заём на 150 млн долл. Кроме того, были достигнуты договоренности о предоставлении советским блоком Сирии долгосрочных кредитов в сумме 570 млн долл. и об экономической

¹ UN. The External Financing of Economic Development. New York, 1968. P. 16–17.

² Documents on international Affairs. New York, 1957. P. 319–324.

и технической помощи СССР.

Широкомасштабное советско-сирийское экономическое сотрудничество началось после подписания 28 октября 1957 года соглашения, по которому Сирия получила кредиты на 168 млн долл. для финансирования 19 больших проектов.

К концу 1957 года советский блок предоставил Сирии кредиты на 294 млн долл., Чехословакия – на 50 млн на военную и 20 млн на экономическую помощь. Болгария и ГДР также дали Сирии большие кредиты.

Упомянутое соглашение 28 октября 1957 года положило начало советской экономической помощи Сирии. СССР содействовал строительству ГЭС на реке Евфрат, на реках Оронте и Ярмук и в районе озера Хомс, ирригационным проектам на Евфрате, на р. Кабир, добыче нефти, асбеста, железа, марганца, хрома, геологоразведке, строительству ТЭЦ в Дамаске и Алеппо, строительству фабрики по производству удобрений и развитию сельскохозяйственных лабораторий для научных исследований¹.

Сирия отчаянно нуждалась в квалифицированных технических специалистах, и страны советского блока пришли ей на помощь.

В результате в мае 1956 года в Сирии работали 200 военных и 100 технических специалистов, более половины из них были из СССР, а остальные – из Чехословакии и Польши.

Большинство невоенных специалистов было из Болгарии, ГДР и Чехословакии.

Президент США Дуайт Эйзенхауэр обратился к американскому конгрессу со специальным посланием, в котором излагалась новая политика США на Ближнем и Среднем Востоке, получившая впоследствии название «доктрины

Эйзенхауэра». В послании указывалось, что Ближний Восток «неожиданно достиг новой и критической стадии своей истории» и в связи с образовавшимся там «вакуумом» из-за ослабления позиций Великобритании и Франции ему якобы угрожает опасность со стороны Советского Союза и стран, «контролируемых международным коммунизмом». Подчеркивая огромное значение этого района для западных держав, США заявили, что не допустят, чтобы этот «вакуум» был заполнен «международным коммунизмом». Правящие круги США усиленно рекламировали «доктрину», характеризуя ее как «поворот» во взаимоотношениях США со странами Ближнего и Среднего Востока и подчеркивая при этом, что политика Вашингтона коренным образом отличается от колониальной политики, проводимой там Великобританией и Францией, что США всегда поддерживали «независимость и свободу» стран Ближнего и Среднего Востока и никогда не добивались установления здесь своего политического и экономического господства [1, С. 113].

Однако США не учли тех коренных изменений, которые произошли в арабских странах после Второй мировой войны в результате подъема национально-освободительного движения. «Доктрина Эйзенхауэра» натолкнулась на решительное сопротивление народов этих стран. В Сирии прошли широкие демонстрации протеста. В адрес правительства и парламента поступали сотни телеграмм и петиций с требованием отклонить «доктрину». С осуждением ее выступили представители почти всех политических партий, называя «доктрину Эйзенхауэра» «объявлением холодной войны на Ближнем и Среднем Востоке».

Независимо от этого, в течение всего 1957 года западные державы вели активную антисирийскую кампанию. С этой целью использовались конфликты на сирийско-израильской и сирий-

¹ International Bank for Reconstruction and Development. The Economic Development of Syria. Baltimore, 1955.

ско-турецкой границах, клеветническая пропаганда о «коммунистической опасности», попытки расколоть единство национальных сил внутри страны и солидарность арабских народов, а также экономическое давление.

Понимая бесперспективность планов свержения правительства путем заговоров, США взяли курс на организацию открытого вооруженного вторжения в Сирию со стороны соседних стран. С этой целью во второй половине августа 1957 года в Лондоне и Вашингтоне проводились соответствующие консультации и переговоры со странами – членами Багдадского пакта, а в конце августа представитель США Лой Гендерсон на созванном им в Стамбуле совещании глав правительств Турции, Ирака и Иордании представил к обсуждению разработанный Госдепартаментом план вооруженного вторжения в Сирию. В соответствии с ним страны Багдадского пакта должны были нанести объединенный удар по Сирии. США и Великобритания обещали при этом оказывать им всемерную поддержку поставками оружия, переброской 6-го американского флота к восточному побережью Средиземного моря, а в случае необходимости и прямым вмешательством, поводом для которого могла бы послужить возможная реакция Израиля. Однако правящие круги Ирака и Иордании не решились на участие в агрессии против Сирии.

В период поездки Л. Гендерсона в США президент Д. Эйзенхауэр и государственный секретарь Дж. Ф. Даллес заявили о приведении американских военных сил в состояние боевой готовности. С этой целью в порядке «чрезвычайной программы» была организована переброска по «воздушному мосту» оружия в Иорданию. К сирийским берегам подошел 6-й американский флот. В турецкой печати вновь появились воинственные призывы к расправе с

«коммунистической» Сирией, а государственный секретарь США, выступая на пресс-конференции 27 августа 1957 года, заявил, что Дамаск находится под «коммунистическим влиянием» и что соседние с ней страны обеспокоены большими «поставками советского оружия» в Сирию.

Напряженность в регионе нарастала. В этих условиях правительства Сирии и Египта приняли меры по дальнейшему укреплению своего сотрудничества. С 6 по 12 сентября 1957 года в Каире состоялось совещание объединенного египетско-сирийского командования, на котором было принято решение об оказании Египтом немедленной помощи Сирии в случае военного вторжения. Правительство Сирии поставило вопрос об угрозе агрессии против нее на рассмотрение открывшейся 18 сентября XII сессии ГА ООН. На ней Сирия получила активную поддержку представителей арабских стран. С разоблачением клеветнических измышлений США против Сирии и призывом положить конец «опасной игре с огнем на Ближнем и Среднем Востоке» выступила советская делегация. В 1958 году Египет и Сирия соединились в единую Объединенную Арабскую Республику (ОАР).

К 25 февраля ОАР признали 33 государства, в том числе США, Великобритания, Франция и Турция. Советский Союз признал ОАР на следующий же день после ее провозглашения. В приветственной телеграмме советского правительства на имя президента Г. А. Насера подчеркивалось, что, имея дружественные отношения с обеими объединившимися странами, оно надеется и далее развивать их с вновь созданной ОАР.

Западные державы хотя и признали ОАР, но встретили ее создание настороженно и заняли выжидательную позицию. Определенно часть официальных и деловых кругов этих

стран, опасаясь ущемления своих экономических интересов, требовала активного вмешательства в события на Арабском Востоке. В то же время американские политические круги высказывались в пользу нового объединения и приветствовали его, считая, что положительным результатом объединения является то, что Сирия спасена от «советизации», и что «проникновение» СССР и «международного коммунизма» в арабские страны будет этим приостановлено. Вопрос о создании ОАР стал предметом специального обсуждения на очередной сессии совета Багдадского пакта в Анкаре. 23 февраля 1966 года в Сирии произошел переворот. Была созвана конференция ПАСВ (Баас).

На конференции обозначилась и позиция нового руководства по ряду внешнеполитических проблем. Участники ее подвергли критике проводимые совещания глав арабских государств, которые, по мнению баасистов, «превратились в орудие защиты арабской реакции и традиционных арабских правителей, в орудие подавления движения прогрессивных революционных сил, наступления на интересы и чаяния арабских масс».

Основной задачей внешней политики новое руководство объявило решение палестинской проблемы. Подчеркивая бесплодность попыток консервативных арабских режимов использовать для этого существующие «традиционные» пути, баасисты выдвинули «лозунг народной освободительной войны под руководством прогрессивных сил», считая, что такое решение, несмотря на все жертвы и страдания, является единственно возможным путем достижения победы, окончательного освобождения всей арабской родины и осуществления единства на социалистической основе и в интересах народа. Конференция избрала новое Региональное руководство. Генеральным секретарем его стал

Н. Атаси, а его заместителем – С. Джадид [1, С. 172].

Переворот 23 февраля 1966 г. покончил, таким образом, с доминированием в ПАСВ её традиционных лидеров – М. Афляка и С. Битара, а позднее сделал сирийскую секцию партии по характеру деятельности более региональной организацией. Характеризуя программу нового руководства, министр обороны Х. аль-Асад в интервью корреспонденту газеты «Монд» 7 июля 1966 года на вопрос, чем практически она отличается от предшествующей, ответил: «...внутри страны мы хотим ускорить трансформацию сирийского общества, применяя принципы социализма и активно привлекая массы к участию в нашем деле. В арабском плане мы стремимся создать фронт всех прогрессивных и революционных сил, чтобы с максимальной эффективностью бороться против наступления реакции и империализма в нашем регионе. В международной области мы открыли эру искреннего и лояльного сотрудничества с социалистическим лагерем, который проявляет большое понимание и сочувствие к национальному арабскому делу...». В соответствии с правительственной программой и решениями Чрезвычайной Региональной конференции была разработана серия мероприятий для реорганизации и чистки государственного аппарата, укрепления и расширения государственного сектора в экономике. «Основной задачей в развитии экономики является, – указывал министр планирования, – перевод промышленности на социалистические рельсы, внедрение социалистических производственных отношений, замена ими капиталистической структуры производства, превращение государственного сектора в авангард промышленности».

В апреле – мае 1966 года члены Регионального руководства партии и правительства

совершили ряд поездок по различным районам страны, главной целью которых было, как подчеркивалось, «укрепление связей с низовыми партийными организациями и ознакомление с деятельностью других массовых организаций, таких как рабочие профсоюзы, крестьянские ассоциации, союз студентов и др.».

В этих условиях работа созданного в октябре 1966 года IX общеарабского съезда ПАСВ была направлена главным образом на разработку концепции проводимой руководством Сирии внешней политики. В решениях съезда подчеркивалось, что основным противоречием в арабском мире является конфликт между «трудящимися массами и прогрессивными силами, с одной стороны, а с другой – силами, враждебными интересам этих масс, колониализмом, сионизмом и реакцией». Поэтому борьба трудящихся масс должна проводиться в органическом сочетании «классовой борьбы, направленной на ликвидацию эксплуатации и отсталости, с общенациональной борьбой за преодоление разобщенности единой арабской родины». На этой основе руководство партии выдвинуло концепцию народно-освободительной войны, определив ее главной задачей на том этапе борьбу за освобождение Палестины, что, как указывалось в резолюции съезда, «будет способствовать в последующем перерастанию в общеарабскую революцию и освобождению других арабских народов от господствующих в этих странах реакционных и прозападных режимов». Подчеркивалось также, что борьба за освобождение Палестины является в то же время борьбой против Израиля как базы империализма на Арабском Востоке, «созданной для охраны колониальных интересов в этом регионе и защиты реакционных арабских режимов». Поэтому отвергался традиционный подход к проблеме освобождения Палестины, предусматривавший вначале до-

стижение военного превосходства над Израилем и лишь затем переход к открытой борьбе. Он расценивался как «пораженческий». Указывалось также, что укрепление военной мощи арабских стран, включая реакционные и прозападные, не будет служить делу освобождения Палестины, а превратится в реальную угрозу для «всего прогрессивного в арабской нации», так как они достигнут при этом военного превосходства не над Израилем, а над прогрессивными арабскими режимами [1, С. 178]. Поэтому руководство ПАСВ считало более целесообразным «путь народного освобождения, которому... последовали народные массы в Алжире» и который обеспечил «им решительную победу... над полумиллионной оккупационной армией французских империалистов. Таким образом, народно-освободительная война является единственным путем освобождения Палестины, в связи с чем участники съезда призывали продолжать подготовку к такой войне.

Анализируя сложившееся в тот период напряженное положение в регионе, необходимо подчеркнуть и растущую из года в год конфликтную ситуацию (вокруг проблемы вод р. Иордан) между Израилем и арабскими странами, в том числе Сирией, границы которых проходили по демаркационным линиям, установленным ООН после арабо-израильской войны 1948 года. Разработанный израильским правительством еще в 1959 году план строительства отводного канала от Тивернадского озера для переброски вод реки Иордан в пустыню Негев и на средиземноморское побережье не могли не затронуть интересы Сирии, Иордании и Ливана, так как наличие достаточных водных ресурсов имело также большое значение для экономического развития этих стран. Кроме того, сирийское руководство опасалось возможного строительства Израилем в будущем новых еврейских поселений в этой

части демилитаризованной зоны. В ходе постоянных пограничных стычек, активное участие в которых принимали и палестинские партизаны, сирийская сторона неоднократно обстреливала территорию строящегося израильского водоотвода [1, С. 179].

В то же время, несмотря на настойчивые требования Сирии к ЛАГ принять решительные меры против реализации Израилем указанных планов, главы арабских государств, сознавая неизбежность возникновения в этом случае вероятности развязывания широкомасштабных военных действий, придерживались осторожных позиций и не предпринимали каких-либо шагов для урегулирования проблемы. Лишь в январе 1961 года после заявления израильского правительства о выделении им крупных денежных средств для завершения строительства водоотвода к 1964 г. ЛАГ провела ряд совещаний для обсуждения этой проблемы. В итоге трём арабским странам, включая Сирию, было рекомендовано принять меры для снижения сброса воды р. Иордан со стороны ее северных притоков, протекавших по их территории, – рек Хасбани, Банияс и Дакка.

В январе 1965 года Сирия приступила к строительству необходимых отводных каналов. Ответным действием Израиля стали жесткие военные операции в марте, мае и июле 1965 года с использованием сил авиации, полностью уничтоживших возведенные Сирией в течение трёх месяцев строительные сооружения. Попытка весной 1967 года возобновить эти работы вновь привела к серии военных столкновений. Наиболее крупными из них были артиллерийские обстрелы с обеих сторон, а также воздушный бой 7 апреля 1967 года, в результате которого Сирия потеряла шесть истребителей МиГ.

Последовавшие затем события – появившиеся в мае 1967 года в сирийской печати сообще-

ния о концентрации израильских войск вдоль границы, вывод по требованию президента Египта контингента чрезвычайных вооруженных сил ООН с Синая, закрытие Тиренского пролива для прохождения израильских судов и др. – неумолимо вели к развязыванию третьей арабо-израильской войны.

Режим перемирия, установленный между Израилем и его соседями (в том числе Сирией) в 1949 году, должен был служить короткой переходной стадией, ведущей к миру. Вместо этого он приобрел перманентный статус. За многие годы Израиль и Сирия ни на шаг не продвинулись в этом направлении.

Главная проблема заключалась в их неспособности преодолеть базовые разногласия по демилитаризованной зоне (ДЗ), которые стали очевидными уже в ходе переговоров о перемирии в 1949 году. После заключения соглашения о перемирии статус ДЗ остался неопределенным, что открыло возможности для противоположных интерпретаций этого статуса. Данное обстоятельство стало серьезнейшим препятствием для соблюдения соглашения о перемирии. В некоторые периоды (с июля 1949-го по апрель 1951 года, с июля 1951-го по начало 1954 года) израильско-сирийские отношения были относительно спокойными, в отличие от напряженности, преобладававшей в это время в отношениях между Израилем и другими его соседями.

Второе заключение, которое следует сделать, анализируя период режима перемирия, состоит в том, что обе страны (а не только Сирия) были виновны в его нарушениях и вооруженных стычках. Израиль не всегда был невинной овечкой, а Сирия не всегда была волком.

В первые годы режима перемирия именно Израиль пытался в одностороннем порядке внести изменения в статус ДЗ. Сирия ответила насильственными акциями, так как в то время в

ее интересах было сохранение статус-кво. Существование Смешанной комиссии (МАК) часто помогало обеим сторонам следовать прагматическому курсу политики. Это отражалось в контактах между их представителями и в их совместных решениях по некоторым пограничным проблемам.

Однако с течением времени их отношения стали ухудшаться.

Члены МАК перестали встречаться даже на неформальной основе, и прагматизм в их взаимоотношениях постепенно сменился подходом, основанном на силе.

Режим перемирия между Израилем и Сирией просуществовал до Шестидневной войны 1967 года, но еще раньше, в конце 1954 – начале 1955 года, он уже достиг точки невозврата.

Контакты и сотрудничество между двумя странами прекратились, МАК фактически перестала функционировать, а на границе начались вооруженные стычки.

Соглашения о перемирии, которые Израиль подписал в 1949 году с Египтом, Иорданией и Сирией, не ликвидировали вооруженную конфронтацию между ними.

Несколько факторов обусловили ухудшение отношений между Израилем и Сирией. Первым из них был тот факт, что сирийская территория, прилегающая к границе, которая была сильно укреплена, расположена на 500 м выше израильской территории (за исключением узкой полосы у впадения реки Иордан в Тивериадское озеро, где Израиль имеет топографическое преимущество). Это давало Сирии тактическое превосходство, позволяя сирийцам даже с помощью стрелкового оружия нарушать жизнь в израильских поселениях в долинах Иордана и Хула [14, Р. 17–18], что вынуждало Израиль отвечать военными ударами по сирийской территории.

Во-вторых, поскольку компромисс в отношении создания ДЗ не включал соглашения о суве-

ренитете или ответственности за гражданскую администрацию и контроль над ДЗ, постепенно началась борьба за будущее ДЗ. Сирию устраивал неопределенный статус ДЗ, но Израиль начал активно изменять статус-кво в свою пользу, добиваясь полного контроля над ДЗ [14, Р. 297–298].

Многие вооруженные инциденты были спровоцированы израильскими попытками отобрать у арабов земельные участки в ДЗ, на что сирийцы отвечали огнем.

Крупномасштабная военная конфронтация в марте – мае 1951 года, вызванная сопротивлением сирийцев израильскому проекту осушения озера Ула, переросла в вооруженную борьбу за контроль над всей ДЗ [14, Р. 162–184].

В-третьих, в первые годы после соглашения о перемирии 1949 года арабы придерживались прагматического подхода в отношении Израиля, но позже они изменили свой подход в худшую сторону.

Готовность сохранять статус-кво, определенное соглашениями 1949 года, сменилась явно выраженной антиизраильской конфронтацией. Арабы начали прибегать к ограниченным военным столкновениям, за которыми следовали ответные израильские репрессивные рейды. В результате отношения между двумя странами резко ухудшились. Ситуацию осложнила водная проблема. Она была связана с тем, что истоки реки Иордан, которая служит источником воды для израильтян, находятся на сирийской территории.

Наконец, центральным элементом сирийского национализма, который развился даже до прихода к власти партии БААС в 1963 году, было противостояние Израилю.

Однако по крайней мере до конца 1963 года оба государства не хотели начинать войну. Правда, на совещании начальников штабов арабских стран в декабре 1963 года Сирия по-

требовала начать войну, чтобы воспрепятствовать отводу вод Иордана Израилем, но это требование было отвергнуто другими арабскими странами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, вплоть до Шестидневной войны 1967 г. Сирия весьма осторожно и в ограниченном масштабе использовала свои топографические преимущества на западном краю Голанских высот, чтобы нарушать жизнь в израильских поселениях, расположенных ниже. Сирийское руководство понимало, что Израиль может счесть это нетерпимой ситуацией и использовать как *casus belli*. Тотальный контроль, осуществлявшийся сирийскими военными над войсками и гражданскими лицами в пограничной зоне, означал, что там не могло быть никаких инициированных местными властями инцидентов (в отличие от израильских пограничников).

Библиография / References:

1. Пир-Будагова Э.П. История Сирии. XX век. – М., 2015. – 392 с.
2. Сирийский рубеж. Сб. статей. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. – 204 с.
3. Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю. Секретные войны ЦРУ на Ближнем Востоке и в Африке до начала «арабской весны». – М.: ЮНИТИ, Закон и право, 2018. – 184 с.
4. Шепилов Д.Т. Суэцкий вопрос. – М., 1956.
5. Bar-Zohar Michael. Ben-Gurion. – London, 1978.
6. Burch J. Background issues concerning Soviet Union Policy and Syrian initiatives in the Middle East. Newport, 1986.
7. Dayan Moshe. Story of my life. New York, 1976. 640 p.
8. David Ben-Gurion. Politics and leadership in Israel. Ed. by Zweig R. London: Frank Cass, 1991.
9. Freedman R. Moscow and the Middle East.

Soviet Policy since the invasion of Afghanistan. Cambridge, N.Y. etc., 1991. 440 p.

10. Maoz Moshe. Syria and Israel. From war to peace — making. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.
11. Meir Golda. My life (Hebrew). Tel Aviv, 1975.
12. Pappé I. The making of the Arab-Israeli conflict. London, New York, 1992.
13. Rafael G. Destination peace. New York, 1981. 403 p.
14. Shalev Aryeh. Cooperation under the Shadow of conflict (Hebrew). Tel-Aviv, 1989.
15. Shalev Aryeh. Israel and Syria: peace and security on the Golan. London and New York, 1994. 281 p.
16. Sharett Moshe. Yaman ishi (Hebrew). Tel Aviv, 1978.
17. Sheffer G. Resolution versus management of the Middle East. Conflict. Jerusalem, 1980.
18. Shlaim Avi. Conflicting approaches to Israel's relations with the Arabs. Ben Gurion and Sharett 1953–1956 // Middle East Journal. 1983. № 37. P. 189–193.
19. Shlaim A. Husni Zaim and the Plan in resettlement of Palestinian refugees in Syria // Journal of Palestine studies, 15 (1986).
20. Smith Ch. Palestine and the Arab-Israeli conflict. New York, 1988.
21. Torrey G.H. Syrian politics and the military. Columbus Oh, 1964. 438 p.
1. Pir-Budagova, E.P. (2015) Istoriia Sirii. XX vek [History of Syria. XX century]. M. 392 p. (In Russ.).
2. Siriiskii rubezh. Sb. statei. [Syrian border. Sat. articles.]. M.: Tsentr analiza strategii i tekhnologii, 2016. 204 p. (In Russ.).
3. Khazanov, A.M., Oлимпиев, A.Yu. (2018) Sekretnye voyny TsRU na Blizhnem Vostoke i v Afrike do nachala «arabskoi vesny» [CIA secret

- wars in the Middle East and Africa before the Arab Spring]. M.: IuNITl. Zakon i pravo. 184 p. (In Russ.).
4. Shepilov, D.T. (1956) Suetskii vopros [Suez question]. M. (In Russ.).
5. Bar-Zohar Michael (1978). Ben-Gurion. London.
6. Burch, J. (1986) Background issues concerning Soviet Union Policy and Syrian initiatives in the Middle East. Newport.
7. Dayan Moshe. (1976) Story of my life. New York. 640 p.
8. David Ben-Gurion. Politics and leadership in Israel. Ed. by Zweig R. London: Frank Cass, 1991.
9. Freedman, R. (1991) Moscow and the Middle East. Soviet Policy since the invasion of Afghanistan. Cambridge, N.Y. etc. – 440 p.
10. Maoz Moshe. (1995) Syria and Israel. From war to peace — making. Oxford: Clarendon Press. 280 p.
11. Meir Golda. (1975) My life (Hebrew). Tel Aviv.
12. Pappé, I. (1992) The making of the Arab-Israeli conflict. London, New York.
13. Rafael, G. (1981) Destination peace. New York. 403 p.
14. Shalev Aryeh. (1989) Cooperation under the Shadow of conflict (Hebrew). Tel-Aviv, 1989.
15. Shalev Aryeh. (1994) Israel and Syria: peace and security on the Golan. London and New York. 281 p.
16. Sharett Moshe. (1978) Yaman ishi (Hebrew). Tel Aviv.
17. Sheffer, G. (1980) Resolution versus management of the Middle East. Conflict. Jerusalem.
18. Shlaim Avi. (1983) Conflicting approaches to Israel's relations with the arabs. Ben Gurion and Sharett 1953–1956 // Middle East Journal. № 37. p.p. 189–193.
19. Shlaim, A. (1986) Husni Zaim and the Plan in resettle Palestinian refugees in Syria // Journal of Palestine studies, 15.
20. Smith, Ch. (1988) Palestine and the Arab-Israeli conflict. New York.
21. Torrey, G.H. (1964) Syrian politics and the military. Columbus Oh. 438 p.

ТАРАСОВ Владимир Евгеньевич, аспирант, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: prorektorbpds@yandex.ru, AuthorID: 970230

TARASOV V.E., Postgraduate Student, Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of the RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: prorektorbpds@yandex.ru, AuthorID: 970230

**НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ БЕЛГОРОДСКИЕ:
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КАНОНИЗАЦИИ И ИЗУЧЕНИЯ ПОДВИГА**

**THE NEW MARTYRS AND CONFESSIONERS OF BELGOROD:
THE CANONIZATION PROBLEMS AND THE STUDY OF THE FEAT**

Аннотация. Цель статьи – заключается в анализе проблем канонизации и изучения подвига новомучеников и исповедников Белгородских.

Автор отмечает актуальность выбранной тематики, которая заключается в исследовании проблем сохранения памяти и наследия подвижников благочестия.

Важным моментом в данном направлении является реабилитация репрессированных священнослужителей со стороны государства.

Для церковных этот аспект является важной вехой в изучении житий новомучеников, знание которых укрепляет связь между поколениями и позволяет избежать повторения подобных трагедий.

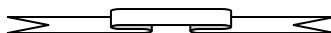
Ключевые слова: новомученики, исповедники Белгородские, канонизация, жития святых, история церкви.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the canonization problems of and the study of the feat of the New Martyrs and confessors of Belgorod.

The author notes the relevance of the area of research, which is to study the problems of preserving the memory and heritage of the ascetics of piety. The author emphasizes that the rehabilitation of repressed clergy by the state is very important.

As a result, the author comes to the conclusion that for the church, this aspect is an important milestone in the study of the Lives of New Martyrs and the knowledge of which allow to strengthen the ties between generations and to prevent a recurrence of such tragedies.

Keywords: New Martyrs, confessors of Belgorod, canonization, Lives of Saints, church history.

ВВЕДЕНИЕ

Из сонма новомучеников и исповедников Российских в Белгородской епархии особо почитаются епископы, пастыри, миряне, так или иначе связанные с Белгородчиной, которые в годы правления коммунистической боготорческой власти отдали жизнь за веру во Христа.

Юбилейный Архиерейский собор 2000 г. от Белгородской епархии причислил к лику святых 17 новомучеников, и 1 июня 2004 года в Белгороде впервые была установлена традиция празднования Собора новомучеников и исповедников Белгородских.

Выбор указанной даты связан с тем, что большинство из списка белгородских новомучеников, за исключением епископа Белгородского Никодима (Кононова), епископа Могилевского Иоасафа (Жевахова) и священника Матфия Вознесенского, 1 июня 1938 года были расстреляны в тюрьме г. Благовещенска, по приговору тройки НКВД от 17 марта 1938 года.

Стоит отметить, что весть о христианском подвиге новомученников и исповедников Белгородских выходит далеко за пределы епархии. Так, епископы Белгородские Никодим (Кононов), Антоний (Панкеев) и епископ Могилевский – Иоасаф (Жевахов) прославлены в лике Святых от Соловецкого монастыря, священномученик Онуфрий (Гагалюк) канонизирован в 1993 году Украинской Православной Церковью, как местночтимый святой Харьковской епархии.

Актуальность данной темы заключается в исследовании проблемы сохранения памяти и наследия подвижников благочестия, своей жизнью и мученической кончиной свидетельствовавших о вере во Христа. Реабилитация репрессированных священнослужителей со стороны государства является для церковных

исследователей важной вехой в изучении житий новомучеников, знание которых укрепляет связь между поколениями и позволяет избежать повторения подобных трагедий.

Работа в этом направлении началась еще в среде русской церковной эмиграции. К первым упоминаниям можно отнести труд протопресвитера Михаила Польского «Новые мученики Российские», в котором есть ссылки на жития мучеников Курской губернии [8], в состав которой на тот момент частично входила и нынешняя Белгородская епархия.

Из ныне канонизированных святых в первом томе книги описан лишь епископ Никодим (Кононов) [10]. Остальные мученики и исповедники, служившие на территории нынешней Белгородчины, о жизни которых имеются упоминания в книге протопресвитера Михаила Польского, такие как протоиерей Петр Сионский, протоиерей Порфирий Амфитеатров, протоиерей Василий Солодовников, иеромонах Серафим (Кретов), протоиерей Константин Ничкевич, протоиерей Алексей Попов, священник Константин Ефремов, священник Иоанн Тимофеев, иеромонах Вонифатий и священник Димитрий Софронов [10] до настоящего времени не были внесены в списки на канонизацию в Русской Православной Церкви. Это обусловлено трудностями документального сбора информации, ведь расстрелы этих мучеников происходили без всякого уголовного делопроизводства.

В настоящее время епархиальной комиссией по канонизации ведется кропотливая работа по сбору необходимых сведений о жизни, нахождении в заключении и мученической кончине протоиерея Порфирия Амфитеатрова, арестованного в один период со священномучеником епископом Никодимом, для дальнейшей систематизации и направлении материалов на рассмотрение в Синодальную комиссию по канонизации.

Протоиерей Порфирий Амфитеатров в последние годы своей жизни служил в городе Белгороде в Успенско-Николаевском соборе (ныне храм Марфо-Мариинского женского монастыря г. Белгорода). Вскоре после установления советской власти большевики отнесли его к числу самых опасных для строя пастырей и приняли все меры к тому, чтобы скорее расправиться с ним. После ареста последовал приговор Белгородского ЧК: «Расстрелять как старого пропагандиста против Советской власти и вредного элемента для таковой». После расстрела тело священника было спрятано от почитателей, но ни в одной из братских могил его не нашли. По одной из версий его останки были выброшены в «глухое неведомое место на съедение зверям». В 1981 году канонизирован Русской Православной Церковью за рубежом в чине священномученика [3]. В 2000 году родственникам отца Порфирия было сообщено, что он реабилитирован.

Изучение жизни и подвига новомучеников Белгородских ранее осложнялась отсутствием всяческой компетентной информации. До 90-х годов XX века почти единственным источником по их жизни и мученической кончине был ранее упомянутый труд протопресвитера Михаила Польского. Первая публикация [7] о новомучениках в «Курских епархиальных ведомостях» в ноябре 1991 года заимствует информацию именно из его книги. Современные публикации в интернет-порталах также используют лишь данные, приведенные в труде М. Польского.

Но доверять фактам, приведенным в данной книге, мы можем лишь частично. К примеру, в описании кончины епископа Никодима (Кононова) приводятся следующие подробности убийства владыки: «медицинский осмотр установил, кроме наличия огне-

стрельной раны в груди (не смертельной), пролом черепа от удара тяжелым тупым предметом, огромный кровоподтек на верхней части головы и полом гортанных хрящей от удушения руками» [11].

Современные исследования и проведенные экспертизы установили, что епископ Никодим скончался от трех огнестрельных ранений, а переломы свидетельствуют лишь о том, что «приготовленная для епископа могила была вырыта не по его росту, труп в ней не помещался и его фактически втиснули в эту могилу на коленях лицом вниз» [14]. Автор лично убедился в сохранности щитовидного хряща, наличие которого в целостности, свидетельствует об ошибочности версии удушения руками. Неточности в книге протопресв. М. Польского объясняются использованием в жизнеописании мучеников показаний и свидетельств очевидцев, что не исключает некоторую субъективность воспоминаний.

Всеобъемлющим же исследованием жизни и подвига епископа Никодима (Кононова) в настоящее время является монография белгородского архивиста и историка П.Ю. Субботина «Священномученик Никодим, епископ Белгородский: жизнь, трагическая гибель, обретение мощей» [14]. В ней представлены архивные документы, воспоминания современников и очевидцев, личные письма статьи и научные работы священномученика.

Первые исследовательские работы по изучению жертв политических репрессий со стороны советской власти в Белгородской области начались со стороны светских исследователей и краеведов.

Так, в 1996 году в Белгороде вышла книга «Жертвами пали» [5]. В ней опубликованы списки жертв сталинских репрессий, среди

которых немало священнослужителей, монашествующих, мирян Русской Православной Церкви.

Краткие сведения о 52-х репрессированных впервые публикуются в «Белгородских епархиальных ведомостях» №3 за 1999 год. В это же время выходит в свет книга «Живи и помни» [6] под редакцией доктора философских наук, профессора Ю.Ю. Вейнгольда. Работа проф. Вейнгольда по своему содержанию более обширна, так как содержит сведения не только о расстрелянных, но и о попавших в тюрьмы, лагеря и ссылки.

В 2000 году издается еще одна книга «О прошлом память возвращая» [9], принадлежащая перу указанного автора. Это уже третий том из серии книг памяти, подготовленный, на основе изучения архивных материалов. Особенностью указанной работы по мнению автора является составление пофамильных списков жителей Белгородской области и их родственников, ставших жертвами произвола и беззакония в 20 – 50-е годы.

Из числа церковных исследователей Белгородской епархии, «первопроходцем» в изучении подвига новомучеников стал А.Г. Королев, ныне священник Андрей Королев. Первые систематизированные сведения им были собраны для своей дипломной работы в Белгородском Государственном Университете в 1998 году, а уже в 2001 года на съезде духовенства епархии вниманию участников он представил доклад на тему: «Материалы к житиям новомучеников Белгородских» [2].

К списку студенческих исследовательских работ, представленных в Белгородском регионе, можно добавить магистерскую диссертацию Н.Н. Ткач «Новомученики и исповедники Белгородские: жития, подвиги и история канонизации» [13]. В данном исследовании

автор систематизирует материал по принципу житийного описания канонизированных святых и еще готовящихся к общецерковной канонизации. Диссертация прошла защиту на социально-теологическом факультете НИУ БелГУ в 2016 году.

Кроме того, важнейшим источником для изучения жизни и гибели подвижников являются материалы уголовных дел, хранящиеся в архивах УФСБ Курской и Белгородской области. На протяжении многих лет, после развала СССР, они привлекают к себе внимание как церковных, так и светских исследователей. Единственным проблемным аспектом в изучении материалов этих дел является закрытый доступ к делам еще не реабилитированных бывших узников лагерей и советских тюрем, а также к материалам, в которых фигурирует еще не рассекреченная агентура.

Изучением и анализом указанной информации занялись сотрудники УФСБ Курской области – Карнаевич В.Г. и Третьяков С.В., которые впервые и опубликовали ранее недоступный для широкой общественности материал, в своей статье, вышедшей в августе 1999 года в газете «Белгородские епархиальные ведомости» под названием «Трижды репрессированный» [1].

Данная статья посвящена памяти священномученика Иоасафа (в миру князя Жевахова Владимира Давыдовича), епископа Могилевского, который незримыми нитями (при жизни и после нее) был тесно связан с Белгородчиной. Установлено, что он являлся дальним родственником святителя Иоасафа Белгородского по материнской линии, написал труды, посвященные памяти Белгородского святителя, а в 1910 году, в период подготовки к канонизации свт. Иоасафа указом Святейшего Синода назначен членом комиссии по устройству раки для его мощей. В

1936 году, уже будучи епископом Могилевским, временно управляющим Минской епархией, оставил кафедру и ушел на покой, поселившись в городе Белгороде. 29 января 1937 года был арестован, содержался в белгородской тюрьме, затем проживал под надзором на территории Ленинградской области, после чего вновь доставлен по этапу в Курск. Обвинялся в руководстве «белгородской террористической группой», в организации выступлений граждан за открытие церквей и в нелегальном совершении богослужений. Виновным в предъявленных обвинениях в антисоветской деятельности себя не признал, подтвердил, что говорил о гонениях в СССР на Церковь, духовенство и верующих 4 декабря 1937 года. Особой тройкой НКВД по Курской обл. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. В мае 1990 года реабилитирован прокуратурой Белгородской области. В 2002 году постановлением Священного Синода имя священномученика Иоасафа внесено в Собор новомучеников и исповедников Российских. Статья содержит ценные материалы, ранее не опубликованные и недоступные для исследователей.

На данный момент ведущим исследователем житий новомучеников и исповедников Белгородских является священник Владимир Русин. В основу его работ легли материалы архивных дел УФСБ Курской и Белгородской областей.

Особого внимания заслуживает информация, открывающая всю подноготную уголовного преследования в отношении священнослужителей. Лицеприятность показаний против священства, фальсификации протоколов следственных действий, проводимых с участием свидетелей и обвиняемых, в том числе и протоколов допросов – являлись

«прямыми доказательствами вины» Белгородских и Курских пастырей.

В качестве примера можно привести всего лишь один факт из множества аналогичных, который описан в книге «Виноградник Владыки Онуфрия». После доноса директора местной школы, в отношении священника Старооскольской епархии Герасима Коршикова было возбуждено уголовное дело. Он обвинялся в совершении контрреволюционного преступления, предусмотренного статьей 58 Уголовного кодекса РСФСР, то есть в совершении всякого действия, направленного к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции [15].

Необходимо отметить, что материалы уголовного дела содержат довольно специфичный протокол допроса в качестве обвиняемого свящ. Герасима Коршикова, состоявшийся 29 сентября 1937 года. Несмотря на то, что процессуально допустимым является отражение показаний допрашиваемого как в форме свободного рассказа, так и в форме «вопрос – ответ», по существу заданного следователем вопроса о контрреволюционной деятельности и пути ее становления, свящ. Герасим Коршиков пояснил (или ему «помогли пояснить») довольно пространно, практически вторя каждому слову свидетелей со стороны обвинения: директора школы, председателя колхоза и других.

Вызывает недоумение и тот факт, что даже собственные свои высказывания до-

прашиваемый цитирует словами свидетельских показаний [4]. Автор задается вопросом: «Был ли вообще допрос, спрашивается? Или арестанта после ряда «воспитательных» бесед просто привели в кабинет следователя подписать уже заранее готовые бумаги?» [4]. Да и вообще, если в дальнейшем уже планировалось расстрелять о. Герасима, была ли необходимость у следователя утруждать себя бессмысленными вопросами и заставлять его подписывать какие-либо документы, ведь никому и в голову не могла прийти мысль проверить подлинность подписи священника?

Эти и другие факты, приведенные в исследовательских трудах священника Владимира Русина, рисуют четкую картину заинтересованности органов ОГПУ-НКВД в вынесении обвинительных приговоров в отношении репрессированных священнослужителей. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что содержание материалов уголовных дел не может служить единственным источником для составления житий новомучеников, вследствие фальсификации многих доказательств.

Но в отдельных случаях, именно отсутствие возбужденных уголовных дел является причиной для отказа или перенесения срока канонизации подвижника, как это произошло в случае перенесения на неопределенный срок канонизации архимандрита Серафима (Тяпочкина), всенародно почитаемого старца, прожившего поистине исповедническую жизнь, проведенного в общей сложности около 15 лет в лагерях и ссылках.

По свидетельству митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна (Попова), на протяжении 15 лет епархиальная комиссия по

канонизации святых совместно с общецерковной работают над этим сложным вопросом. «Сложность» обусловлена тем, что согласно требованиям, предъявляемым к канонизации, все документы, касающиеся периода заключения приснопамятного архимандрита Серафима (Тяпочкина), в том числе и протоколы допросов обвиняемого и свидетелей, необходимо полностью восстановить и представить в комиссию.

На данный период издано несколько книг по жизнеописанию отца Серафима. Первой стала брошюра протоиерея Николая Германского «Краткое жизнеописание архимандрита Серафима Ракитянского», изданная Белгородско-Старооскольской епархией в 2001 году. Эта и последующие книги автора по данной теме отражают официальную позицию священноначалия Белгородской епархии в отношении составления жития архимандрита Серафима (Тяпочкина). Также параллельно изданы книги иеродиакона Софрония (Макрицкого), но они содержат ряд неточностей, закоренелых мифов, непроверенных свидетельств о чудесах, из жизни белгородского старца (например, повествование о так называемом «стоянии Зои», в котором рассказывается, что именно отец Серафим являлся священником, забравшим икону из рук Зои). К празднованию Собора новомучеников и исповедников Белгородских даже написана икона, на которой, в числе прочих, изображен и отец Серафим. В Преображенском кафедральном соборе Белгорода, на одной из колонн, написана фреска с иконописным изображением Серафима Ракитянского. Также необходимо отметить и тот факт, что на иконе Белгородских новомучеников отсутствует изображение священномученика Матфия Вознесенского, пострадавшего в 1919 году и ныне канонизированного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение можно отметить, что изучение подвигов новомучеников исповедников Белгородских, подготовка материалов к их канонизации несёт в себе определенные трудности, связанные со сбором документов и подтверждении различных фактов. Различные аспекты, связанные с канонизацией и изучением подвигов новомучеников является актуальной тематикой, которая заключается в исследовании проблем сохранения памяти и наследия подвижников благочестия. Важным моментом в данном направлении является реабилитация репрессированных священнослужителей со стороны государства.

Библиография / References:

1. Белгородские епархиальные ведомости. – 1999. – №8. – С.3.
2. Белгородские епархиальные ведомости. – 2001. – №1. – С.1–3.
3. Белгородские епархиальные ведомости. – 2006. – №5(115). – С.5–6.
4. Владимир Русин, свящ. Виноградник Владыки Онуфрия. Судьбы священников, которых призвал к пастырскому служению священномученик Онуфрий (Гагалюк). Издание Покровского храма села Кунье Горшеченского района Курской области. 2012.
5. Жертвами пали...: Документы. Списки казненных. Статьи. Белгород. Везелица. 1996.
6. Живи и помни: Документы. Списки репрессированных. Статьи. – Белгород: Крестьянское дело, 1999. – 125с.
7. Курские епархиальные ведомости. – 1991. – №8. – С.1–4.
8. Новые мученики российские: ... собрания материалов / сост. протопресв. М. Польский. – Jordanville, N.Y.: Holy Trinity monastery, 1949–1957гг. – 1949. – 287с.
9. О прошлом память возвращая. Документы.

Списки репрессированных. Статьи / редкол.: Вейнгольд Ю.Ю. (гл. ред.) и др. – Белгород: Крестьянское дело, 2000. – 368 с.

10. Михаил Польский, протопресв. Новые мученики Российские. Т.I. [Электронный ресурс]. – URL:

www.paraklit.org/eres/MP/Poljskiy.Novie_mucheniki_Rossiyskie.t.1.htm

11. Михаил Польский, протопресв. Новые мученики Российские. Т.II. [Электронный ресурс]. – URL: www.paraklit.org/eres/MP/Poljskiy.Novie_mucheniki_Rossiyskie.t.2.htm

12. Субботин П.Ю. Священномученик Никодим, епископ Белгородский: жизнь, трагическая гибель, обретение мощей. Белгород, Издательский дом Белгородской митрополии, 2018.

13. Ткач Н.Н. Новомученики и исповедники Белгородские: жития, подвиги и история канонизации. Диссертация на соискание академической степени магистра теологии. – Белгород, 2016. – 216с.

14. Субботин П.Ю. Никодим (Кононов) – священномученик, епископ Белгородский. [Электронный ресурс]. – URL: <http://beleparh.ru/index.php/novosti/57-drugie-novosti/1988-nikodim-kononov-svyashchennomuchenik-episkop-belgorodskij>

15. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 26.05.1922 года [Электронный ресурс]. – URL: www.law.edu.ru/norm/norm.asp. (дата обращения: 18.11.2022).

1. Belgorodskiye yeparkhial'nyye vedomosti [Belgorod diocesan statements]. – 1999. – №8. – S.3. (In Russ.).

2. Belgorodskiye yeparkhial'nyye vedomosti. – 2001. – №1. – S.1–3. (In Russ.).

3. Belgorodskiye yeparkhial'nyye vedomosti. – 2006. – №5(115). – S.5–6. (In Russ.).

4. Vladimir Rusin, svyashch. Vinogradnik Vlado Onufriya. Sud'by svyashchennikov, kotorykh prizval k pastyrskomu sluzheniyu svyashchennomuchenik Onufriy [The Fates of the Priests Called to Pastoral Service by Hieromartyr Onufry] (Gagal-yuk). Izdaniye Pokrovskogo khrama sela Kun'ye Gorshechenskogo rayona Kurskoy oblasti. 2012.
5. Zhertvami pali...: Dokumenty. Spiski kaznennykh. Stat'i [Victims fell ...: Documents. Lists of the executed. Articles]. –Belgorod. Vezelitsa. 1996.
6. Zhivi i pomni: Dokumenty. Spiski repressirovannykh. Stat'i [Live and remember: Documents. Lists of the repressed. Articles]. – Belgorod: Krest'yanskoye delo, 1999. – 125s. (In Russ.).
7. Kurskiye yeparkhial'nyye vedomosti [Kursk Diocesan Gazette]. – 1991. – №8. – S.1-4. (In Russ.).
8. Novyye mucheniki rossiyskiye: ... sobraniya materialov [New Russian martyrs: ... collections of materials] / sost. protopresv. M. Pol'skiy. – Jordanville, N.Y.: Holy Trinity monastery, 1949-1957gg. – 1949. – 287s. (In Russ.).
9. O proshlom pamyat' vozvrashchaya. Dokumenty. Spiski repressirovannykh. Stat'i / redkol.: Veyngol'd YU.YU. (gl. red.) i dr. – Belgorod: Krest'yanskoye delo, 2000. – 368 s. (In Russ.).
10. Mikhail Pol'skiy, protopresv. Novyye mucheniki Rossiyskiye [New Russian martyrs]. T.I. [Elektronnyy resurs]. – URL: www.paraklit.org/eres/MP/Poljskiy.Novie_mucheni_ki_Rossiyskie.t.1.htm. (data obrashcheniya: 18.11.2022). (In Russ.).
11. Mikhail Pol'skiy, protopresv. Novyye mucheniki Rossiyskiye [New Russian martyrs]. T.II. [Elektronnyy resurs]. – URL: www.paraklit.org/eres/MP/Poljskiy.Novie_mucheni_ki_Rossiyskie.t.2.htm. (data obrashcheniya: 18.11.2022). (In Russ.).
12. Subbotin P.YU. Svyashchennomuchenik Nikodim, yepiskop Belgorodskiy: zhizn', tragicheskaya gibel', obreteniye moshchey [Hieromartyr Nikodim, Bishop of Belgorod: Life, Tragic Death, Uncovering Relics]. Belgorod, Izdatel'skiy dom Belgorodskoy mitropolii, 2018. (data obrashcheniya: 18.11.2022). (In Russ.).
13. Tkach N.N. Novomucheniki i ispovedniki Belgorodskiy: zhitiya, podvigi i istoriya kanonizatsii [The New Martyrs and Confessors of Belgorod: Lives, Feats and the History of Canonization]. Dissertatsiya na soiskaniye akademicheskoy stepeni magistra teologii. – Belgorod, 2016. – 216s. (data obrashcheniya: 18.11.2022). (In Russ.).
14. Subbotin P.YU. Nikodim (Kononov) – svyashchennomuchenik, yepiskop Belgorodskiy [Nikodim (Kononov) - Hieromartyr, Bishop of Belgorod]. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://beleparh.ru/index.php/novosti/57-drugie-novosti/1988-nikodim-kononov-svyashchennomuchenik-episkop-belgorodskij>. (data obrashcheniya: 18.11.2022). (In Russ.).
15. Uголовный кодекс Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki ot 26.05.1922 goda [Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic dated May 26, 1922] [Elektronnyy resurs]. – URL: www.law.edu.ru/norm/norm.asp. (data obrashcheniya: 18.11.2022). (In Russ.).

БАУШОВ Руслан Борисович, аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: bpds-ozo@yandex.ru, AuthorID: 1103527

BAUSHOV R.B., Postgraduate Student of Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: bpds-ozo@yandex.ru

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ГОРОДА КУРСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

PROTEST MOVEMENT IN THEOLOGICAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE TOWN OF KURSK AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Аннотация. Целью статьи является определение степени участия воспитанников духовных учебных заведений города Курска в протестных движениях в Российской империи в начале XX века.

На основе архивных материалов анализируется история протестного движения в духовных учебных заведениях города Курска.

В целом протестное движение семинарий в начале XX века изучено довольно широко и в масштабах страны, и регионально, но локальное участие духовных учебных заведений г. Курска в этом процессе не исследовалось.

В данной работе раскрыта степень участия воспитанников Курской духовной семинарии и Курского епархиального женского училища в протестных движениях духовных учебных заведений в начале XX века.

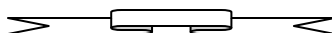
Ключевые слова: духовное образование, Курская духовная семинария, Курское епархиальное женское училище.

Abstract. The purpose of the article is to determine the participation degree of students of theological educational institutions of the town of Kursk in protest movements in the Russian Empire at the beginning of the 20th century.

The analysis of the history of the protest movement in theological educational institutions in Kursk is based on archival materials. The author emphasizes that in general, the protest movement in seminaries at the beginning of the 20th century is studied quite extensively nationwide and regionally, but the local participation of theological educational institutions in Kursk remains unexplored.

As a result, the author reveals the participation degree of the students of Kursk Theological Seminary and Kursk Women's Diocesan School in the protest movements in theological educational institutions at the beginning of the 20th century.

Keywords: theological education, Kursk Theological Seminary, Kursk Women's Diocesan School.

ВВЕДЕНИЕ

В наше время церковь отделена от государства, но в силу современных событий можно заметить потеплевшее отношение к ней со стороны государства. Это выражается в посещении руководителями страны и регионов православных храмов, монастырей, цитировании Священного Писания. Церковное руководство отвечает на это взаимностью, вознося за богослужениями молитвословия «о властях и воинстве». До Великой Октябрьской революции церковь являлась одной из опор государственного строя, но, несмотря на это, в духовных учебных заведениях складывалась атмосфера противостояния существующему строю. В изучении этого явления видится актуальность данной статьи, потому в ней исследуются биографические данные семинаристов, изучается возникновение и эволюция требований учащихся духовных учебных заведений города Курска в начале XX века, прослеживается их возникновение, оценивается значение протестного движения курских духовных учебных заведений в общем протестном движении семинарий.

Исследованию протестных движений в духовных учебных заведениях конца XIX – начала XX века посвящено немало работ. Зачастую они представляют обобщённую историю протестного движения центральных семинарий либо ярких региональных духовных учебных заведений. Некоторую информацию по данной теме можно почерпнуть и у исследователей студенческого движения светских учебных заведений, а также у исследователей первой русской революции. Среди них можно отметить Б. В. Татлинова, О. Д. Попову, А. Д. Попову, А. Г. Евдокимову, Д. В. Прахта, Т. А. Павленко и др.

**ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Последнюю четверть XIX – начало XX века можно охарактеризовать как период, в который протестное движение захватило как гимназии и университеты, так и духовные школы по всей стране. Революционным духом были охвачены не только семинарии, но и епархиальные женские училища. Выступления в Казанской, Санкт-Петербургской, Московской духовных семинариях были наиболее заметными. Сходки в классах других семинарий с выдвижением требований или в знак поддержки нашли отображение в воспоминаниях семинаристов. К наиболее известным из них можно отнести И. В. Джу-гашвили, А. И. Микояна, Н. И. Подвойского, С. В. Петлюру, В. И. Дзюбинского, М. В. Новорусского, М. Ф. Грачевского, Д. Т. Буцинского и многих других. Они являлись представителями разных семинарий страны: Тифлисской, Армянской, Черниговской, Полтавской, Каменец-Подольской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Курской и т. д. Перечень видных революционных деятелей с семинарским прошлым даёт понять, что революционным духом была заражена не только студенческая, но и семинарская среда. Парадоксально, но «у семинаристов составилось понятие о студентах, как о каких-то идеалах честности, благородства, гуманности» [19, С. 126], хотя подобные идеалы должны были воспитываться в семинарской среде. Тем не менее, имея такое представление о студенчестве и попадая в её среду, семинаристы легко впитывали революционные идеи.

К концу XIX – началу XX в. в семинарской среде наблюдаются сначала разрозненные, а затем более организованные выступления. Об организованности и зарождающейся централизации действий говорит общность требова-

ний, выдвигаемых разными семинариями. Это, прежде всего, требования, связанные с изменениями в учебном процессе, улучшением бытовых условий, отменой сословности при обучении в семинарии. Семинаристы настаивали на том, чтобы в учебном процессе были разделены богословские предметы и общеобразовательные. Причем программа общеобразовательных предметов должна включать достаточное для поступления в высшее светское учебное заведение количество предметов. Требовали предоставить право поступления в семинарии всем сословиям без ограничения, равно как и дать возможность выпускникам поступать в светские высшие учебные заведения независимо от сословия и разряда. Семинаристы выступали за расширение библиотечного фонда с включением в него всех разрешённых цензурой книг, а не только необходимых для учебного процесса, за введение товарищеского суда и разрешение присутствовать учащимся семинарии на педагогических советах. Таковы были общие для семинарий требования, но они немного разнились в зависимости от региона. Так, например, в кавказских семинариях Тифлиса и Кутаиси, наряду с этими требованиями, высказывались и националистические. Тифлисские семинаристы были против обучения в семинарии русских и осетинских воспитанников, требовали ввести изучение грузинской словесности и литературы, ввести преподавание предметов на грузинском языке [21, С. 70]. В Кутаисской семинарии националистические настроения пошли намного дальше. С началом Русско-японской войны семинаристы Кутаиси организовывали демонстрации в поддержку Японии. В результате такого настроения среди семинаристов Священный Синод принял решение закрыть семинарию в Кутаиси [21, С. 88].

Выступления с общесеминарскими требованиями начались ещё в 1899–1900 годах в Волынской, Томской, Тульской духовных семинариях. Эти выступления сначала были разрозненными. В Курской семинарии в мае 1902 года также наблюдались небольшие беспорядки, вызванные соучастием в деятельности более активных семинарий, таких как Казанская, Нижегородская, Тифлисская. Реакцией на эти требования курских семинаристов была напутственная речь ректора семинарии протоиерея Иакова Новицкого. В своем выступлении он дал выпускникам семинарии три совета:

1. Осторожно пользоваться данной свободой и не видеть смысла жизни во «внешних благах».
2. Не уклоняться от священнического служения, так как родились в семье духовенства и этот путь уже предначертан.
3. Продолжать самообразование [9, С. 542].

В этих наставлениях видно желание начальства внушить семинаристам покорность тем правилам, что существовали в обществе, среди которых – сословность учащихся в семинариях, отсутствие возможности у выпускников поступить в светское учебное заведение. Попытки семинаристов что-то изменить трактуются как стремление к «внешним благам».

Если требования, которые выдвигали семинаристы с 1899 по 1904 год, касались в большей степени изменений в учебном процессе, улучшения условий быта и независимости семинаристов от начальства, то к 1905 году в них всё более стали замечаться политические веяния, вектор повернулся к смене существующего строя, к свержению царской власти. Стали возникать внутрисеминарские организации, которые имели центра-

лизированное управление, впоследствии вылившееся во Всероссийский общесеминарский союз. Центрами деятельности союза были последовательно Казань, Владимир, Вятка. Союз был настолько активен, что привлёк внимание жандармерии. Снизить активность работы общесеминарского союза стало возможно только после ареста самых активных его членов в Вятке в мае 1907 года. Дальнейшая деятельность бунтующих семинарий проходила уже не так активно и к 1908 году практически затихла.

Январские выступления 1905 года в Санкт-Петербурге нашли свой отклик в регионах, волной цунами распространяясь по стране. Не обошли они стороной г. Курск и Курскую духовную семинарию. «В Курске 12 февраля произошли антиправительственные беспорядки. Вышедшие на уличную демонстрацию учащиеся духовной и учительской семинарии, гимназисты подверглись разгону полицией и черносотенцами, что вызвало негодование среди населения» [8, С. 25]. Средние учебные заведения были временно закрыты. Реакцией на действия полиции и черносотенцев было собрание родителей и педагогов, на котором родители, выступая в защиту своих детей, решили поддержать их требования легализации сходов, необязательного посещения храмов, педагогам рекомендовалось более гуманное отношение к учащимся.

Брожения среди семинаристов не утихли ни после выпускных экзаменов, ни после летних каникул. С началом учебного года вновь начались семинарские бунты. «Ввиду нежелания учеников спокойно продолжать учение» с 9 октября 1905 года в Курской духовной семинарии временно прекращены занятия [1, С. 9]. Закрытие учебных заведений не являлось требованием семинаристов, зачастую такие меры предпринимались администрацией

учебных заведений для того, чтобы прекратить бунты, не дать возможности коллективного общения семинаристам, их массовым собраниям. Очень часто лица, желающие организовать митинги или демонстрации, использовали массовые собрания людей, всевозможные съезды, сходы зачастую аполитизированных организаций с целью пропаганды своих идей, возмущения народа и увлечения за собой. Несмотря на то, что в Курской семинарии волнения прошли сравнительно спокойно, политический след в них явно прослеживался.

По материалам ГАКО за 1905–1906 годы Курским губернским жандармским управлением было заведено три дела по обвинению учеников Курской духовной семинарии в хранении и распространении прокламаций революционного содержания. Дело по обвинению семинариста Шевченко К. В. было возбуждено 21 августа 1905 года, он был обвинен в распространении прокламации партии эсеров. Дело по обвинению семинариста Булгакова Б. П. было возбуждено 24 марта 1906 года, он также был обвинен в распространении прокламации партии эсеров. Дело по обвинению семинариста Коваленко Г. С. о распространении революционной прокламации было возбуждено 8 апреля 1906 года.

Семинаристы были обвинены по статьям 121, 132 и 130 Уголовного уложения от 1903 года, в которых осуждены действия «виновных в неоставлении публичных скопищ, от которых потребовано было полицейской властью, чтобы они разошлись», в «распространении или сочинении учений, подвигающих к бунтовществу или низвержению существующей власти».

Так, семинарист Шевченко Константин Васильевич был переведен во второй класс Курской духовной семинарии по первому разряду,

числился среди лучших учащихся [10, С. 14]. Константин был схвачен 30 августа 1905 года во время митинга, который начался в слободе Борисовка Грайворонского уезда после съезда официального общества вспомоществования учащим и учащимся. В митинге участвовало до 500 человек, толпа сначала пела «Боже, царя храни», а затем – революционные песни. Впоследствии начались беспорядки, были выбиты окна в доме священника, в усадьбе графа Шереметьева, поломаны заборы, разбита винная казённая лавка, из которой украдено 50 вёдер вина. После полуночи толпа разошлась, а на столбах были обнаружены листовки крестьянского союза партии социалистов-революционеров с призывами к смене царской власти [3, С. 6]. Константин Шевченко был обвинен в пении революционных песен по статье 121 Уголовного уложения, согласно которой ему грозило до трёх лет заключения в крепость или тюрьму [22, С. 217].

Семинарист Булгаков Борис Петрович, сын священника, был переведён в четвёртый класс Курской духовной семинарии по второму разряду [10, С. 9]. Борис Булгаков был арестован 24 марта 1906 года после обыска. При обыске в квартире семинариста было найдено около 400 единиц прокламаций партии социалистов-революционеров с антиправительственным содержанием. Был отпущен под залог в 300 рублей, внесённый его отцом. В ходе расследования в деле появляются новые личности, и оно объединяется с делом о военной организации в городе Курске [4, С. 20]. Несмотря на такой серьёзный поворот, Борис Булгаков был обвинён по статье 132 Уголовного уложения в хранении пропагандистской литературы, согласно указанной статье ему грозило до трёх лет заключения в крепость [22, С. 240].

Семинарист Коваленко Григорий Семено-

вич был переведён в пятый класс Курской духовной семинарии по второму разряду [10, С. 6]. Григорий Коваленко был арестован 8 апреля 1906 года после обыска. При обыске у него найдены противоправительственные прокламации. Его вина усугублялась тем, что он не просто хранил запрещённую литературу, а давал её читать крестьянам. Поэтому к нему была применена статья 130 Уголовного уложения, согласно которой ему грозила ссылка на поселение или до трёх лет пребывания в исправительном доме. Григорий был отпущен под залог в 500 рублей [6, С. 8 об.].

Об участии семинаристов в беспорядках доносилось руководству семинарии. Зачастую ставился вопрос об их отчислении, помешать которому могло ходатайство родственников. Шевченко Константин не был отчислен и находится в списке обучающихся третьего класса в 1906 году [14, С. 374]. Булгаков Борис также переведён в пятый класс [14, С. 371]. Коваленко Григорий переведён в шестой класс [14, С. 370]. Борьба семинаристов за свои права и свободы, за удовлетворение своих требований обратила на себя внимание и имела свои последствия. 3–4 ноября 1905 года в городе Курске был собран общепархиальный съезд духовенства с представителями от мирян. На повестке съезда стоял вопрос о «желательных изменениях в строе духовно-учебных заведений». За основу работы съезда были взяты предложения по реорганизации духовно-учебных заведений, разработанные педагогическим советом Курской духовной семинарии, постановления 2-го благочиннического округа Тимского уезда о желательных и необходимых изменениях в духовно-учебных заведениях, докладная записка воспитанников Курской духовной семинарии об изменениях в строе учебного заведения и о праве поступления семинаристов в высшие

учебные светские и духовные заведения.

Итоги работы съезда можно коротко изложить в следующих положениях:

- Признать желательным полное отделение богословских курсов от общеобразовательных с оставлением в курсе общеобразовательном только тех богословских предметов, которые необходимы вообще для правильного понимания христианства (священная и церковная история, катехизис, церковный устав). Для богословских курсов по возможности организовать отдельный институт. Допустить поступление в богословский институт всех желающих лиц православного исповедания, окончивших курс средней общеобразовательной школы, без различия сословий. Аналогичным образом предоставить право поступления в семинарии всем сословиям и званиям без процентного ограничения.

- Ходатайствовать о допущении воспитанников семинарии в высшие светские учебные заведения после окончания ими четырёх классов с соответствующим немедленным изменением учебных программ. Отменить переводные экзамены, кроме выпускных экзаменов 4-го и 6-го классов с отменой деления на разряды.

- Ввести выборное начало при определении ректоров, инспекторов, смотрителей и помощников духовно-учебных заведений и всего преподавательского состава с участием в выборах начальствующих и должностных лиц, представителей от духовенства, избранных епархиальным съездом. Увеличить в педагогических советах число представителей от духовенства до шести человек.

- Желательно увеличить число духовных академий и открыть свободный доступ в них воспитанникам семинарии без деления на разряды, а также женатым священнослужителям. Убрать из учебной программы Пасхалию,

Библейскую историю и греческий язык. Расширить курс истории новейшей литературы. Допустить в семинарской библиотеке наличие всех книг, разрешённых цензурой, а также выпуск газет и журналов по выбору воспитанников с согласия педагогического совета. Разрешить семинаристам посещение публичных библиотек, театра, концертов, лекций, музыкальных и литературных кружков.

- Заменить принудительные методы воспитания методами убеждения в необходимости нравственного поведения. Установить товарищеский суд. Допустить уполномоченных от воспитанников к присутствию на педагогических советах в тех случаях, когда обсуждаются дисциплинарные проступки воспитанников [11, С. 13].

Конечно, некоторые решения съезда могли быть воплощены в жизнь в ближайшем будущем, а иные требовали коренных реформ в сфере духовного образования. В Священный Синод было направлено соответствующее обращение с просьбой разрешить выпускникам семинарии и воспитанникам 4-х классов поступать в новом учебном году в светские университеты наравне с гимназистами. Эта мера считалась единственно действенной в сложившейся ситуации, удовлетворив которую, можно говорить о возобновлении прерванных в семинарии занятий.

На этом не окончилась работа по решению семинарских проблем, тем более что некоторые из них требовали финансовых затрат, которые ложились бременем на приходы епархии. На повестку дня всех окружных по благочиниям собраний духовенства и мирян Курской епархии были внесены на обсуждение следующие вопросы:

- пополнение ученической библиотеки книгами научного и беллетристического содержания. Обустройство читальных залов с выпус-

кой периодических изданий научного и беллетристического содержания;

- улучшение освящения и отопления в общежитиях. Усиление надзора за чистотой в классах, спальнях, комнатах и других помещениях, для чего требуется увеличение количества прислуги. Приобретение чайной посуды для воспитанников, шкафов для её хранения, а также дополнительных комплектов столового и спального белья;

- улучшение аптеки лекарствами и инструментом. Выдача лекарств по рецептам семинарских врачей. Привлечение в семинарскую больницу лучших врачей, обустройство при ней собственной кухни, квартиры для фельдшера и увеличение числа служителей для больницы [12, С. 490].

В декабре 1905 года Святейший Синод опубликовал свои постановления, согласно которым воспитанникам духовных семинарий дано право поступать во все российские императорские университеты. Министр народного просвещения не установил единых правил приёма воспитанников семинарий, а отдал это на откуп руководству каждого отдельно взятого университета и даже позволил каждому факультету выработать свои требования к абитуриентам из духовных семинарий. Святейший Синод призвал в закрытых семинариях возобновить учебный процесс после рождественских каникул. В случае продолжения семинарских выступлений дано распоряжение начать учебный процесс только в следующем учебном году [13, С. 13]. В Курской семинарии занятия возобновились.

Постановления общепархиального съезда духовенства Курской епархии и мирян, прошедшего 3–4 ноября 1905 года коснулись и положения Курского епархиального женского училища. Было признано за лучшее изменить 6-летнее образование в училище на 8-летнее

и согласовать программу училища с гимназической, отменить переводные экзамены и расширить ученическую библиотеку, ввести выборы при определении начальствующих должностных лиц, воспитательского и преподавательского состава, допустить к поступлению в училище лиц всех сословий, ввести занятия по цветоводству, садоводству, огородничеству и уроки танцев, приглашать для училища врачей женского пола [11, С. 16]. Стоит сказать, что данные решения были приняты заодно с семинарскими и не подверглись глубокой проработке. Работа над ними ещё только предполагалась. Дальнейшие события покажут, что съезд двигался в нужном направлении, но своими решениями не смог удовлетворить всех запросов воспитанниц училища.

«В вихрь революционных движений были втянуты как мужские, так и женские духовные учебные заведения. В 1905–1907 гг. волнения среди семинаристов носили массовый характер и имели место в Каменец-Подольском, Вятке, Тифлисе, Рязани, Смоленске, Москве, Екатеринославле Самаре, Полтаве, Харькове, Ярославле, Саратове, Владимире, Витебске и других городах. Сведения о волнениях в женских епархиальных училищах не нашли такого яркого отражения в периодике» [18, С. 48]. Но в делопроизводстве Священного Синода есть материалы, говорящие о некоторых выступлениях среди воспитанниц женских епархиальных училищ. Приводится порядка десятка училищ из Твери, Курска, Симбирска, Архангельска, Тифлиса, Пензы, Ржева и других городов, недовольства воспитанниц в которых дошли до Священного Синода. Требования воспитанниц епархиальных училищ носили характер, аналогичный семинарским, но в них в большей степени высказывалось недовольство бытовыми условиями и администрацией училищ. Стоит отметить, что личностные вза-

имоотношения, грубость и несправедливость легко ранят подростковую душу, склонную к максимализму, поэтому недовольство администрацией женских училищ, а особенно надменностью и жестокостью начальниц и воспитательниц, описано в письмах Синоду очень красочно. Относительно Курского епархиального женского училища можно сказать, что его начальница Вера Фёдоровна Беспальчева описана как высокомерная дама, заставляющая воспитательниц целовать себе руки, этого же воспитательницы требовали по отношению к себе и от воспитанниц. Вера Фёдоровна поощряла доношительство и сквозь пальцы смотрела на грубое отношение воспитательниц к воспитанницам [20, С. 35]. Подобные нравы не могли быть изменены сиюминутно, так как воспитательницами зачастую становились сами бывшие воспитанницы.

Недовольства в Курском епархиальном женском училище высказывали воспитанницы 5-го и 6-го классов. Они были удручены теснотой в старых помещениях училища, про это знало и руководство, и ревизионные комиссии съезда духовенства, но число воспитанниц с каждым годом только увеличивалось. Были высказаны претензии в адрес начальницы училища В. Ф. Беспальчевой и некоторых воспитательниц за их грубость. В состав женского училища входил приют для необразованных сирот духовенства – великовозрастных девиц, которые исполняли роль прислуги. Эти сироты тоже приняли участи в беспорядках, так как им сложно было смириться с тем положением, что они должны были прислуживать иной раз своим же родственницам, которые в этом случае воспринимались как барыни.

Претензии воспитанницы изложили в виде петиции и подали на Совет епархиального училища. Своих дочерей решили поддержать

родители, они предали огласке проблемы женского училища, направив в 5 февраля 1906 года соответствующее письмо обер-прокурору. Впоследствии в журнале «Курские вести» (№ 13 за 1906 год), в «Курских епархиальных ведомостях» (№ 38 за 1906 год), а затем в журнале «Век» (№ 19 за 1907 год) появилось анонимное письмо от лица духовенства Курской епархии, в котором говорилось о нестроениях в Курском епархиальном женском училище, в котором обучались в основном дочери духовенства. Высказывались претензии к деятельности съезда духовенства Курской епархии, а также к начальнице училища В. Ф. Беспальчевой и к некоторым воспитателям.

На обсуждение епархиального съезда, который с 1900 по 1906 год собирался 5 раз, постоянно выносились одни и те же вопросы – о недостаточности финансирования епархиального женского училища, о ветхости имеющихся зданий, о плохих санитарных условиях из-за недостатка места, о постоянной болезненности воспитанниц, о необходимости расширения здания с 200 до 600 воспитанниц, о покупке усадеб для этого. Но череда всевозможных обстоятельств не давала осуществиться этому замыслу. Несколько лет специально выбранная строительная комиссия занималась подбором удобного места, предлагаемые варианты широко обсуждались на съездах, не всегда при этом члены съезда были единомышленниками. Необходима была обязательная резолюция съезда, так как финансовое бремя покупки усадеб ложилось на плечи Курского духовенства. После принятия окончательного решения и получения согласия хозяев усадеб выяснялось, что у них готовы не все документы, а владельцы некоторых повышали цены. Покупка усадеб снова откладывалась, и условия жизни воспитанниц оста-

вались прежними.

Вторым злободневным вопросом было взаимоотношение начальницы училища В. Ф. Беспальчевой и некоторых воспитательниц с воспитанницами, особенно «призреваемыми девицами». При Курском женском епархиальном училище существовал единственный в своём роде институт призреваемых девиц. Он состоял из взрослых девиц-сирот духовного звания, не получивших образования. Таковых набиралось ежегодно не более 20 человек. Их обеспечивали жильём, одеждой и пропитанием, а они исполняли роль комнатной прислуги. В их обязанности входило: уборка комнат, постелей, белья, прислуживание другим воспитанницам при трапезах; они носили дрова, топили печи, сушили бельё, убирали дома, шили одежду младшим воспитанницам. Даже после увеличения числа воспитанниц (более 200) и найме дополнительной прислуги отягощающих обязанностей у призреваемых девиц было настолько много, что в сентябре 1906 года они подали в Совет училища петицию с просьбой освободить их от всех работ, кроме шитья [16, С. 83].

Нестроения в Курском епархиальном женском училище не остались без внимания Учебного комитета и Святейшего Правительствующего Синода. Каждый из этих органов управления назначил своих проверяющих.

Направленный для ревизии член Учебного комитета пояснил, что такой институт призреваемых девиц не имеет никакого основания для существования и никак не прописан в уставе женских училищ. И вообще слияние училища и приюта – нонсенс, не имеющий аналогов среди училищ. Данное дело получило дальнейшее продолжение, и для ревизии Курского епархиального женского училища был направлен действительный статский советник Тихомиров. Итогом его приезда стал

Указ Его Императорского Величества на имя правящего архиерея об отделении от училища «рабочего дома для возрастных сирот духовенства» [15, С. 182].

По поводу неприемлемых условий содержания воспитанниц женского училища из-за затянувшегося строительства новых зданий училища было также принято решение на уровне Святейшего Правительствующего Синода, который поручил следить за строительством комиссиям, назначенным правящим архиереем, а не съездом духовенства. Такая мера должна была привести к скорейшей постройке новых зданий, так как съезд для решения подобных вопросов собирался раз в год, и комиссия отчитывалась перед съездом, а теперь архиерей мог непосредственно контролировать процесс постройки новых зданий [17, С. 106].

Обвинения в отношении начальницы училища В. Ф. Беспальчевой остались без последствий, как наговоры, носящие личный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя состояние духовных учебных заведений города Курска в начале XX века, можно увидеть, что учащиеся духовной семинарии и епархиального женского училища не остались в стороне от общего протестного движения того времени. В семинарском движении в начале, а в епархиальном училище и впоследствии вопросы, выносимые на обсуждение общественности, были больше не революционного, а бытового характера. В них не высказывались мысли о свержении существующей власти, а была лишь попытка обратить внимание на тяжесть условий жизни, быта, учёбы, недостаточное питание, уравнивание в правах сословий. Целью не ставилось свержение государственной власти, а было

лишь желание обратить внимание на проблемы. Но уже к 1905 году и далее в умах семинаристов всё больше появляется революционных идей, они становятся на путь социально-революционных преобразований. Стоит отметить, что ни Курская семинария, ни женское епархиальное училище не были в авангарде революционного движения, что в какой-то степени удивительно, так как в близлежащих семинариях Харькова, Воронежа, Орла проходили довольно серьёзные выступления учащихся, а харьковские семинаристы разъезжались по семинариям страны с агитацией. Тем не менее учащиеся духовных учебных заведений города Курска не остались в стороне от общего протестного движения в стране.

Библиография / References:

1. 1905 год в Курской губернии: сб. ст. – [Б. м.]: Советская деревня, – 1925. – 123 с.
2. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 286. Л. 1–12.
3. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 286. Л. 5–7.
4. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 365. Л. 20.
5. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 365. Л. 1–20.
6. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 375. Л. 8 об.
7. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 375. Л. 1–8.
7. Евдокимова А.Г. Общие черты и местная специфика проявлений революции 1905 г. в российской провинции на типичном примере Курской губернии // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2015. – № 4 (36). – С. 25–31. – EDN VAXGWR.
8. Курские епархиальные ведомости. – 1902. – № 26. – С. 539–544.
9. Курские епархиальные ведомости. – 1905. – № 22. – С. 1–21.
10. Курские епархиальные ведомости. – 1905. – № 39–40. – С. 3–16.
11. Курские епархиальные ведомости. – 1905. – № 49–52. – С. 489–493.
12. Курские епархиальные ведомости. – 1906. – № 2. – С. 11–13.
13. Курские епархиальные ведомости. – 1906. – № 28. – С. 368–405.
14. Курские епархиальные ведомости. – 1907. – № 11. – С. 181–182.
15. Курские епархиальные ведомости. – 1907. – № 5. – С. 82–84.
16. Курские епархиальные ведомости. – 1907. – № 6. – С. 106–106.
17. Попова О.Д., Попова А.Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX века) // Новый исторический вестник. – 2017. – № 2 (52). – С. 39–56.
18. Революционное народничество 70-х годов XIX века (1876–1882 гг.). – Т. 2. Под ред. Волка С.С. – М.: Наука. – 1965. – 472 с.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 22. Л. 35.
20. Титлинов Б.В. Молодёжь и революция. 1860–1905 гг. – Ленинград: Государственное издательство, 1924. – 167 с.
21. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. – СПб.: Издание Н. С. Таганцева. – 1904. – 1125 с. – <https://www.litres.ru/n-tagancev/ugolovnoe-ulozhenie-22-marta1903/?ysclid=lbb0vr77w1610178386> (дата обращения: 10.11.2022).
1. 1905 god v Kurskoy gubernii [1905 in the Kursk province]: sb. st. – [B.m.]: Sovetskaya derevnya, 1925. – 123s. (In Russ.).
2. GAKO (Gos. Arkh. Kursk. obl.). [State Arch. Kursk region] F.1642. Op1. D.286. L.1–12. (In Russ.).

3. GAKO. F.1642. Op.1. D.286. L.5–7. (In Russ.).
4. GAKO. F.1642. Op.1. D.365. L.20. (In Russ.).
5. GAKO. F.1642. Op.1. D.365. L.1–20. (In Russ.).
6. GAKO. F.1642. Op. 1. D.375. L. 8ob. (In Russ.).
7. GAKO. F.1642. Op. 1. D.375. L.1–8. (In Russ.).
8. Yevdokimova A.G. (2015) Obshchiye cherty i mestnaya spetsifika proyavleniy revolyutsii 1905g. V Rossiyskoy provintsii na tipichnom primere Kurskoy gubernii [Common features and local specifics of the manifestations of the revolution of 1905. In the Russian province on a typical example of the Kursk province] // Uchonyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. – №4(36). – S.25–31. – EDN VAXGWR. (In Russ.).
9. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti [Kursk Diocesan Vedomosti]. – 1902. – №26. – S.539–544. (In Russ.).
10. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1905. – №22. – S.1–21. (In Russ.).
11. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1905. – №39–40. – S.3–16. (In Russ.).
12. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1905. – №49–52. – S.489–493. (In Russ.).
13. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1906. – №2. – S.11–13. (In Russ.).
14. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1906. – №28. – S.368–405. (In Russ.).
15. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1907. – №11. – S.181–182. (In Russ.).
16. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1907. – №5. – S.82–84. (In Russ.).
17. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1907. – №6. – S.106–106. (In Russ.).
18. Popova O.D., Popova A.D. (2017) Buntuyushchaya seminariya: protestnoye dvizheniye v dukhovnykh uchebnykh zavedeni-yakh (vtoraya polovina XIX – nachalo KHKH vekov) [Rebellious Seminary: Protest Movement in Theological Educational Institutions (second half of the 19th – early 20th centuries)] // Novyy istoricheskiy vestnik. – №2(52). – S.39–56. (In Russ.).
19. Revolyutsionnoye narodnichestvo 70-kh godov XIX veka (1876–1882 gg.) [Revolutionary populism in the 70s of the XIX century (1876–1882)]. – T. 2. Pod red. Volka S.S. – M.: Nauka. – 1965. – 472s. (In Russ.).
20. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). [Russian State Historical Archive] F.802. Op.10 (1906). D.22. L.35. (In Russ.).
21. Titlinov B.V. (1924) Molodozh' i revolyutsiya. 1860–1905 gg [Youth and Revolution. 1860–1905]. – Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo. – 167s. (In Russ.).
22. Ugolovnoye ulozheniye 22 marta 1903 goda [Criminal code of March 22, 1903]. – SPb.: Izdaniye N.S. Tagantseva. – 1904. – 1125s. <https://www.litres.ru/n-tagancev/ugolovnoe-ulozhenie-22-marta-1903/?ysclid=lb0vr77w1610178386> – (Data obrashcheniya: 10.11.2022). (In Russ.).

УДК 351.74(470):34.07(091)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-1-144-156

АРОНОВ Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru, AuthorID: 262263

АСТРАХАН Владимир Иванович, доктор исторических наук, зав. кафедрой национальной безопасности, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: vianostra@mail.ru

ARONOV D.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru, AuthorID: 262263

ASTRAKHAN V. I., Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of National Security, Orel State University named after I. S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: vianostra@mail.ru, AuthorID: 262263

**ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НКВД СССР –
РЕШЕНИЯ ВЫСШИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ КАК ИСТОЧНИК СОВЕТСКОГО ПРАВА**

**THE HISTORY OF LEGAL SUPPORT OF THE ACTIVITIES OF THE NKVD OF THE USSR -
DECISIONS OF THE HIGHEST PARTY BODIES AS A SOURCE OF SOVIET LAW**

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении места и роли в нормативно-правовом обеспечении деятельности НКВД. Особое внимание здесь уделяется такому источнику советского права, как решения высших руководящих органов правящей партии. В исследовании приводится характеристика видов партийных решений как источников советского права. На примере нормативно-правового обеспечения деятельности органов государственной безопасности поддерживается теоретический подход, в рамках которого предлагается ввести в число источников советского права «партийные нормативные правовые акты». Автором доказано, что даже в условиях решающей роли партийного руководства в формировании законодательства, регламентирующего деятельность НКВД, партийные нормативные правовые акты (НПА) зачастую напрямую противоречили нормам Конституции 1936 года, общим принципам права. Делается общий вывод о том, что совместные партийно-правительственные решения в форме совместных постановлений Политбюро ВКП(б) и СНК СССР были основными актами, формировавшими нормативную базу функционирования органов госбезопасности

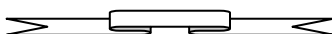
Ключевые слова: НКВД, нормативно-правовая база, решения руководящих органов коммунистической партии.

Abstract. The purpose of the article is to identify the place and role in the legal support of the activities of the NKVD.

Particular attention is paid to such a source of Soviet law as the decisions of the highest governing bodies of the ruling party. The study provides a description of the types of party decisions as sources of Soviet law. On the example of the legal support of the activities of state security agencies, a theoretical approach is supported, within the framework of which it is proposed to introduce "party normative legal acts" into the number of sources of Soviet law. The author proves that even in the conditions of the decisive role of the party leadership in the formation of legislation regulating the activities of the NKVD, party normative legal acts often directly contradicted the norms of the Constitution of 1936, the general principles of law.

As a result, the author comes to the conclusion that joint party-government decisions in the form of joint resolutions of the Politburo of the AUCP(b) and the Council of People's Commissars of the USSR were the main acts that formed the regulatory framework for the functioning of state security agencies.

Key words: NKVD, legal framework, decisions of the governing bodies of the Communist Party.

ВЕДЕНИЕ

На протяжении многих тысячелетий право является важнейшим регулятором самых разнообразных человеческих отношений, особенно тех, которые общество (на разных исторических этапах под ним понимается различная часть от всего населения) в лице государства считало достойными особо высокого уровня защиты. Как известно, право отличается от иных регуляторов общественных отношений, прежде всего, обязательностью, обеспеченной принудительной силой государства, а также тем, что, как правило, имеет строго определённую и очень высокую степень формализации. У каждого общества на определённом этапе развития можно найти черты, которые определяют специфическое отличие его права, правовой системы от других социумов и от других периодов в его же истории. Есть такие отличия и в истории российского социума. В этот период право, как таковое, существующее в легистском варианте, является элементом политико-правовой надстройки советского социума. И хотя источником права в первые постреволюционные годы считалось революционное правосознание, по мере укрепления государственного механизма, ядром которого де-факто являются высшие органы правящей политической партии, источником права становятся их властные веления, используемые в процессе государственного управления обществом. Однако говорить о том, что данный тезис является общепринятым, не приходится.

Одной из дискуссионных проблем в развитии советского права является понимание его особой природы (и, соответственно, источников), определённой не формальными установлениями государственной власти в духе юридического позитивизма (легизма), а реальными условиями общественной жизни со-

ветского социума в конкретном хронологическом периоде. Применительно к проблематике настоящей статьи речь идёт о такой сравнительно малоизученной теме [22, 7, 8], как место и роль в системе советского права документов, связанных с результатами деятельности Коммунистической партии Советского Союза. В данном случае мы имеем в виду все ипостаси правящей коммунистической партии (РКП(б), ВКП(б), КПСС) и, соответственно, оставляем за пределами рассмотрения изменения в структуре руководящих органов партии, официальных партийных наименованиях и их персональном составе.

Строго говоря, далеко не всякий партийный документ может быть квалифицирован в качестве источника права. Проведённый современными правоведами анализ партийных актов с позиций определения степени их нормативности показывает, что мы имеем дело с целой иерархией актов, хотя и не имеющей юридически определённой иерархизации. Однако применение к подобным партийным актам совокупности признаков нормативности, устоявшихся в современной теории государства и права, даёт возможность использовать классификацию партийных документов, идентифицируемых нами как источники права.

К периоду функционирования Советского государства и права представляется возможным отнести четыре формы участия коммунистической партии в правотворчестве: 1) отражение в НПА стратегии и тактики социального реформирования, разработанного и сформулированного соответствующими партийными органами; 2) прямое участие партийных органов в создании НПА различных видов. Парторганы могли полностью и самостоятельно разработать соответствующий текст либо внести представлявшие им нужными изменения в текст акта, разработанного в

рамках правотворческой процедуры, закреплённой действующим законодательством за определённым государственным органом; 3) наиболее близкое к пониманию нормы права издание совместных постановлений партийных и государственных органов, о правовой природе каковых дискуссия идёт со времён СССР. Интересная деталь здесь состоит в том, что место партии в реквизитах документа может быть вторым, но ориентироваться на этот формальный признак явно не стоит; 4) выделяют также самостоятельную правотворческую деятельность партии как вполне самостоятельного полноправного субъекта законотворческого, а по сути, законодательного процесса. Примером здесь служат самостоятельные решения пленумов и съездов партии, в том числе по хозяйственным вопросам (управление производством, регулирование уровня зарплаты, безработицы), вопросам профессионального образования и управления вузами.

Для нашей статьи, посвящённой нормативно-правовой базе деятельности НКВД, данный сюжет исключительно важен, в силу того что регулирование деятельности столь значимого органа исполнительной власти происходит с помощью весьма большого количества нормативно-правовых актов, уже в названиях которых отразился их двойственный характер ввиду участия как государственных, так и партийных органов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В изучаемый в статье исторический период право – это неотъемлемый элемент государственной политики, формируемый при прямом участии высших органов руководства ВКП(б) в законотворческой и законодательной деятельности госорганов. Пример приведён выше во введении, где указано, что создание

НКГБ сначала в феврале было принято Политбюро, а в марте были внесены соответствующие изменения в Конституцию СССР. Таким образом, выстроив формальную иерархию нормативных актов по их юридической силе, новая власть не считала необходимым её формальное соблюдение, руководствуясь принципом политической целесообразности, который формировался исходя из субъективных представлений советского партийно-государственного руководства. Эту мысль хорошо выразил основоположник Советского государства и автор ряда теорий его развития В. И. Ульянов-Ленин, который писал: «Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии» [22, С. 30]. Советское право этого периода, несомненно, было концентрированным выражением политики, которую определяло руководство ВКП(б), но, как правило, в лице даже не Центрального комитета, а узкого круга членов Политбюро. После же победы И. В. Сталина над главными политическими оппонентами этот процесс во многом определялся им фактически единолично.

Изменения в социально-политическом устройстве, системе государственного управления тридцатых годов прошлого века коренным образом трансформировали и советскую правовую систему, в том числе в части теоретических представлений о природе и сущности права, сформировавшихся в рамках марксистского правоведения постреволюционного десятилетия. В данном случае право определялось как «совокупность общеобязательных правил поведения (норм), установленных социалистическим государством и выражающих материально обусловленную и направляемую коммунистической партией

волю трудящихся масс во главе с рабочим классом и охраняемых от нарушения принудительной силой государства» [2, С. 128]. Данной дефиниции имманентно присуще теоретическое обоснование использования права (понимаемого как совокупность норм, содержащихся в издаваемых государством нормативных актах различного вида) как средства обеспечения административно-командных методов управления государством социальными процессами, происходящими в обществе.

Основные тенденции в развитии права, которые можно отметить применительно к рассматриваемому в работе периоду государственного строительства в СССР, связанному с реформированием системы органов государственной безопасности:

1. Для законодательства этого периода крайне сложно разделить закон как таковой и то, что в юриспруденции называется подзаконными нормативными актами. Ранее, в двадцатые годы прошлого века, существовала точка зрения, суть которой сводилась к тому, что в государстве нового типа, т. е. советском, закон – это любой акт общего нормативного характера, который может исходить от любого государственного органа [1, С. 46]. В данном случае современные исследователи считают, что нормативные акты, которые были приняты высшими органами власти Советского государства, а это, соответственно, съезды Советов, ВЦИК (ЦИК – (Всесоюзный) Центральный исполнительный комитет), Президиум ЦИК, являются законами. Следовательно, акты, изданные по современной классификации органами исполнительной власти, т. е. Советом народных комиссаров (СНК), – это акты подзаконные. Собственно, они, по сути, конкретизируют и развивают положения союзных и республи-

канских законов. Вместе с тем экстраполяция современных представлений о системе и иерархии нормативно-правовых актов на изучаемый в работе период не вполне корректна. Как отмечает О. Н. Мигущенко, «пестрота, вермишельность и лоскуточность» нормативных актов, принятых в 1920–1930-е гг. [11, С. 24], на практике приводили к отсутствию какой-либо системности и строго выраженной иерархичности в системе действовавших нормативных актов.

Важным шагом к повышению степени иерархичности, формализации в данном вопросе стало принятие 5 декабря 1936 года и введение в действие Конституции СССР. В ней, соответственно, содержались основы как для изменения самих названий источников права, так и для гораздо более подробной и формализованной регламентации нормотворчества всей системы органов государственного управления. Однако так или иначе, но именно Конституция выступила в целом базовой основой системы источников советского права. Она содержала перечень видов нормативных актов, их соответствующие определения применительно ко всем звеньям весьма развитой системы органов государственного управления СССР. Так, например, статьи 39, 40, 49, 66 Конституции СССР определяли, что Верховный Совет СССР принимал законы, а его руководящий орган, а именно Президиум ВС СССР, – указы.

Высший орган исполнительной власти – СНК СССР – принимал постановления и распоряжения, отраслевые органы управления, народные комиссариаты (в 1946 году им на смену придут министерства) принимали приказы и инструкции [6]. Следует отметить, что постановления СНК принимались именно на основе и во исполнение действующих законов, соответственно, приказы наркоматов –

как на основе и во исполнение действующих законов, так и на основе постановлений и распоряжений, изданных СНК (правительством) СССР. Не был забыт и такой важный правовой принцип, как подзаконность, который в Конституции СССР 1936 г. был сформулирован в статьях 66, 73, 81, 85, 98, которыми на основании степени юридической силы устанавливалась иерархия советских нормативных актов. Отмечалось, что это сделано именно для обеспечения гарантий порядка в процессе реализации государственными органами своей законодательной функции. Однако ввиду полного отсутствия в СССР механизма контроля за соблюдением данного принципа это неизбежно привело к расширительному толкованию понятия закона. По сути, несмотря на упомянутые ранее нормы Конституции 1936 года, законом мог считаться практически любой НПА, включённый в систему советского законодательства. Это многократно усиливало значение, место и роль подзаконных актов в качестве источников права, что стало основой появления и исключительно широкого распространения, в том числе, как будет далее показано в работе, в деятельности органов государственной безопасности, такого феномена, как «незаконно подзаконные» акты [10, С. 124].

2. В ст. 126 Конституции 1936 года было сформулировано место и роль коммунистической партии в советском обществе. Это не была пресловутая ст. 6 Конституции 1977 года о КПСС как «руководящей и направляющей» силе советского общества, но для советской системы управления периода формирования тоталитарного политического режима сугубо юридическая казуистика не имела принципиального значения. На практике руководящее положение ВКП(б) создало ситуацию, когда принимаемые её

органами коллективного управления решения, как совместные, так и самостоятельные, в Конституции никак не упомянутые, становились для органов госуправления источниками права.

Формально (по Конституции (и то с оговорками)) это были подзаконные акты, но в повседневной практике государственного управления они имели, по сути, высшую юридическую силу. В них формальная и фактическая сила правительственного постановления объединялась с политическим главенством и авторитетом правящей партии – партии, совершившей революцию и победившей в Гражданской войне. Эти специфические акты не только содержали общеобязательные нормы поведения, обеспечиваемые принуждением со стороны всей системы советского государственного аппарата, но и в своём роде выступали как политические директивы компартии. Нередко в развитие партийных решений принимались многочисленные дополнительные нормативные акты. Это в целом вело к тому, что по мере становления административно-командного стиля управления к партийным органам всех уровней, наверное, исключая низовые парткомы и партячейки, переходит всё больший и больший объём административно-управленческих функций, конкретных организационных вопросов. Это, в свою очередь, по эффекту домино ещё больше увеличивает как поток партийных постановлений, имеющих для Советского государства нормативный характер, так и совместных постановлений партийных и государственных органов [10, С. 125].

Более подробно об иерархии решений, принимаемых партийными органами СССР всех уровней, написано в диссертации С. А. Токмина «Партийные акты в системе источников советского права», где данная

проблематика рассматривается на материалах всего периода существования советской государственности и на всех уровнях партийного управления [22].

3. Несмотря на то что Конституция СССР от 5 декабря 1936 года особо оговаривала роль закона в качестве основного источника права, а ВС СССР и ВС союзных республик в качестве органов законодательной власти, на практике как качественно, так и количественно стремительно росло нормотворчество органов управления, генерировавших огромное количество ведомственных нормативных актов.

Эти трансформации правовой политики государства в полной мере отразились и на правовом обеспечении функционирования органов госбезопасности, чья деятельность с момента возникновения и на протяжении всего периода существования находилась под максимально возможным контролем со стороны партийного и государственного руководства СССР. Органы госбезопасности изначально были одной из важнейших опор советской власти, позволивших ей устоять в борьбе с многочисленными как политическими, так и вооруженными противниками [4].

Естественно, что деятельность органа, одной из задач которого является применение в массовых масштабах насилия от имени государства, должна быть четко регламентирована, а выполнение этой функции – находиться под эффективным контролем. Нормативная фиксация основных направлений деятельности, объема прав и обязанностей соответствующего органа государственного управления, в том числе и обеспечивающих безопасность страны, – это неотъемлемая часть определения объема компетенции конкретного госоргана. Однако, как показали результаты изучения данного вопроса, тео-

ретическая основа очень сильно разошлась с конкретной практикой государственного управления, в том числе в сфере нормативного и организационного обеспечения деятельности органов госбезопасности в тридцатые годы прошлого века.

После решения Политбюро ЦК ВКП(б) об изменении степени централизации управления органами госбезопасности в сторону её усиления принято Постановление Президиума ЦИК СССР от 10 июля 1934 года, «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел СССР» [17]. Созданная структура государственного управления должна была быть обеспечена как материально и организационно, так и нормативно.

Параллельно были определены дела, которые мог расследовать сам наркомат внутренних дел и входящие в него подразделения в такой сфере, как государственные преступления [18]. Их рассматривали в Верховном Суде СССР и республик в составе СССР, краевых и областных судах и в главных судах автономных республик. На уровне СССР и союзных республик были образованы специальные судебные коллегии в составе председательствующего и двух членов суда.

К подсудности Военной коллегии ВС СССР относились такие составы преступлений, как измена Родине, шпионаж, террор, различные виды диверсий. Они также рассматривались в военных трибуналах округов. Транспортная и Водная коллегия ВС СССР, линейные, железнодорожные и водные суды рассматривали дела о преступлениях на железнодорожном и водном транспорте. Прочие дела в общем порядке рассматривались в народных судах.

Формально в законодательстве была прописана и процедура надзора за деятельностью оперативных подразделений органов госбезопасности со стороны органов прокуратуры. Мнение о бесконтрольной практике арестов и следственных действий, которые проводили органы госбезопасности, низко верифицировано. Совместное постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О порядке производства арестов» от 17 июня 1935 года установило алгоритм участия в этом процессе сотрудников прокуратуры. Нормативно все аресты, производимые НКВД, получали санкцию прокурора, соответствующего уровня.

Вместе с тем настоящее постановление никак не соответствовало конституционным нормам. Дело в том, что оно вводило иерархию граждан СССР в соответствии с местом, занимаемым ими в служебной и/или политической иерархии. В группе так называемых номенклатурных работников были необходимы две санкции – собственно соответствующего сотрудника прокуратуры, а также высшего руководителя. Например, для того чтобы арестовать члена ЦИК СССР союзной республики требовалось разрешение республиканских председателей. Если же говорить о руководящих работниках органов отраслевого управления, специалистов, имевших особо ценную квалификацию, лиц, имевших воинские звания начальствующего состава как высшего, старшего, так и среднего, то там нужно было соответствующее решение руководителя конкретного наркомата.

Рядовые члены партии также не могли быть арестованы в общем порядке. Они же составляли самую многочисленную группу особо выделенных по этой части граждан СССР. Среди них возникла также своеобразная иерархия.

Начиная с райкома партии, требовалась санкция первого секретаря райкома, и т. д. по партийной иерархии шли горком, обком, крайком и т. п. Это и де-факто, и де-юре шло вразрез с Конституцией и соответствующими подзаконными актами. Принцип равенства граждан перед законом оставался в теории и на страницах учебников советского права. В повседневной жизни и прокуратура, и наркоматы, и тем более парторганизации низового уровня следовали общим политическим установкам центрального руководства партии и правительства.

Помимо реформирования нормативной основы функционирования НКВД шла работа по совершенствованию системы советского законодательства в целом. Так, ещё в мае 1922 года на сессии ВЦИК был принят уголовный кодекс [14]. До принятия данного акта советское уголовное законодательство состояло из совокупности ряда отдельных уголовных законов, содержащих в некотором роде основы общей части уголовного права. Уголовная ответственность за конкретные виды преступлений также устанавливалась рядом отдельных актов [20, С. 34].

Дискуссионным остаётся вопрос о степени обязательности решений Пленума ВС СССР. Советская правовая теория отрицала за судебными решениями возможность быть источником права. Первый прокурор СССР А. Я. Вышинский, во многом лично определявший в те годы советскую юридическую доктрину, неоднократно говорил, что суды есть орган правоприменительный, но никоим образом не правосоздающий [21, С. 54]. Его поддерживали и другие теоретики [12]. К тому же в ст. 75 закона о судостроительстве [5] роль Пленума ВС СССР определялась в том плане, что он «...даёт руководящие указания по вопросам судебной практики на основании

решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом СССР судебным делам» [5]. Однако параллельно с этим в условиях складывавшейся в стране командно-административной системы управления, включившей суды в систему общей жёсткой централизации, фактически утверждался обязательный характер данных указаний. При этом они были де-факто обязательны и для судов, и для тех государственных органов и должностных лиц, которые занимались правоприменительной практикой закона, по которому пленумом было дано разъяснение.

Такие процессы в советском обществе, как коллективизация и индустриализация, в контексте исследуемой нами темы привели не только к ухудшению материального положения населения и к соответствующему недовольству действиями органов власти, но и к росту преступности.

Это привело к появлению у государства задачи по защите социалистической собственности и борьбе с экономическими преступлениями. Политическое руководство страны пошло уже традиционным путём ужесточения уголовной репрессии с перекалфикации преступных деяний в более тяжкие. ЦИК и СНК СССР 7 августа 1932 года принимают постановление, более известное под своим народным (публицистическим) названием – «закон о трёх (как вариант, пяти) колосках». Его правильное название звучит следующим образом «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [19]. Принят он был, естественно, как и многие иные акты данного рода, «по многочисленным просьбам трудящихся». Если рассматривать его юридическую сущность, то он приравнивал хищение государственной и общественной собственности к контрреволюционным преступлениям.

Также были определены и варианты совершения деяний, квалифицируемых в соответствии с ним. К таковым были отнесены: посягательства на социалистическую собственность (Ч. I и II); посягательства кулацко-капиталистических элементов на колхозную систему путём воздействия на колхозников (Ч. III) [4].

По сути своей объективная сторона указанных деяний отлична, а то, что они попали в разряд антигосударственных преступлений, – это ещё одно свидетельство полного небрежения юридической техникой в угоду текущей целесообразности. В данном случае это обеспечение охраны социалистической собственности.

Интересен и такой аспект, как невключение норм этого закона в УК РСФСР и иных союзных республик. Закон существовал параллельно с УК и их аналогичными статьями об ответственности за покушение на социалистическую собственность.

В этом же контексте следует рассматривать и постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», известное как закон «о трёх колосках»¹. По этому постановлению и развивающим его документам² уголовной ответственности подлежали не только виновные в совершении соответствующих деяний, но и ряд должностных лиц, которые не приняли должных мер для недопущения на вверенном им участке работы рас-

¹ См. также такие названия, как закон о пяти колосках, закон «семь восьмых», «закон от седьмого-восьмого», указ «7–8» и т. д.

² См., например: Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК ССР от 8 мая 1933 № П-6028 «О прекращении применения массовых выселений и острых форм репрессий в деревне».

трат и хищений. Вариантов было, по сути, два – способствование или невоспрепятствование хищениям социалистической собственности. Следовательно, квалификация деяния по закону от 7 августа 1932 года была возможна и в том случае, когда в действиях должностного лица умысла, непосредственно направленного на хищение, не было [3, С. 94]. В решении Пленума ВС СССР эта норма была подтверждена. В нём отмечалось, что «закон от 7 августа 1932 года должен применяться в отношении руководителей государственных и кооперативных органов, не принявших необходимых мер к охране социалистической собственности, и тем самым создав благоприятные условия для ее расхищения» [13].

В 1934 году в советском уголовном праве появляется статья об измене Родине. Это деяние определялось как «действия, совершенные гражданами СССР в ущерб его военной мощи, государственной независимости или неприкосновенности его территории» [4, С. 97]. Естественно, что санкция за измену Родине была «высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества» [16]. Тогда же произошло и символически-знаковое изменение названия уголовной репрессии. Вместо «меры социальной защиты» появился термин «меры уголовного наказания», оставшийся до наших дней.

Вместе с тем в действующем уголовном законодательстве был ряд пробелов, объективно затруднявших деятельность органов государственной безопасности. Норма, установившая ответственность за шпионаж, не заполнила пробелы в части уголовно-правовой защиты гостайны. Вопрос об ответственности за её разглашение не имел одно-

значного толкования, что создавало проблемы для судебной практики и вело к взаимоисключающим конструкциям, предусматривавшим ответственность за разглашение гостайны. В УК РСФСР 1922 и 1926 гг. определение гостайны отсутствовало, отдельной нормы об ответственности за её разглашение не было. Она появляется только в ст. 193.25 УК РСФСР в 1926 году, имея ограниченный предмет преступления – разглашение являющихся специально охраняемой тайной сведений о вооруженных силах и об обороноспособности СССР – и субъекта деяния – военнослужащих [15].

Ещё один пробел в УК РСФСР – это отсутствие специальной нормы об ответственности за утрату документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну. В этой ситуации ряд советских юристов предлагали просто решать дела по аналогии в зависимости от конкретных обстоятельств дела, степени и размеров причиненного государству ущерба и т. п. [3, С. 48].

Таким образом, мы можем говорить о том, что деятельность органов государственной безопасности регламентировалась нормативно-правовой базой, сформировавшейся в условиях, когда коммунистическая партия осталась общественной организацией передовых представителей советского общества только в теории и формальных, можно сказать, почти ритуальных документах. На практике, что подтверждают нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность НКВД, партия обладала фактической и политической, и государственной властью. Именно с этим и связано участие партийных органов и партийных руководителей в создании нормативной базы функционирования системы государственной безопасности.

Соответственно, Конституция 1936 года

определяла общие принципы правотворчества и была идеологически определена партийными решениями. Однако, несмотря на фактическую, а во многих случаях и формальную первенствующую роль высших партийных органов в формировании нормативно-правовой базы функционирования НКВД, в целом ряде актов мы видим явные противоречия ранее ими же инициированным нормам. Особенно явно это проявляется в неправовом порядке ограничения прав и свобод граждан СССР, закреплённых в Конституции, путём издания актов, заведомо имеющих меньшую юридическую силу. Большинство нормативных документов, регламентирующих деятельность НКВД, относится к числу изданных совместно от имени партийного органа – как правило, Политбюро – и высшего органа исполнительной власти – СНК (правительства), что выглядит вполне логично с учётом значительного объёма технической работы, неизбежной при подготовке актов, регламентирующих оперативную и служебную деятельность органов государственной безопасности. Сугубо партийных нормативных актов в сфере регламентации деятельности НКВД отечественными исследователями на настоящий момент не выявлено. Полагаем, что такой акт вряд ли вероятен, что связано с особым вниманием партийного руководства к определению нормативной базы функционирования НКВД, удельным весом кураторов данного наркомата в системе внутрипартийной иерархии. При желании можно определить круг ведомственных приказов НКВД, имеющих в основе идеологические послылы партийных органов, но с учётом пронизанности советской государственности партийной идеологией вряд ли такая корреляция добавит что-то новое в понимание ситуации на фоне многочислен-

ных отмеченных в настоящей работе партийно-государственных решений.

Полагаем, что данный аспект проблемы ещё имеет исследовательский потенциал, в том числе с применением метода частотного и терминологического анализа соответствующих актов. Также представляется перспективным изучение всей совокупности партийных нормативных правовых актов с целью установления удельного веса каждого из них не просто с позиций формального наименования, хотя бы и отражающего в определённой мере их внутреннюю иерархию, но с позиций значимости конкретного документа в общем ряду актов, устанавливающих статус органов государственной безопасности в системе управления советским социумом соответствующего периода.

Библиография / References:

1. Архипов К.А. Закон в Советском государстве: проблемы советского права/ Под общ. ред. Д.А. Мегеровского. – М.: Госиздат, 1926. – 156 с.
2. Белковец Л.П., Белковец В.В. История государства и права России. Курс лекций. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2000. – 216 с.
3. Герцензон А.А., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А., Солнцев К.И., Трайнин А.Н., под ред.: Герцензон А.А., Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Государственные преступления: Учебник 2-е изд., перераб. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 527 с.
4. Гоцуленко А.В. Организационно-правовые основы деятельности органов государственной безопасности в Уральском регионе (1934–1941 гг.). Дисс. ... к.ю.н. – Екатеринбург, 2015. – 210 с.

5. Закон СССР от 16.08.1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1938. – № 11.
6. Конституция СССР. 1936. Ст. 131 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283. – 6 декабря.
7. Корельский В.М. О характере норм, создаваемых общественными организациями // Советское государство и право. – 1963. – № 9. – С. 101–104.
8. Корельский В.М. Об особенностях и значении норм, содержащихся в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета министров СССР // Правоведение. – 1965. – № 2. – С. 23–28.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. – Т. 42. – Петербург: Государственное издательство, 1920. – 120 с.
10. Лукьянова Е.А. Источники Советского государства и права в период между двумя конституциями (1936–1977) // Советское государство и право. – 1990. – № 2. – С. 124.
11. Мигущенко О.Н. К вопросу о проблемах правотворчества в СССР в 20–30-е годы XX века и в современной России // История государства и права. – 2011. – № 10. – С. 24–26.
12. Орловский П. Значение судебной практики в развитии советского государственного права // Советское государство и право. – 1940. – № 8–9.
13. Постановление 58 Пленума ВС СССР «Об итогах применения в судебной практике закона от 7 августа 1932 года» // Советская юстиция. – 1937. – № 22. – С. 39–40.
14. Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 года «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
15. Постановление СНК СССР от 27 апреля 1926 года «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» // СЗ. – 1926. – № 32. – Ст. 213.
16. Постановление ЦИК СССР «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине». 8 июня 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 33. – Ст. 255.
17. Постановление ЦИК СССР «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел» от 10 июля 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 36. – Ст. 283.
18. Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 года «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР и его местными органами» // СЗ СССР. – 1934. – № 36. – Ст. 284.
19. Постановление ЦИК, Совнарком СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности. 7 августа 1932 г. // СЗ СССР. – 1932. – № 62. – Ст. 360.
20. Советское уголовное право. Общая часть. – М.: Московский государственный университет, 1969. – 460 с.
21. Строгович М.С. Критика и библиография // Социалистическая законность. – 1946. – № 11–12.
22. Токмин С.А. Партийные акты в системе источников советского права. Дисс. ... к.ю.н. – Омск, 2016. – 210 с.
1. Arkhipov K.A. (1926) Zakon v sovetskom gosudarstve: Problemy sovetskogo prava [Law in the Soviet State: Problems of Soviet Law] /

Pod obshch. red. D.A. Megerovskogo. – M.: Gosizdat. – 156s. (In Russ.).

2. Belkovets L.P., Belkovets V.V. (2000) Istoriya gosudarstva i prava Rossii [History of the state and law of Russia]. Kurs lektsiy. – Novosibirsk: Novosibirskoye knizhnoye izdatel'stvo. – 216s. (In Russ.).

3. Gertsenzon A.A., Durmanov N.D., Isayev M.M., Men'shagin V.D., Osherovich B.S., Pintkovskiy A.A., Solntsev K.I., Traynin A.N., Pod red.: Gertsenzon A.A., Piontkovskiy A.A. (1939) Ugolovnoye pravo. Osobennaya chast'. Gosudarstvennyye prestupleniya [Criminal law. Special part. State Crimes]: Uchebnik 2-ye izd., pererab. – M.: Yuridicheskoye izdatel'stvo NKYU SSSR. – 527s. (In Russ.).

4. Gotsulenko A.V. (2015) Organizatsionno-pravovyye osnovy deyatel'nosti organov gosudarstvennoy bezopasnosti v ural'skom regione [Organizational and legal foundations for the activities of state security agencies in the Ural region] (1934–1941 gg.). Diss. ... k.yu.n. Yekaterinburg. – 210s. (In Russ.).

5. Zakon SSSR ot 16.08.1938 g. «O sudoustroystve SSSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik [On the judiciary of the USSR, union and autonomous republics]» // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. – 1938. – № 11. (In Russ.).

6. Konstitutsiya SSSR [The Constitution of the USSR]. 1936. St. 131 // Izvestiya TSIK SSSR i VTSIK. – 1936. – № 283. – 6 dekabrya.

7. Korel'skiy V.M. (1963) O kharaktere norm, sozdavayemykh obshchestvennymi organizatsiyami [On the nature of the norms created by public organizations] // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – №9. – S.101–104. (In Russ.).

8. Korel'skiy V.M. (1965) Ob osobennostyakh i znachenii norm, sodержashchikhsya v sovместnykh postanovleniyakh TSK KPSS i Soveta Ministrov SSSR [On the features and

significance of the norms contained in the joint resolutions of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR] // Pravovedeniye. – №2. – S.23–28. (In Russ.).

9. Lenin V.I. (1920) Polnoye sobraniye sochineniy. Detskaya bolezni' «levizny» v kommunizme [Full composition of writings. Children's disease of "leftism" in communism]. – T.42. – Peterburg: Gosudarstvennoye izdatel'stvo. – 120s. (In Russ.).

10. Luk'yanova Ye.A. (1990) Istochniki sovetskogo gosudarstva i prava v period mezhdum dvumya Konstitutsiyami (1936–1977) [Sources of the Soviet state and law in the period between the two Constitutions] // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – №2. – S.124. (In Russ.).

11. Migushchenko O.H. (2011) K voprosu o problemakh pravotvorchestva v SSSR v 20-30-ye gody XX veka i v sovremennoy Rossii [To the question of the problems of lawmaking in the USSR in the 20-30s of the XX century and in modern Russia] // Istoriya gosudarstva i prava. – №10. – S.24–26. (In Russ.).

12. Orlovskiy P. (1940) Znachenie sudebnoy praktiki v razvitii sovetskogo gosudarstvennogo prava [The value of judicial practice in the development of Soviet state law] // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – № 8–9. (In Russ.).

13. Postanovleniye 58 Plenuma VS SSSR «Ob itogakh primeneniya v sudebnoy praktike zakona ot 7 avgusta 1932 goda [On the results of the application of the law of August 7, 1932 in judicial practice]» // Sovetskaya yustitsiya. – 1937. – №22. – S.39–40. (In Russ.).

14. Postanovleniye VTSIK ot 1 iyunya 1922 goda «O vvedenii v deystviye Ugolovnogo kodeksa RSFSR [On the Enactment of the Criminal Code of the RSFSR]» // SU RSFSR. – 1922. – №15. – St.153. (In Russ.).

15. Postanovleniye SNK SSSR ot 27 aprelya 1926 goda «Ob utverzhdenii perechnya svedeniy, yavlyayushchikhsya po svoemu sodержaniyu spetsial'no okhranyayemoy gosudarstvennoy taynoy [On approval of the list of information that is, in its content, a specially protected state secret]» // SZ. – 1926. – № 32. – St.213. (In Russ.).

16. Postanovleniye TSIK SSSR «O dopolnenii polozheniya o prestupleniyakh gosudarstvennykh (kontrevolyutsionnykh i osobo dlya Soyuzo SSR opasnykh prestupleniyakh protiv poryadka upravleniya) stat'yami ob izmene rodine [On supplementing the provisions on state crimes (counter-revolutionary and especially for the USSR dangerous crimes against the order of government) with articles on treason]». 8 iyunya 1934 g. // SZ SSSR. – 1934. – №33. – St.255. (In Russ.).

17. Postanovleniye TSIK SSSR «Ob obrazovanii obshchesoyuznogo Narodnogo komissariata vnutrennikh del [On the formation of the All-Union People's Commissariat of Internal Affairs]» ot 10 iyulya 1934 g. // SZ SSSR. – 1934. – №36. – St.283. (In Russ.).

18. Postanovleniye TSIK SSSR ot 10 iyulya 1934 goda «O rassmotrenii del o prestupleniyakh, rassleduyemykh Narodnym komissariatom vnutrennikh del Soyuzo SSR i yego mestnymi organami [On the consideration of cases of crimes investigated by the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR and its local bodies]» // SZ SSSR. – 1934. – №36. – St.284. (In Russ.).

19. Postanovleniye TSIK, Sovnarkom SSSR «Ob okhrane imushchestva gosudarstvennykh predpriyatiy, kolkhozov i kooperatsii i ukreplenii obshchestvennoy (sotsialisticheskoy) sobstvennosti [On the protection of property of state en-

terprises, collective farms and cooperation and the strengthening of public (socialist) property] » 7 avgusta 1932 g. // SZ SSSR. – 1932. – №62. – St.360. (In Russ.).

20. Sovetskoye ugodovnoye pravo. Obshchaya chast' [Soviet criminal law. A common part]. – M.: Moskovskiy Gosudarstvennyy universitet, 1969. – 460s. (In Russ.).

21. Strogovich M.S. (1946) Kritika i bibliografiya [Criticism and bibliography] // Sotsialisticheskaya zakonnost'. – №11–12.

22. Tokmin S.A. (2016) Partiynnye akty v sisteme istochnikov sovetskogo prava [Party acts in the system of sources of Soviet law]. Diss. ... k.yu.n., Omsk. – 210s. (In Russ.).

УДК 636.74:351.74(091)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-3-157-168

ШАЧНЕВ Дмитрий Сергеевич, аспирант,
Среднерусский институт управления – филиал
РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail:
federal032@mail.ru, AuthorID: 1157838

SHACHNEV D.S., Postgraduate Student,
Central Russian Institute of Management,
Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel),
e-mail: federal032@mail.ru, AuthorID: 1157838

**РОЛЬ ОРГАНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХРАНЫ В СОЗДАНИИ
КИНОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

**THE ROLE OF THE EMPEROR SECURITY IN THE DOG SERVICE DEVELOPMENT IN RUSSIA
AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

Аннотация. Цель статьи – комплексный научный анализ создания и устройства питомника служебных собак Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения процесса адаптации методов деятельности отечественных органов государственной охраны к вызовам и угрозам, обусловленным эскалацией террористической деятельности в начале XX века. Выводы, полученные в ходе исследования, могут найти применение в практике современных кинологических служб как ФСО России, так и МВД России.

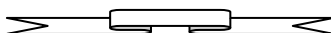
Ключевые слова: Российская империя, Николай II, государственная охрана, Охранная агентура, подведомственная дворцовому коменданту, питомник служебных собак, кинология, А. И. Спиридович, Е. Ф. Аспольм.

Abstract. The purpose of the article is to analyze setting up of the working dog kennel of the guard service subordinate to the palace commandant.

The relevance of the research is determined by the need to study the process of adapting the methods of activity of domestic state security agencies to the challenges and threats caused by the escalation of terrorist activity in the early XX century.

As a result, the author comes to conclusion that the study results can be used in the practice of modern cynology services of both the Federal Guard Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: Russian Empire, Nicholas II, state security, guard service, palace commandant, working dog kennel, cynology, A.I. Spiridovich, E.F. Aspolm.

ВВЕДЕНИЕ

Первая русская революция заставила пересмотреть принципы организации системы императорской охраны. Эскалация террористической деятельности требовала применения новейших достижений в области оперативно-разыскной работы. В этих условиях обращение к опыту использования служебных собак являлось более чем своевременным.

У истоков применения служебных собак в оперативно-постовой службе подразделений, занимавшихся обеспечением безопасности первых лиц государства, стоял полковник Отдельного корпуса жандармов А. И. Спиридович. С начала 1906 года он занимал должность заведующего Охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту, которая «была предназначена исключительно для охраны Николая II и членов его семьи как во время их пребывания в резиденциях, так и в поездках по Российской империи» [1, С. 19]. Спиридович понимал, что лесные массивы, в которых император имел обыкновение охотиться, а также излюбленные места царских прогулок было сложно охранять ввиду значительной площади и наличия густой растительности. Проверка занимала много времени, и к ней каждый раз приходилось привлекать большое количество сотрудников. Чтобы сэкономить людские ресурсы и улучшить работу, Спиридович 10 ноября 1907 года вошёл к дворцовому коменданту с предложением о «приобретении в Германии шести собак, стоимостью около восьмисот рублей, с целью оборудования мест для питомника служебных собак» (ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 1. Л. 1). Решение о покупке собак именно в Германии было принято по причине того, что там была налажена система отбора животных для службы в полиции и их дрессировки. В конце того же года в германских изданиях (таких как «Вестфальский вест-

ник», «Гагенская газета», «Полицейская собака») были опубликованы статьи о том, что чиновник Дворцовой полиции Е. Ф. Аспольм посетил различные уголки страны с целью отбора образцовых экземпляров собак и наладил контакты с лучшими дрессировщиками для изучения процесса дрессировки. Общество поощрения полицейских собак в Гагене позаботилось как о том, чтобы Аспольму были показаны при работе только первоклассные собаки, так и о том, чтобы он мог приобрести их по минимальной цене. Как и планировалось, было куплено шесть собак: две немецкие овчарки, два добермана и два эрдельтерьера. Из них три собаки (Вольф, Герта и Марлит) уже были выдрессированы в Германии, очень хороши и уже несколько раз премированы, что не могло не отразиться на их цене. Конечная стоимость собак оказалась следующей: Марлит породы доберман-пинчер – 400 марок, Вольф и Герта породы немецкая овчарка – по 300 марок, Трефф породы эрдельтерьер – 120 марок, Роза породы эрдельтерьер – 80 марок, Люция породы немецкая овчарка – 35 марок. Для сравнения: месячный заработок квалифицированного рабочего в Германии в то время составлял примерно 100–120 марок, мастера – 200 марок. С этих шести собак началась история служебного собаководства в России.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Питомник служебных собак Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, был создан уже 24 декабря 1907 года. Его возглавил Е. Ф. Аспольм, являвшийся опытным дрессировщиком (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 5. Л. 13). Началась серьёзная работа над созданием специальных методик по дрессировке служебных собак всех направлений, то есть стала закладываться теоретическая основа дрессировки в России. Первоначально пи-

томник располагался в Новом Петергофе, за что и получил название «Новопетергофский».

Именно так его называли в газетных публикациях как в Российской империи, так и за границей. В архивных документах сохранилось множество упоминаний о том, что первый питомник Охранной агентуры располагался именно в Петергофе (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 5. Л. 13).

Рис. 1 - Фото Петергофского питомника полицейских собак Охранной Агентуры

Подтверждением тому служит и множество фотографий с соответствующими подписями. Однако в Новом Петергофе питомник просуществовал недолго. Он был перенесён в Царское Село, где начиная с 1905 года находилась главная резиденция императора – Александровский дворец. По всей видимости, передислокация обуславливалась тем, что собакам нужно было приучать к условиям работы именно в Царском Селе и его окрестностях.

Первые архивные данные о новом месте расположения питомника служебных собак Охранной агентуры относятся к 1 мая 1909 года, когда между заведующим Охранной агентурой и крестьянином Рохом Томашевичем Куявским был заключен

контракт на аренду двухэтажного деревянного дома, двора и сада общей площадью около 300 м² за 500 рублей в год под помещение питомника служебных собак Охранной агентуры сроком до 1 мая 1912 года. В контракте были оговорены ремонтные работы по переобустройству данного дома и территории. Помещение находилось в деревне Александровке Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии. Таким образом, с мая 1909 года питомник служебных собак располагался неподалеку от Царского Села, в котором царская семья проводила большую часть года.

Расписание занятий в командах Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту

Поначалу при питомнике числились 10 агентов, которые занимались дрессировкой собак. Проводников служебных собак старались развивать разносторонне. Их подготовка включала не только изучение инструкций охранной службы, сведений об оружии и стрельбе и овладение навыками чтения планов и карт, но и занятия русской историей и русским языком. Учебные занятия с собаками начинались с 8.30 и длились до 23.00 с перерывами на кормление животных и отдых и продолжались в течение всей недели, кроме воскресенья (табл.1). В этот день предусматривалась только постовая служба.

Ежедневно практиковалось несение оперативно-постовой службы. Вскоре была составлена программа занятий по анатомии, которая предусматривала изучение строения и физиологии собак, их болезней и лечения. Seriously заболевших животных отправляли в лечебницы Санкт-Петербургского отдела Российского общества покровительства животным, состоявшего под покровительством

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

императрицы (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 2. Л. 32). Особое внимание заведующий Охранной агентурой полковник А. И. Спиридович уделял собакам, заботясь о том, чтобы пи-

томцы вовремя получали здоровую пищу и необходимый уход, производилась уборка клеток, проводились занятия по комнатной и полевой дрессировке.

Таблица 1 – Расписание учебных занятий с собаками Охранной агентурой

Время Дни недели	8–8.30	9.00–10.30	10.30–11.30	14.00–17.00
Понедельник	Гимнастика на машинах	Проверка знания инструкций охранной службы	Отечествознание	Постовая служба
Вторник		Теория филерского наблюдения, словесный портрет	Русский язык	
Среда		Сведения об оружии и стрельбе	Русская история	
Четверг		Проверка знания инструкций охранной службы	Отечествознание	
Пятница		История революционного движения (общая лекция для всех команд, кроме Гатчинской, на даче Нестерова)		
Суббота		Чтение планов и карт	Русский язык	
Воскресенье		Занятий не производить	Постовая служба	

Занятия с собаками и обучение их дрессировке проводились по четырём разделам, начиная с выработки элементарных навыков, таких как следование на поводку, подача голоса и апортирование (выполнение приказа проводника принести брошенный им предмет), и заканчивая подготовкой к практической деятельности, в которую входили обучение обыскиванию местности, выработка невосприимчивости к выстрелам и ударам, усвоение и отработка на практике навыков преследования и задержания преступника и т. д. (см. приложение 1). В частности, для приучения собак не бояться выстрелов заведующий Охранной агентурой заказывал из Риги холостые патроны к револьверу «Смит и Вессон» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 2. Л. 12). Обо всех полученных для дрессировки собак вещах проводники писали соответствующие расписки, что говорит о строгой отчётности в отношении имущества питомни-

ка. Состояние казённого имущества проверялось ежемесячно лично заведующим питомником, о чём составлялся акт годных вещей с докладом заведующему Охранной агентурой и просьбой о замене вышедших из строя. Обычно таким имуществом были кожаные поводки и ошейники, щётки для ухода за собаками, сумки для переноски сообщений и револьверы (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 2. Л. 43). При передаче собак от одного проводника другому составлялся документ, в котором было отражено, какая из собак кому передана, а также какое имущество, относящееся к ней, передаётся и в каком количестве.

Учёт денежных средств, потраченных на проживание и обслуживание проводников, корм и содержание собак, уход за ними, вёлся по отчётным ведомостям. При анализе документов можно сделать вывод о том, что с каждым годом расходы на эти нужды увеличивались: росло количество собак и про-

водников, возрастала их роль в обеспечении охранных мероприятий.

Питомник служебных собак Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, быстро приобрел известность за пределами охранного ведомства. Началась оживленная переписка с различными структурами, заинтересованными как в приобретении служебных собак, так и в обучении своих сотрудников. Так, 19 ноября 1908 года полицеймейстер г. Санкт-Петербурга обратился к заведующему Охранной агентурой с просьбой о прикомандировании к питомнику двух городских для ознакомления с дрессировкой полицейских собак. Спиридович ответил на это согласием. 5 декабря того же года начальник городского сыска отделия Комаревич отправил заведующему Охранной агентурой письмо с просьбой выслать «своего человека с даром к дрессировке охотничьих собак на обучение в Царскосельский питомник» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 4. Л. 31). Кроме того, Комаревич интересовался вопросом о возможности приобретения щенков для последующей дрессировки уже в сыском отделии. В архиве Охранной агентуры сохранилось большое количество запросов из различных структур, подведомственных министерствам внутренних дел, железнодорожной полиции и т. д., по согласованию условий приобретения собак, находившихся в Царскосельском питомнике.

То, что питомник служебных собак Охранной агентуры успешно развивался, подтверждают и публикации в заграничных изданиях. Немцы, немало способствовавшие становлению служебного собаководства в России, пристально следили за его развитием. В «Гагенской газете» 4 января 1908 года вышла статья «Новые успехи германских полицейских собак». В ней говорилось о том,

что «различные полицейские управления России очень интересуются этим делом, что видно из многочисленных запросов относительно полицейских собак, поступающих к обществу поощрения полицейских собак» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 1. Л. 4).

Благодаря упорству и старанию Е. Ф. Аспольма к маю 1909 года в питомнике насчитывалось уже 39 собак, из которых, по докладу полковника А. И. Спиридовича дворцовому коменданту В. А. Дедюлину, 14 были готовы к службе, а четырёх предлагалось передать различным полицейским учреждениям, занимавшимся розыском. К 1911 году количество собак возросло до 68. Среди них были представители таких пород, как доберман-пинчер, эрдельтерьер, немецкая овчарка, ротвейлер, крымская овчарка и лайка. 14 июня 1911 года заведовавший питомником служебных собак Е. Ф. Аспольм доложил А. И. Спиридовичу о том, что крестьянин Куявский готов построить на территории новый манеж для дрессировки и девять новых помещений для собак, а также произвести другие мелкие перестройки. На производство работ требовалось около полутора месяцев. На следующий день заведующим питомником служебных собак была составлена смета и проект по переустройству нового питомника, а уже 29 июня он доложил А. И. Спиридовичу о том, что все малярные работы, предусмотренные планом, были окончены, новые постройки окрашены и закрыты крышами, а старые постройки отремонтированы, причём все работы были произведены силами самих проводников без привлечения посторонних лиц.

О важности подготовки собак в питомнике Охранной агентуры говорит и то, что в 1910 году министр императорского двора разрешил помещать изображение государ-

ственного герба на родословных свидетельствах собак Охранной агентуры (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 1. Л. 32).

В январе 1910 года вышла инструкция председателя общества поощрения полицейских собак в Гагене полицейского инспектора Густава Мейера с советами о том, как следует приобретать, дрессировать и использовать на службе полицейских собак (см. приложение 2). Данная инструкция нашла применение в числе прочего при организации служебного собаководства в Охранной агентуре. Не будет лишним упомянуть тот факт, что в документах питомника служебных собак Охранной агентуры фамилия Мейера встречается довольно часто. С самого образования данного питомника и до окончания его существования Спиридович очень тесно сотрудничал с Мейером, набираясь бесценного опыта в этом новом для Российской империи деле. В благодарность за неоценимую помощь в развитии русского собаководства дворцовый комендант В. А. Дедюлин распорядился о назначении ему императорской награды. Этой наградой стала золотая медаль с надписью «За усердие», которую Мейер принял с большой гордостью.

В Государственном архиве Российской Федерации сохранилось множество упоминаний об участии собак Охранной агентуры в различных выставках и испытаниях. Они проводились с целью популяризации идеи использования служебных собак в различных видах деятельности, ознакомления широких кругов (и прежде всего представителей «силовых» ведомств) с результатами дрессировки животных. С этой целью Российское общество поощрения применения собак к

полицейской и сторожевой службам¹ ежегодно устраивало, по крайней мере, два всероссийских испытания полицейских собак, кроме испытаний, организуемых местными отделами. Первое всероссийское испытание проводилось в апреле, мае или июне, второе – в августе, сентябре или октябре. Эти испытания должны были устраиваться по возможности независимо от общих выставок собак. В каждом испытании собаки подразделялись на два класса: а) открытый класс, в который помещались собаки без ограничения по возрасту, получавшие награды ранее; б) ограниченный класс, в который могли быть записаны только собаки, еще не удостоенные денежных наград. Записывать собак в оба класса одновременно не допускалось. Такое первое в своем роде всероссийское испытание было организовано Российским обществом поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службам в Санкт-Петербурге 19 октября 1908 года. В нем участвовали 20 собак различных силовых ведомств, в том числе шесть собак питомника Охранной агентуры – те самые, которые были привезены из Германии. Этим же об-

¹ Российское общество поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службам создано по типу германского общества и утверждено 23 сентября 1908 года с целью содействия правильной постановке применения собак в разнообразных условиях полицейской и сторожевой служб, для чего общество собирает сведения и разрабатывает материалы по этому вопросу в России и за границей, способствует ознакомлению чинов полиции с наиболее пригодными для этого породами собак, приемами их дрессировки, условиями воспитания, содержания и применения для служебных целей, дабы всемерно облегчить интересующимся этим делом полицейским учреждениям и должностным лицам возможность достижения наибольшего совершенства в пользовании собаками для защиты от преступных покушений. Председателем общества был шталмейстер высочайшего двора Денисов Василий Ильич.

ществом ежегодно издавался журнал, посвященный вопросам дрессировки собак и их служебного применения. После первой всероссийской выставки совет общества приступил к обустройству первого образцового питомника общества и открытию при нём школы дрессировщиков. На этом состязании присутствовал великий князь Николай Николаевич и много других высокопоставленных лиц, что доказывает заинтересованность различных ведомств деятельностью собак на службе.

Весной 1909 года во многих известных в то время газетах («Спортсмен», «Новое время», «Спортивное слово») появились публикации о первой всероссийской выставке. В них говорилось о том, что «ни одна из предшествующих в Санкт-Петербурге выставок собак не отличалась таким количеством экспонатов, как нынешняя. Всеобщее внимание останавливалось на клетках с полицейскими собаками Новопетергофского питомника дворцового правления. Все они на подбор красивы, смыслёны и умны. Все собаки выполняли всевозможные задачи: прыгали через высокий забор, переносили письма и прочее. Но самая главная работа заключалась в задержании преступника. В экспериментальной поимке преступника особенно отличился Вольф, который, несмотря на выстрелы преступника прямо в упор собаке в морду, не выпускал из зубов его одежды, пока не пришёл его проводник. Особую сенсацию он произвёл, когда вырвал из рук преступника револьвер» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 3. Л. 20).

Газеты немало писали и об участии собак Царскосельского питомника в поиске злоумышленников по просьбе полицейских ведомств. 8 января 1913 года заведующий питомником доложил А. И. Спиридовичу о том,

что 4 января он получил письмо из Косьмо-Дамиана (Крым) от обер-егеря Лугмайера, которому в мае 1912 года была передана собака по кличке Дьявол. Лугмайер сообщал о том, что 8 декабря он услышал выстрелы в лесу и предположил, что в нём охотятся браконьеры. Взяв с собой ружье и собаку, он заставил Дьявола обыскивать местность. Дьявол взял след и довел обер-егеря до места, где браконьеры убили козла. Потом собака побежала дальше по следу и скрылась из виду. Спустя 10 минут Лугмайер услышал яростный лай. Прибыв на место, он увидел лежавшего без чувств браконьера, а недалеко от него ружьё и тушу козла. Когда преступник очнулся, он рассказал, что, убив козла и не успев зарядить ружьё, услышал погоню и бросился бежать. Когда собака догнала браконьера, он несколько раз ударил её прикладом, но, несмотря на это, она вскочила ему на спину, повалила и так истязала, что тот от страха и боли потерял сознание. Обер-егерь в конце письма выражал уверенность в том, что теперь ни этот браконьер, ни подобные ему лица больше в этих лесах не появятся.

Ещё одна из показательных работ собак датируется 10 июня 1909 года. Она была произведена во время путешествия императора по финским шхерам. Николай II и императрица Александра Фёдоровна вместе с детьми смотрели на острове Пукион-Сари показательную работу служебных собак Охранной агентуры. В показе принимали участие проводники Марин с собакой Вольфом, Баушин с Гертой, Якобсон с Бесом и Янковский с Соней. По заранее выработанной программе проводниками была показана вся работа собак и, главным образом, их действия по обнаружению преступников. Была осуществлена инсценировка кражи вещей из нарочно пост-

роенного с этой целью домика, поиска следа и поимки преступника. Императорская семья осталась довольна увиденным и благодарила заведующего Охранной агентурой А. И. Спиридовича, заведующего питомником Е. Ф. Аспольма и проводников. Когда императорская яхта отошла от острова, проводники показали работу собак на воде. Животные плыли за брошенными предметами и доставляли их на берег. Николай II несколько раз бросал собаке Вольфу деревяшку и отдавал команду «апорт!», после чего пес возвращался на яхту с палкой в зубах.

Похожая демонстрация розыскной работы была произведена в имении «Массандра» в присутствии министра императорского двора барона В. Б. Фредерикса, министра внутренних дел генерал-майора А. А. Курлова, дворцового коменданта генерал-адъютанта В. А. Дедюлина и других высокопоставленных лиц, офицеров и чинов местной полиции. Работа собак Героя, Герты и Марлит произвела на присутствовавших отличное впечатление, хотя проводник Марлит Сокрушалов незаметно от зрителей подыгрывал своей подопечной. Пёс Вольф сумел отыскать злоумышленника, спрятавшегося на дереве. Однако не все собаки смогли справиться с заданиями: так, Соня не нашла преступника из-за того, что её проводник, хороший дрессировщик, в присутствии высокопоставленных зрителей растерялся. Тем не менее в целом испытания показали, что собаки Охранной агентуры были хорошо подготовлены к исполнению своих «обязанностей».

Кроме всероссийских и показательных выставок, испытания проводились и в самом питомнике с целью анализа результатов обучения собак. Первые внутренние соревнования были проведены 23 марта 1909 года. Лучший результат (84 балла из 110 возможных)

набрала собака по кличке Герта (одна из первых собак, приобретённых в Германии). В последующих соревнованиях среди постоянных лидеров были не только Герта, но и Вольф и Марлит. Заведующий питомником Е. Ф. Аспольм тщательно анализировал результаты испытаний, давая рекомендации своим подчинённым. После соревнований, проведённых 30 июля 1909 года, он сделал следующий вывод: «Можно сказать, что работа на преступнике и послушание у всех собак стала лучше, однако упущена работа чутьем. Собак следует натаскивать по разным следам и не только по прямому направлению, а возможно чаще менять направление, только тогда собака привыкнет правильно пользоваться своим чутьем» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 3. Л. 52). В отзывах Аспольма часто встречалась критика в адрес как собак, так и проводников: «Большая часть собак либо работали мало, либо совсем не работали», «Собаки слишком машинально выполняют задания», «Некоторые проводники стоят как вкопанные вместо того, чтобы оказывать помощь собаке», «Меньше слов, больше дела». В проверке работы собак принимал участие и заведующий Охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту, полковник А. И. Спиридович. После одного из испытаний он отметил следующее: «Проводник Якобсон позволил себе низкий в отношении проводника Сокрушалова поступок. Он провёл с его собакой подготовительную работу так, что собака провалилась. Это вообще не хорошо и не товарищески» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 3. Л. 61).

По итогам проверок заведующий питомником выделял негодных для службы собак, которые в дальнейшем продавались. Е. Ф. Аспольм ревностно относился к репутации питомника, которому, без сомнения, от-

давал все свои силы. Следствием этого было и его строгое отношение к подчинённым. Вместе с тем заведующий не забывал поощрить тех проводников, которые отличались усердием и старанием. Например, 11 апреля 1912 года Е. Ф. Аспольм доложил заведующему Охранной агентурой о проводниках Драгинском и Мазюке, прослуживших в питомнике более трёх лет и отличившихся при дрессировке, и попросил повысить им размер месячного жалования на 10 р.

Такие же испытания проводились и при передаче собаки от одного проводника другому с целью улучшения дрессировки собак при наличии минимального результата.

Питомник быстро приобрёл широкую известность. Сохранилось письмо из г. Хельсинки с просьбой «выслать своих собак на состязания в конце августа 1910 года» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 3. Л. 63). Организаторы соревнований делали акцент на том, что в призовом фонде будет много ценных подарков, а помещения для собак и проводников будут предоставлены бесплатно. На это, однако, Спиридович ответил отказом, сославшись на специфику службы агентуры.

Со временем сформировалась чёткая и отлаженная система по подготовке инструкторов, дрессировщиков и животных, которая содействовала применению собак в практической деятельности как подразделений охраны, так и полицейских ведомств. Большой вклад в развитие служебного собаководства в России внесли дворцовый комендант В. А. Дедюлин, заведующий Охранной агентурой А. И. Спиридович и особенно заведующий питомником Е. Ф. Аспольм, который организовал работу по обустройству питомника и дрессировке собак, опираясь на богатый опыт зарубежных коллег, прежде всего немецких.

Приложение 1

Перечень работ, обязательных для полицейской собаки

(ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. Ч. 1. Л. 8)

Отдел 1

1. Следование на поводку.
2. Свободное следование у ноги.
3. Лежание на указанном месте не менее 5 минут.
4. Отказ брать корм из рук чужого или корм подброшенный как на привязи, так и на свободе.
5. Подача голоса по приказанию.
6. Апортирование брошенных предметов.
7. Апортирование через препятствие брошенных предметов весом не менее 2,5 фунта¹.
8. Прыжок через препятствие высотой не менее 1,5 метра (заборы, живую изгородь или проволочные ограждения).

Отдел 2

1. Отыскивание потерянных проводником вещей на расстоянии не менее 50 сажен от места потери.
2. Отыскивание зарытых проводником предметов на расстоянии не менее 50 сажен.
3. Отыскивание предметов, потерянных и спрятанных посторонним человеком на расстоянии не менее 50 сажен².
4. Отыскивание предметов, зарытых в землю посторонними людьми.
5. Особые работы по розыску.
6. Общее послушание.

Отдел 3

1. Окарауливание предмета, находясь на привязи и на свободе.
2. Обыскивание местности.
3. Указание лаем на каждого обнаруженного человека.

¹ 1 фунт = 0,45 кг

² 1 сажень = 2,13 м

4. Преследование убегающего преступника, подача голоса и задержание преступника.
5. Нетрогание спокойно стоящего преступника без особого на то приказа.
6. Отход от преступника на заранее известное расстояние.
7. Конвоирование преступника без укусов и без хватания.
8. Защита проводника без приказа.
9. Небоязнь выстрелов и ударов.
10. Оказание помощи на тревожный свисток или крик.
11. Розыск брошенных преступником вещей.
12. Работа на воде.

Отдел 4

1. Следование по чужому свежему следу и показ лаем обнаруженного человека. Расстояние 1,5 версты, чутье только от следа.
2. Обнаружение преступника в толпе людей по свежему следу, чутьем от предмета (нож, топор, палка, молоток и т. д.), который находился в его руках в момент преступления, и облаяние его.
3. Преследование преступника чутьем на дистанцию 1,5 версты от помещения, где он находился, и задержание его¹.
4. Преследование по свежему следу, прерванному водой, переплытие воды, нахождение следа снова и продолжение преследования до розыска преступника. Расстояние 1,5 версты. Чутье по усмотрению проводника.
5. Преследование по свежему следу в дом и облаяние преследуемого лица. Расстояние 1,5 версты или по усмотрению проводника.
6. Обыскивание всей местности, где работал преступник, и апортирование всех брошенных или потерянных им вещей.

¹ 1 верста = 1066 м

Приложение 2

Инструкция для полицейских управлений и проводников полицейского инспектора г. Гаген Густава Мейера

«Советы как следует приобретать, дрессировать и применять к службе полицейских собак»

(ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 31. ч. 1. Л. 26)

Покупка собак

К полицейской службе следует применять только породистых собак. Эрдельтерьер, доberman-пинчер и немецкая овчарка до сих пор оказываются самыми подходящими и совершенно равносильными для этой цели, также с успехом применяется ротвейлер. При вручении собаки проводнику следует считаться с тем, какая порода ему больше нравится.

Молодых собак следует приобретать и начинать дрессировать в возрасте от 9 месяцев до 1 года и дрессировку поручать самому проводнику. Цена молодых собак в этом возрасте колеблется от 80 до 100 марок, смотря по наружности, возрасту и происхождению собаки. При покупке дрессированных полицейских собак (цена от 250 до 500 марок и дороже) следует заботиться о том, чтобы проводник познакомился на месте покупки с прежней деятельностью собаки и там привык бы с ней работать. От продавца нужно требовать точных инструкций в письменной форме, а также чтобы он, согласно этим инструкциям, показал бы работу собаки несколько раз. Начать работать с собакой следует только согласно указаниям прежнего хозяина, так как собака, даже лучшей дрессировки, откажется работать, если попадет в руки другого проводника, не ознакомившегося с прежней работой собаки и системой её выучки. Поэтому следует избегать перемены проводника у полицейской собаки.

Приложение 2 (продолжение)**Дрессировка**

Дрессировщиками полицейских собак могут быть только люди, любящие животных, имеющие спокойный характер и большое терпение, но при этом они должны быть настойчивы и энергичны. Люди, которые хоть и большие любители собак и обладают спокойным характером и терпением, но без энергии, никогда не смогут выдрессировать собаку. К дрессировке следует приступить, руководствуясь только хорошими правилами дрессировки. С дрессированными полицейскими собаками, по крайней мере, три раза в неделю следует заниматься и повторять все пройденные упражнения. Упражнения элементарной тренировки – например, сидеть, оставление лежать, апортирование и т. д. – лучше всего производить с собакой в закрытом помещении, где должны находиться только проводники со своей собакой. Все другие упражнения следует производить на месте испытания или на крытом месте, работу чутьем с дрессированными полицейскими собаками следует сначала производить на лугах или других ровных местах, где мало посторонних следов, а потом уже на улице и в тех местах, где сильное стечение публики, чтобы собаку заблаговременно приучить к практике. Все эти упражнения должны быть контролированы человеком, хорошо знающим всю дрессировку полицейских собак.

Дрессировщику и проводнику собаки должны быть поручены уход и кормление собаки за определённое вознаграждение. Вознаграждение в 100 марок в год считается достаточным.

Применение собаки

Полицейскую собаку следует применять:

- 1) для личной охраны полицейского чина при его ночных обходах; 2) для разыскивания,

преследования и задержания преступников.

От собаки сыщика требуется, чтобы она умела предупреждать своего хозяина обо всех случайностях и опасностях, которые могут ускользнуть от зрения и слуха человека, умела обыскивать труднодоступные и потаённые места, на месте преступления взять след преступника и по следу обнаружить его, помочь полицейскому при несчастных случаях, а также спасать утопающих. Собак обыкновенно во время службы следует водить на таком поводе, чтобы можно было собаку моментально выпустить на свободу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы, полученные в ходе исследования, могут найти применение в практике современных кинологических служб как ФСО России, так и МВД России. Основу работы составляют неопубликованные материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что заведующий Охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту, и заведующий питомником служебных собак Е. Ф. Аспольм сумели успешно адаптировать опыт, накопленный немецкими кинологами, к российским реалиям. В работе показано, что служебные собаки, выдрессированные проводниками питомника, добились впечатляющих результатов и приобрели широкую известность за пределами Управления дворцового коменданта. Постоянные проверки и соревнования способствовали выявлению лучших собак и отбраковке негодных. Благодаря питомнику Охранная агентура могла с большим успехом осуществлять выявление и нейтрализацию потенциальных террористов.

Библиография/References:

1. Гребенкин А.Н. Охранная команда От-

деления по охранению общественного порядка и безопасности в г. Санкт-Петербурге и её деятельность в начале XX в. // История, теория, практика российского права. – 2022. – № 15. – С. 16–33.

2. Гребенкин А.Н., Шачнев Д.С. Методология использования архивных источников при изучении истории органов государственной охраны Российской империи // В сборнике: Логика и методология научных исследований. Сборник научных статей и докладов III Международной научно-практической конференции. Под редакцией В.Н. Лупандина. – Орёл, 2022. – С. 26–32.

3. Диденко А.В., Яковенко А.А. История служебного собаководства: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: ФГКУ ДПО «РШ СРС МВД России», 2017. – 92 с.

4. Колоколов Б.Г. Жандарм с царём в голове / под ред. А.В. Петрова. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 582 с.

konferentsii. Pod redaktsiyey V.N. Lupandina. – Orel, 2022. – S. 26–32. (In Russ.).

3. Didenko A.V., Yakovenko A.A. Istoriya sluzhebnogo sobakovodstva: uchebnoe posobie [History of service dog breeding: study guide]. – Rostov-na-Donu: FGKU DPO «RSH SRS MVD Rossii», 2017. – 92 s. (In Russ.)

4. Kolokolov B.G. Zhandarm s carem v golove [A gendarme with a king in his head]. Pod red. A.V. Petrova. – M.: Molodaya gvardiya, 2009. – 582 s. (In Russ.).

1. Grebenkin A.N. Ohrannaya komanda Otdeleniya po ohraneniyu obshchestvennogo poriyadka i bezopasnosti v g. Sankt-Peterburge i ee deyatel'nost' v nachale XX v. [The security team of the Department for the Protection of Public Order and Security in St. Petersburg and its activities at the beginning of the XX century] // Istoriya, teoriya, praktika rossijskogo prava. – 2022. – № 15. – S. 16–33. (In Russ.).

2. Grebenkin A.N., Shachnev D.S. Metodologiya ispol'zovaniya arkhivnykh istochnikov pri izuchenii istorii organov gosudarstvennoy okhrany Rossiyskoy imperii [Methodology of the use of archival sources in the study of the history of state guard bodies of the Russian Empire] // V sbornike: Logika i metodologiya nauchnykh issledovaniy. Sbornik nauchnykh statey i dokladov III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy

ПОЛУХИН Олег Вячеславович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: polukhin_ov@mail.ru, AuthorID: 1149471

POLUKHIN O.V., Postgraduate Student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: polukhin_ov@mail.ru, AuthorID: 1149471

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДМИТРОВСКА И ЕГО УЕЗДА В XVIII В.

TRANSFORMATIONS OF DMITROVSK AND ITS COUNTY IN THE 18TH CENTURY

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении особенностей преобразований Дмитровска и его уезда в XVIII веке. В результате губернской реформы императрицы Екатерины II в Российской империи появились новые административно-территориальные единицы. Связано это было с разными причинами, в числе которых необходимо указать численный принцип высочайших учреждений от 1775 года, но самой главной причиной появления таких единиц стала личная воля самой императрицы. Так, в 1782 году на территории Орловской губернии был образован Дмитровский уезд (в основном за счет территории Луганского уезда) с административным центром – городом Дмитровском и с одновременным выводом за штат уездного города Лугани. Интерес вызывает то обстоятельство, что данное преобразование произошло не с момента учреждения Орловской губернии 28 февраля 1778 года, а в ходе губернской реформы. В статье исследуется история образования Дмитровского уезда Орловской губернии и его столицы – города Дмитровска – в XVIII веке как административно-территориальных единиц губернии и проанализированы причины их преобразований.

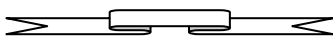
Ключевые слова: Орловская губерния, Орловское наместничество, Дмитровский уезд, город Дмитровск, губернская реформа.

Abstract. The purpose of the article is to identify the peculiarities of the transformations of Dmitrovsk and its county in the 18th century. The article analyses the history of the formation of Dmitrovsk and its county as administrative-territorial units in the province and the reasons for their transformations.

The author emphasizes that new administrative-territorial units appeared in the Russian Empire as a result of the provincial reform of Empress Catherine II. The appearance of the new administrative-territorial units was due to various reasons, such as the numerical principle of the Highest Institutions 1775, and the personal will of the Empress herself. The author stresses that the second reason is the most important.

So, Dmitrovsky County was formed in 1782, on the territory of Orel region mainly at the expense of the territory of Lugansk County, with Dmitrovsk as the administrative center and with the simultaneous withdrawal of Lugansk from the state. The author notes that this transformation took place not since the establishment of Orel province on February 28, 1778, but during the provincial reform.

Keywords: Oryol province, Oryol viceroyalty, Dmitrovsky County, Dmitrovsk, provincial reform.

ВВЕДЕНИЕ

Административно-территориальная реформа императрицы Екатерины II, проводимая согласно «Учреждений для управления губерний» от 7 ноября 1775 года, сопровождалась образованием новых субъектов как высшего уровня – губерний, так и низшего – уездов. Новые субъекты образовывались по численному принципу, в связи с чем бывшие крупные губернии разукрупнялись, образовывались новые. Аналогичные преобразования проходили внутри губернии, территория которой делилась на уезды, при этом состав уездов складывался за счет старых или древних уездов, существовавших с древних времён, и за счёт образования новых уездов. В результате реформы 5 сентября 1778 года было учреждено Орловское наместничество из 13 уездов (ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XX. Ст. 14793. С. 744–745). В состав уездов вошли 10 старинных, и три административно-территориальные единицы (АТЕ) были образованы заново. В числе вновь образованных субъектов оказались Дешкинский, Архангельский (позже Малоархангельский) и Луганский уезды. Данное исследование посвящено истории Дмитровского уезда, административно-территориальной единицы Орловской губернии, и его административного центра – города Дмитровска – вовремя административно-территориальных преобразований второй половины XVIII столетия. В настоящее время территория Дмитровского уезда большей частью входит в состав Орловской области, часть территорий вошли в состав современных Брянской и Курской областей. С момента своего образования в 1782 году уезд только развивался, и, забегая вперёд, необходимо отметить, что после его ликвидации в 1796 году в результате Павловской «укрупнительной» административно-территориальной реформы в 1802 году уезд в своих границах был восстановлен следующим правителем государства – Александром I.

Для того чтобы понять причины возникновения Дмитровского уезда Орловской губернии, необходимо рассмотреть историю образования его будущего административного центра – города Дмитровска. История этого селения относится к первой половине XVIII века, к Петровским временам. В 1711 году молдавский господарь, князь Дмитрий Константинович Кантемир принял русское подданство, и император Пётр Великий подарил ему в числе прочего поместье в Севской округе, именно в том месте, где сейчас расположен современный город Дмитровск. На новом месте Кантемир построил дворец и устроил усадьбу, куда переселил множество своих подданных, в их числе молдаван, валахов, башкир, малороссиян, которые в будущем составили основу населения города. Своё поместье и новое поселение Дмитрий Кантемир назвал, как было принято в то время, по имени его владельца – Дмитровкою (местечко Дмитровка) [4, С. 370–372]. Таким образом, по распоряжению Петра I было образовано новое селение в Севской округе Киевской губернии. Необходимо отметить, что, помимо нового селения, князю Кантемиру были переданы во владение деревни и сёла той округи, в их числе Соломино, Глоднево, Горбунова и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В 1719 году губернии были разделены на провинции, которые, в свою очередь, делились на дистрикты, имевшие статус низшей АТЕ, и были ликвидированы в 1727 году. В этом же 1727 году из Киевской губернии была выделена Белгородская губерния, в состав которой вошли территории Белгородской, Орловской и Севской провинций [17, С. 65–66]. В результате этих преобразований местечко Дмитровка в составе Севского уезда относилось к Севской провинции Киевской губернии, а затем перешло в состав образованной Белгородской губернии.

С поселением Кантемира в местечке Дмитровка была построена деревянная Дмитриевская церковь. 5 июня 1723 года князь Кантемир писал в Синод письмо, из содержания которого следовало, что в его резиденции, в местечке Дмитровском, имеется деревянная Дмитриевская церковь, хотя ещё не ветхая, но маловместительная, поэтому он имеет желание построить в селении более вместительный каменный храм во имя святого великомученика Димитрия, а деревянную церковь перенести в другое его село – Соломино – и заменить находящуюся там обветшалую деревянную церковь на новую. 20 августа 1723 года Московская духовная дикастерия¹ приговорила: «...в Севском уезде из местечка Дмитриевского деревянную церковь перевести в село Соломино...<...>... а вместо той деревянной церкви в селе Дмитриевском построить каменную церковь...» [5, С. 156–157].

Князю Дмитрию Кантемиру не пришлось построить в селении каменный храм в связи со смертью, и строительством занимались его наследники. В 1724 году в местечке Дмитриевском построена каменная Дмитриевская церковь, которая была привезена из Столбовского монастыря. В 1729 году князь К. Д. Кантемир в прошении в Духовную консисторию писал, что в слободе Дмитриевской построена холодная каменная церковь во имя великомученика Димитрия и что желал бы к этой церкви в трапезе для служения в зимнее время построить тёплый каменный придел во имя святых и равноапостольных царей Константина и Елены. В том же году в церкви был построен придел [5, С. 159].

В 1723 году, после смерти светлейшего князя Д. К. Кантемира, долго шли разбирательства с разделом его имущества. В завещании Д. К. Кантемир разделил своё имущество на

четыре части и просил распределить его следующим образом. Три части – самому достойному из своих детей от первого брака – Константину, Сергею или Антиоху, за исключением Матвея, и одну часть – жене Анастасии Ивановне Кантемир, урождённой княжне Трубецкой, и их совместной дочери Екатерине-Смарагде [12, Л. 2–4].

Вместе с тем наследники не могли добровольно разделить имущество, поэтому вмешаться в этот вопрос потребовалось императрице. Согласно жалованной грамоте императрицы Анны Иоанновны от 12 мая 1732 года имущество светлейшего князя Д. К. Кантемира было разделено между его старшим сыном от первого брака Константином и женой от второго брака Анастасией Ивановной из расчета: три части – первому и четвертую часть – супруге. В 1747 году, после смерти бездетного князя Константина, имущество перешло к его братьям Сергею и Матвею, а после смерти последнего единственным наследником становится Сергей Дмитриевич. В 1751 году небольшая часть имущества Анастасии Ивановны перешла по наследству к её дочери Екатерине-Смарагде Дмитриевне Кантемир, в замужестве Голицыной [7, Л. 1–2].

Если быть точнее, то в результате вотчина Д. К. Кантемира в Севском уезде Белгородской губернии – слобода Дмитровка с приписными сёлами и деревнями – была разделена на две части: в имении князя К. Д. Кантемира числилось 8352 души мужского пола, а за его мачехой А. И. Кантемир (по второму браку в 1738 году А. И. Гессен-Гомбургской) – 3120 душ [18, С. 136].

28 февраля 1778 года учреждена Орловская губерния, 5 сентября 1778 года законодательным актом было образовано Орловское наместничество, наместником назначен генерал-губернатор, князь Н. В. Репнин. В окончательном

¹ В России до 1740-х годов название Духовной консистории.

варианте Екатерина II утвердила в наместничестве 13 уездов. 21 января 1779 года Орловское наместничество было торжественно открыто.

При образовании Орловского наместничества селение (местечко, слобода) Дмитровское в статусе села вошло в состав Севского уезда. Описание селения и дачи в составе Севского уезда имеется в «Экономических примечаниях к Плану генерального и специального межевания, проведенного в период между 1778 и 1782 годами»: «...села Дмитриевка, Морево, Соломино, Болдыш, Домахово, Кричино Малое, Промклево, Привич, Боброво, Брянцово, Трафимовка, Разветье, Троянова, Осмонь, Чернявка, деревни Горбунова, Веретенина, Трубочина, Алешанка, Талдыкино, Ковелино, Вежонка, Кочетовка, Круглая, Мошки, Ферезевка, Погарищи, Студенок князя Сергея Дмитриева Кантемира, Дмитрия Юрьевича и Николая Ивановича Трубецких; Дмитриевка на правом берегу реки Общерицы и по обе стороны Большой дороги из города Севска в город Лугань, церковь каменная Димитрия Селунского, три дома господских деревянных с плодовитыми и регулярными садами, лавки купеческие деревянные на речке мучная мельница о четырех поставах; ...в дачах земля черноземная, а местами пещана, хлеб и покосы средственны, лес дровяной, крестьяне на оброке...» [11, Л. 6 об.–7].

В описании Орловского наместничества, составленного в 1784 году, указано, что в наместничестве учреждены новые города – Дешкин, Малоархангельск и Лугань. Во исполнение именного указа императрицы от 25 июня 1782 года учреждено городом Дмитровском «...по выгодному положению состоящее в здешнем наместничестве село Дмитровка, куда и все присутственные места из города Лугани с переименованием и всего тамошняго вместо Луганскаго, Дмитровским переведены, что и последовало 2-го сентября того ж году, в городе же

Лугани повелено быть Ратуше. Следовательно, сей город Лугань остается без округа прежде же сего те города как они были простые села и именовались теми ж названиями какие они и по обращении их в города ныне имеют...» [13, Л. 4].

Д. Святский причину образования Дмитровского уезда и переноса административного центра из Лугани в Дмитровск объясняет решением императрицы Екатерины II, находившейся под впечатлением от прошения, поданного Сергеем Дмитриевичем Кантемиром в её адрес. В 1776 году Сергей (Сербан) Кантемир обратился к императрице с прошением, в котором указывал, что на него оказывает давление с высказыванием угроз его двоюродный племянник – полковник Дмитрий, претендующий на наследное имущество – село Дмитровку с приписными сёлами и деревнями. С. Д. Кантемир просит императрицу после его смерти возратить имущество, полученное от казны, обратно государству: «...помянутое мое недвижимое имение, в смерти моей присоединить паки к короне, яко от нея полученное. А дабы я остаток дней моих прожить мог в покое, принять меня в особливое свое матернее защищение и покровительство и для спокойствия моего и жителей удалить его, князя Дмитрия, куда заблагоразсудите». После подачи этого прошения полковник Дмитрий был арестован, а после смерти его дяди имение перешло государству [16, С. 144–145].

Возможно, Екатерина II действительно прониклась прошением С. Д. Кантемира, но, скорее, решение об образовании Дмитровского уезда и переноса административного центра из Лугани в Дмитровск действительно было связано с тем, что Дмитровск занимал более выгодное положение, нежели Лугань. При образовании уездов на территории Орловской губернии императрица рассматривала несколько вариантов, в том числе предложенные генерал-губернаторами Д.В. Волковым и Н. В. Репниным, которые лично

объезжали территории накануне реформы. Было понятно, что Севский уезд занимает большую территорию и не вписывается в количественный принцип о числе населения в уезде в силу положений учреждений 1775 года. Оба объездчика предлагали императрице отделить от Севского уезда территорию Комарицкой волости. Д. В. Волков предлагал создать в той местности Упорской уезд с центром в селе Упорой¹, а Н. В. Репнин предлагал большую часть Комарицкой волости объединить в Луганский уезд с центром в дворцовом селе Лугань.

В результате при образовании Орловской губернии одним из вновь образованных уездов стал Луганский уезд с центром в городе Лугани. Этот уезд был сформирован из частей территорий Севского, Брянского, Кромского и Карачевского уездов [13, Л. 3 об.–4]. Однако из анализа плана генерального и специального межевания Луганского уезда, составленного не позднее 1782 года, следует, что административный центр уезда – город Лугань – расположен в юго-восточной части уезда. Поэтому, чтобы добраться до административного центра уезда, например, из северной или восточной его части, необходимо было проехать через весь уезд. В связи с этим расположение тогда ещё села Дмитровского с его развитой для села инфраструктурой (усадебой, мельницей, купеческими лавками и т. п.) действительно было более удобным для территории уезда и ближе к губернскому центру.

В 1783 году в городе Дмитровске и уезде штат присутственных мест состоял из следующих персоналий. Городничий – коллежский ассессор Тимофей Григорьевич Карташев. В уездном суде: судья – секунд-майор Афанасий Иванович Шишкин; дворянские заседатели – капитан Григорий Ушаков, поручик Степан Мачехин; секретарь – Михаил Ромашов. В

дворянской опеке предводитель уездного дворянства – секунд-майор Иван Евтихьевич Сафонов или капитан Иван Симонович Коренев. В нижнем земском суде: земский исправник – капитан Данила Хотимский; дворянские заседатели – подпоручик Александр Коренев, прапорщик Гаврила Палехин; секретарь – коллежский регистратор Алексей Завьялов. Уездный стряпчий – корнет Семён Башкатов. Уездный землемер – Иван Мадин. Доктор не указан. Приставы: винный – корнет Иван Бурков, соляной – капитан Алексей Безобразов [6, С. 258–259].

16 января 1784 года утверждён план города Дмитровска. По плану предполагалось разделение города по кварталам с указанием мест для постройки деревянных казенных, публичных и обывательских домов и прочих строений. Границы города рекомендовалось обнести валом и рвом (ПСЗРИ. Собрание первое. Книга чертежей и рисунков (планы городов). С. 227).

Из описания Орловского наместничества, составленного в 1784 году, следует, что город Дмитровск располагался на почтовой дороге, лежащей от Орла в Севск и далее к границе Орловской губернии по дороге к Киеву и идущей от города Дмитровска в Карачев [13, Л. 11 об.–12 об.].

В августе 1785 года с ревизией Орловское наместничество посетили сенаторы А. В. Нарышкин и граф А. Р. Воронцов, которые из статистических сведений отмечали, что в Дмитровской округе числилось 46 дворянских домов и один владельческий завод. Общие доходы в округе по состоянию на 1 августа 1785 года составили 19 861 рубль 73 $\frac{1}{4}$ копейки, которые сложились за счёт продажи соли на сумму 18 315 рублей 5 $\frac{1}{2}$ копейки и вина на сумму 1546 рублей 68 копеек². По четвертой ревизии (1782 г.) и причисленными после этой ревизи

¹ Сейчас село Упорой Домаховского сельского поселения Дмитровского района Орловской области.

² По количеству доходов Дмитровск опережал города Болхов, Кромы, Дешкин и Малоархангельск.

зии в городе Дмитровске числилось население мужского пола в количестве 929 душ, из них 124 купца и 237 мещан; крестьян: купленных в казенном ведомстве от князей Трубецких – 71, помещичьих – 225, священнослужительских – 1; малороссиян: казённых – 98, помещичьих – 153, персиян – 3, евреев – 2, волохов – 5, выходцев – 10. В Дмитровской округе в тот период числилось мужского пола 33 863 души, из них однодворцев – 228; крестьян: экономических – 1473, помещичьих – 31 226, однодворческих – 11; малороссиян: экономических – 25, помещичьих – 93, отставных солдат – 87, церковнослужителей – 720 [8, Л. 2 об., 38 об.–39, 74 об.–75].

В топографическом описании Орловского наместничества от 1787 года при описании Луганского уезда¹ указано, что он граничит с Севским, Кромским, Карачевским и Трубчевским уездами Орловского наместничества. В августе в уезде сеют озимый хлеб – рожь и пшеницу, урожай собирают в июле. В апреле и мае сеют яровые пшеницу, овёс и в большом количестве конопляное семя, собирают урожай в августе и сентябре. Урожай бывает посредственный, а в 1744 и 1779 неурожайных годах был голод. В уезде нет ни одной знатной реки. 4 февраля 1779 года в административном центре уезда – городе Лугани председателем Гражданской палаты Д. С. Копьевым были открыты присутственные места: уездный суд, дворянская опека, нижний земский суд, правление городничего и казначейство [14, Л. 42 об.–43 об.]. После переноса столицы уезда в город Дмитровск присутственные места были переведены в новый административный центр уезда.

В 1787 году в городе был построен деревянный храм и освящён во имя иконы Казанской Божьей Матери, приход образовался из части

прихода Дмитриевской церкви. В 1789 году в городе была перестроена Дмитриевская церковь в каменный храм с двумя престолами: во имя святого великомученика Димитрия Мироточивого Солунского Чудотворца и во имя святого равноапостольного царя Константина и матери его Елены. К замечательным предметам храма была отнесена икона Корсунской Божьей Матери, которую, по преданию, Пётр Великий благословил Кантемира при переходе в русское подданство [4, С. 177–179].

11 августа 1791 года городу Дмитровску присвоен бывший герб города Лугани после упразднения последнего. Герб утверждён 16 августа 1791 года. Щит разделён на две части: в верхней изображён герб губернского города Орла, а в нижней – баран в зелёном поле [2, С. 546].

По результатам 5-й ревизии численность Дмитровска и его уезда составляла в городе Дмитровске 2446 жителей обоего пола, из них купцов – 235 мужчин и 215 женщин; мещан – 842 мужчины и 842 женщины; экономических крестьян – 20 мужчин и 21 женщина; экономических малороссиян – 91 мужчина и 97 женщин; владельческих крестьян – 34 мужчины и 49 женщин. В Дмитровском уезде проживало 59 923 жителя, из них однодворцев – 241 мужчина и 241 женщина, их крестьян – 5 мужчин и 2 женщины; удельных крестьян – 17 мужчин и 19 женщин, удельных малороссиян – 13 мужчин и 9 женщин; владельческих крестьян – 30 086 мужчин и 29 290 женщин. Всего в Дмитровске и Дмитровском уезде проживало 62 369 человек, из них 31 584 – мужского пола и 30 785 – женского пола [9, Л. 1].

В начале XIX века при описании города Дмитровска указано, что город располагается на правом берегу речки Общерицы, в 1182 верстах от города Санкт-Петербурга, в 452 верстах от Москвы и в 84 верстах от губернского центра Орла. В городе имеется одна каменная и одна

¹ В тот период уезд уже носил название «Дмитровский».

деревянная церкви. Из строений в городе значились: казённых питейных домов – 4; торговых лавок: каменных – 10, деревянных – 51; обывательских домов: каменных – 20, деревянных – 353; мельница – 1. На тот период в Дмитровском уезде числилось 6 каменных и 48 деревянных церквей; домов господских – 1 каменный и 31 деревянный; 2 винокурных завода и 84 водяные мельницы [10, Л. 1–2]. В том, что город Дмитровск, за небольшим исключением, выглядел именно так в конце XVIII века, нет никаких сомнений.

Преобразование Луганского уезда в Дмитровский и перемещение административного центра из Лугани в Дмитровск оставили свой отпечаток и на должностных лицах этого субъекта. Так, предводителями уездного дворянства были избраны: капитан Иван Симонович Коренев (1779–1784 гг.), секунд-майор Иван Евтихьевич Са-фонов (1782–1791 гг.), гвардии прапорщик Афанасий Дмитриевич Рагозин (1794 г.) [3, С. 27–28].

12 декабря 1796 года ликвидировано наместничество и утверждена Орловская губерния. В 1797 году Дмитровский уезд был ликвидирован, а его территория была распределена между соседними уездами. Упразднение и распределение ликвидированных уездов поручено губернской власти [1, С. 14].

В силу описанных выше событий все кантемировские имения перешли в казну, и в 1797 году значительная часть их была пожалована императором Павлом I канцлеру князю Александру Андреевичу Безбородько, кроме разросшегося упразднённого города – села Дмитриевка [15, С. 558].

Основной причиной ликвидации Дмитровского уезда, равно как и других ликвидированных уездов Орловской губернии – Малоархангельского и Дешкинского, послужило то обстоятельство, что это были вновь образованные в ре-

зультате губернской реформы города с уездами, которые за довольно короткий период времени не смогли развиваться должным образом, как другие уезды губернии, существующие с древних времён. Во вновь образованном административном центре – городе Дмитровске, существовавшем всего с 1782 года, численность городского населения и населения уезда, а также развитие промышленной инфраструктуры в субъекте не получили активного экономического роста, что не вызвало сомнений в дальнейшей перспективе указанной АТЕ с учётом экономической политики правительства Павла I.

Тем не менее, как оказалось в объективной реальности, отсутствие ликвидированного субъекта создавало иные трудности и проблемы, в связи с чем в 1802 году уже правительством императора Александра I город Дмитровск был восстановлен, на этот раз уже окончательно, и к нему была приписана территория бывшего его уезда [1, С. 14–15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги размышлений о положении города Дмитровска и Дмитровского уезда в XVIII столетии, в период губернских реформ Екатерины II и Павла I, необходимо отметить, что исследуемых административно-территориальных единиц в полной мере коснулись преобразования того периода. Особенность основания селения и его дальнейшего развития связана с тем, что процесс сопровождался повелениями высших коронованных правителей государства. Само по себе селение Дмитровское, которое в будущем стало административным центром, появилось благодаря Петру I. Статус города селение получило по именному указу Екатерины II. При этом Дмитровск был образован как новый субъект в ходе губернской реформы императрицы не с момента начала реформы, а в ходе нее с учётом положительных перспектив.

Указом от 5 сентября 1778 года было учреждено Орловское наместничество из 13 уездов, в состав которого был включён вновь образованный Луганский уезд со столицей в городе Лугани. В 1782 году произошли основные преобразования Луганского уезда, когда село Дмитровское стало городом Дмитровском – административным центром одноимённого уезда, образованного из переименованного Луганского уезда с одновременным упразднением города Лугани.

После получения статуса центра АТЕ город Дмитровск, а также уезд вступили в период активного развития. Город Дмитровск получил план, а уезд – герб. В административный центр были переведены присутственные места, появились чиновники, стало увеличиваться городское население. В городе и уезде стали появляться новые промышленные объекты, развивалось сельское хозяйство.

Окончательные преобразования Дмитровска и Дмитровского уезда в XVIII веке произошли в период губернской реформы Павла I, когда было уменьшено количество уездов в губернии. Тогда молодые административно-территориальные единицы были ликвидированы, а территория Дмитровского уезда была разделена между соседними уездами. Начало XIX века стало периодом новых реформ, которые восстановили субъектность Дмитровска и Дмитровского уезда.

Библиография / References:

1. Административно-территориальное деление Орловской области 1928–2011 гг.: Справочник: В 2 т. – Т. 1. – Орёл: Картуш, 2014. – 428 с.
2. Городские поселения в Российской империи / [сост. по приказанию Министерства внутренних дел]. Т. 3. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1865. – 684 с.
3. Губернский служебник, или Список генерал-губернаторам, правителям, поручикам правителя, председателям уголовной и гражданской палат и

дворянским предводителям в 47 наместничествах (губерниях) (1777–1796 гг.). Сост. кн. Н. Туркестановым. – Санкт-Петербург: Типография В.В. Нусвальта, 1869. – 143 с.

4. Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I: Болховский – Кромский уезды. – Орёл, 1905. – 502 с.

5. Материалы для истории церквей Брянского края. Сост. Г.И. Холмогоров. – Брянск: Группа компаний «Десяточка» (изд-во «Белобережье»), 2010. – 452 с.

6. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1783 от Рождества Христова. – СПб., 1783. – 488 с.

7. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 154. – Оп. 1. – Д. 80.

8. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1261. – Оп. 12. – Д. 147.

9. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Д. 944.

10. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Д. 961.

11. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Д. 1015.

12. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1374. – Оп. 1. – Д. 139.

13. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 18901.

14. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 18903.

15. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 2: Среднерусская Чернозёмная область / Под ред. В.П. Семёнова-Тянь-Шанского. – СПб., 1902. – 724 с.

16. Святский Д. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. – Орёл: Типография Хализева, 1908. – 152 с.

17. Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII – XX вв. // Логос. – 2005. – № 1 (46). – С. 65–101.

18. Черников С.В. Дворянские имения Центрально-Чернозёмного региона России в первой половине XVIII века. – Рязань, 2003. – 348 с.

1. Administrativno-territorial'noye deleniye Orlovskoy oblasti 1928–2011 gg. [Administrative-territorial division of the Orel region 1928–2011]: Spravochnik: V 2 t. – T.1. – Orol: Kartush, 2014. – 428 s. (In Russ.).
2. Gorodskiye poseleniya v Rossiyskoy imperii [Urban settlements in the Russian Empire] / [sost. po prikazaniyu Ministerstva vnutrennikh del]. T.3. – SPb.: Tip. Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1865gg. – 684s. (In Russ.).
3. Gubernskiy sluzhebnyk ili Spisok general-gubernatoram, pravatelyam, poruchikam pravatelya, predsedatelyam ugovnoy i grazhdanskoy palat i dvoryanskim predvoditelyam v 47 namestnichestvakh (guberniy) [Provincial service book or List to governors-general, rulers, lieutenants of the ruler, chairmen of the criminal and civil chambers and leaders of the nobility in 47 governorships (provinces)] (1777 – 1796 g). Sost. Kn. N. Turkestanovym. Sanktpeterburg, v tipografii V.V. Nusval'ta, 1869. – 143s. (In Russ.).
4. Istoricheskoye opisaniye tserkvey, prikhodov i monastyrey Orlovskoy yeparkhii. T.I: Bolkhovskiy-Kromskiy uyezdy [Historical description of churches, parishes and monasteries of the Orel diocese]. – Orel, 1905. – 502s. (In Russ.).
5. Materialy dlya istorii tserkvey Bryanskogo kraya. [Materials for the history of churches in the Bryansk region] Sost. G.I. Kholmogorov. – Bryansk: Gruppa kompaniy «Desyatichka» (izd-vo «Beloberezh'ye»), 2010. – 452 s. (In Russ.).
6. Mesyatsoslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto 1783 ot Rozhdestva Khristova [Monthly book with a list of officials in the state for the summer of 1783 from the Nativity of Christ]. – SPb., 1783. – 488s. (In Russ.).
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 154, Op. 1, D. 80. (In Russ.).
8. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 1261, Op. 12, D. 147. (In Russ.).
9. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 1355, Op. 1, D. 944. (In Russ.).
10. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 1355, Op. 1, D. 961. (In Russ.).
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 1355, Op. 1, D. 1015. (In Russ.).
12. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 1374, Op. 1, D. 139. (In Russ.).
13. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv. F. 846, Op.16, D.18901. (In Russ.).
14. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv. F. 846, Op.16, D.18903. (In Russ.).
15. Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva. T.2: Sredne-Russkaya Chernozomnaya oblast' [A complete geographical description of our fatherland. Vol. 2: Central Russian Chernozem Region] / Pod red. V.P. Semonova-Tyan-Shanskogo. – SPb, 1902. – 724s. (In Russ.).
16. Svyatskiy D. (1908) Istoricheskiy ocherk gorodov Sevskaya, Dmitrovskaya i Komaritskoy volosti [Historical sketch of the cities of Sevska, Dmitrovskaya and Komaritskaya volost]. – Orol Tipografiya Khalizeva. – 152s. (In Russ.).
17. Tarkhov S.A. (2005) Izmeneniye administrativno-territorial'nogo deleniya Rossii v KHIII-KHXX vv. [Changes in the administrative-territorial division of Russia in the 13th-20th centuries] // LOGOS. – №1(46). – S. 65–101. (In Russ.).
18. Chernikov S.V. (2003) Dvoryanskiye imeniya Tsentral'no-Chernozomnogo regiona Rossii v pervoy polovine XVIII veka [Noble estates of the Central Black Earth region of Russia in the first half of the 18th century]. – Ryazan'. – 348s. (In Russ.).

УДК 616-036.22 (479)(091)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-178-190

ГЕРМАН Роман Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт – филиал (Россия, Будённовск), e-mail: romger@mail.ru, Author ID: 296882

GERMAN R.E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Stavropol State Pedagogical Institute – branch (Russian Federation, Budennovsk), e-mail: romger@mail.ru

**БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ КАК ФАКТОР ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ
ПРОСТРАНСТВА КAVKAZA В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

**THE FIGHT AGAINST EPIDEMICS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN
EMPIRE IN THE CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY**

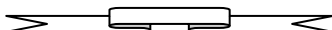
Аннотация. Целью статьи является рассмотрение процесса борьбы с эпидемиями как одной из стратегий распространения власти Российской империи на территорию Кавказа. Эпидемические заболевания играли важную роль в комплексе факторов, препятствовавших освоению Кавказа Российской империей. В ходе освоения территории Черноморского побережья Кавказа российским войскам приходилось противостоять не только недружественному местному населению, но и малярии («лихорадке»), из-за которой смертность в гарнизонах российских укреплений на Чёрном море была очень высокой. Автором определено, что степень заболеваемости эпидемиями в войсках была напрямую связана с тем, насколько серьёзно фактор эпидемий воспринимали военачальники, командовавшие этими войсками, и каким образом командование смогло организовать реализацию комплекса мер по противодействию эпидемии. Борьба с эпидемиями рассмотрена в контексте комплекса факторов, способствовавших их распространению – непрекращающихся военных действий и передислокации войск, жаркого климата, недостатка воды, растянутости коммуникаций, нехватки квалифицированных медицинских кадров, несоблюдения мер санитарии и гигиены в частях и подразделениях российских войск на Кавказе. Показаны факторы, способствовавшие снижению остроты эпидемической ситуации в регионе – использование новых лекарств, карантинно-кордонная служба, повышение требований к санитарии и гигиене в войсках, привлечение квалифицированных военных врачей, использование на практике результатов их исследований.

Ключевые слова: Кавказ, эпидемии, российские войска на Кавказе, медицина, Российская империя, противоэпидемические меры.

Abstract. The purpose of the article is to consider the process of fighting against epidemics as one of the strategies for extending the power of the Russian Empire to the territory of the Caucasus. Epidemic diseases played an important role in the complex of factors that prevented the development of the Caucasus by the Russian Empire. During the development of the territory of the Black Sea coast of the Caucasus, Russian troops had to resist not only the unfriendly local population, but also malaria ("fever"), due to which the mortality rate in the garrisons of Russian fortifications on the Black Sea was very high.

The author determined that the degree of incidence of epidemics in the troops was directly related to how seriously the epidemic factor was taken by the military leaders who commanded these troops and how the command was able to organize the implementation of a set of measures to counter the epidemic. The fight against epidemics is considered in the context of a complex of factors that contributed to their spread - ongoing hostilities and redeployment of troops, hot climate, lack of water, lengthy communications, lack of qualified medical personnel, non-compliance with sanitation and hygiene measures in units and subunits of Russian troops in the Caucasus. The factors that contributed to reducing the severity of the epidemic situation in the region are shown - the use of new drugs, quarantine cordon service, increased requirements for sanitation and hygiene in the troops, the involvement of qualified military doctors, and the practical use of the results of their research.

Keywords: Caucasus, epidemics, Russian troops in the Caucasus, medicine, Russian Empire, anti-epidemic measures.

ВВЕДЕНИЕ

Российская империя в ходе освоения Кавказа и включения его в российское государственно-правовое и цивилизационное пространство столкнулась не только с вооруженным сопротивлением местного населения, но и с рядом факторов природно-биологического характера, к числу которых мы относим и эпидемические заболевания. По мере распространения российской власти на Кавказе снижалась и острота проблемы эпидемий. В настоящее время эпидемические заболевания остаются одной из актуальных проблем, угрожающих будущему всего человечества. Изучение исторического опыта реализации комплекса противоэпидемических мероприятий обладает достаточной степенью актуальности и в наши дни; кроме того, история освоения окраин империи, поднятия их на новый цивилизационный уровень, в частности такого региона, как Кавказ, особенно актуальна сегодня.

Изученная в представленной статье проблема – борьба с эпидемиями как фактор освоения Российской империей пространства Кавказского региона в первой половине XIX века – имеет определенную степень разработанности в исторической и медицинской науке. История медицины на Кавказе подробно рассмотрена в работе Василенко В. Г. [6]. История борьбы с эпидемиями – в работе Васильева К. Г., Сегала А. Е. [7]. Особенности эпидемий на Кавказе с медицинской точки зрения изучены в работах Грижебовского Г. М. [10] и Котенева Е. С., Дубянского В. М. и др. [15]. Деятельность врачей по противодействию эпидемическим заболеваниям рассмотрена в историко-медицинских исследованиях, посвященных вкладу отдельных врачей в медицинскую науку. Это работы Соколова М. Г. [19] и Адаменко А. М.,

Кошелева В.П. [1]. Особенности войны и организации военной медицины на Кавказе, деятельности военачальников по противодействию эпидемиям описаны в работах военных историков – Голицына Н. Б. [8], Раковича Д. В. [18], Эсадзе С. [25]. Несмотря на изученность отдельных аспектов, история борьбы с эпидемиями в период Кавказской войны нуждается в систематизированном изучении, попытка которого и представлена в данной статье.

Историческими источниками исследования послужили воспоминания военачальников – Ермолова А. П. [11; 12], Филиппсона Г. И. [22] и др. [14; 16] – о ходе боевых действий на Кавказе и быте войск. Отдельной группой источников выступают сочинения врачей, в которых изложены представления о мерах противодействия эпидемиям. К числу таких сочинений можно отнести работы Пикулина Л. [17], Топорова Н. И. [20], Фавра В. В. [21], Чаруковского А. А. [23], Четыркина Р. С. [24].

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ

Целью статьи является изучение истории борьбы с эпидемиями как фактора освоения Российской империей пространства Кавказского региона в первой половине XIX века. Для достижения цели необходимо решить комплекс задач: показать особенности Кавказского региона с военно-стратегической и эпидемиологической точек зрения; рассмотреть деятельность российских военачальников и врачей по противодействию распространению эпидемических заболеваний; выявить взаимосвязь между процессами борьбы с эпидемиями и освоением территории Кавказа как части российского цивилизационного пространства.

МЕТОДЫ

Для реализации поставленных в иссле-

довании задач были использованы историко-генетический метод, позволивший рассмотреть историческую эволюцию мер противодействия эпидемиям на пространстве Кавказского региона в первой половине XIX века, и историко-системный, давший возможность рассмотреть меры борьбы с эпидемиями в системной взаимосвязи друг с другом и с иными направлениями деятельности российской администрации на Кавказе, направленной на цивилизационное освоение региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Одним из направлений деятельности как подразделений Российской армии на Кавказе, так и гражданской администрации была борьба с эпидемическими болезнями. Более того, противодействие эпидемиям стало одним из направлений распространения власти Российской империи на пространство Кавказского региона. Периодически случавшиеся вспышки эпидемических заболеваний были одним из факторов, существенно затруднявших освоение Кавказского региона Российской империей. Американский исследователь-кавказовед Т. Баретт писал о том, что покорение Кавказа стало тяжелым испытанием для Российской империи как с точки зрения создания там системы сельскохозяйственного производства, способного хотя бы частично удовлетворить потребности Российской империи на Кавказе, так и с точки зрения преодоления негативного воздействия эпидемических заболеваний. Причинами высокой смертности как среди солдат, так и среди крестьян-переселенцев были такие заболевания, как чума, малярия, тиф, цинга и холера [3].

Непривычный климат и наличие природных очагов эпидемических заболеваний [15] оказывали самое непосредственное влияние

на характер Кавказской войны, в том числе на структуру боевых (безвозвратных и санитарных) потерь. По подсчетам современных исследователей, количество умерших от эпидемических заболеваний в три раза превышало количество убитых во время боевых действий.

Следует отметить, что не только наличие природных очагов эпидемических и инфекционных заболеваний на Кавказе, но и жаркий и влажный климат, отсутствие источников чистой питьевой воды, и, как следствие этого, слабое соблюдение нижними чинами российских войск на Кавказе санитарно-гигиенических требований, особенно на начальном этапе Кавказской войны, теснота при размещении частей и подразделений в казармах и домах местного населения, питание, не отвечающее нормам калорийности, и включение в рацион сырых овощей и фруктов – все эти факторы самым существенным образом отражались как на соматическом здоровье военнослужащих кавказских войск, выступая в качестве источника небоевых потерь, так и на морально-психологическом климате в войсках.

От эпидемий страдало население и войска не только на Северном, но и на Южном Кавказе. Так, командующий Отдельным Грузинским (впоследствии Кавказским) корпусом генерал А. П. Ермолов отмечал, что население Имеретии эпидемией чумы (моровой язвы) сокращено более чем вдвое [12].

К числу заболеваний, широко распространенных среди личного состава Отдельного Кавказского корпуса, можно отнести лихорадки. Так, среди войск, расквартированных около Санкт-Петербурга, больных «перемежающимися лихорадками» было 3,5 % от общего числа всех заболевших, а в кавказских войсках, в целом страдающих от

этой болезни, было 56 %, в войсках, дислоцировавшихся на Черноморском побережье, которое в рассматриваемый период имело репутацию «малярийной местности», – 62 % [13, С. 102]. Малярия не относится к числу эпидемических заболеваний, тем не менее смертность от нее была очень высокой. Влажный и жаркий климат Черноморского побережья Кавказа, большое количество болот создавали идеальные условия для малярийных комаров – основных переносчиков заболевания, что приводило к потерям в войсках, превышавшим количество погибших в боевых столкновениях с горцами. Одним из врачей-исследователей отмечалось, что особенностью военных действий с Османской империей были высокие потери среди личного состава, причинами которых были не только и не столько «вражеские пули», сколько малярия, причем болезни, санитарные потери – даже в большей степени, чем непосредственно боевые действия [21, С. 9–10].

Ситуация существенно изменилась в конце 40-х гг. XIX в., когда личный доктор наместника Кавказа Михаила Воронцова Эраст Андреевский издал наставление для врачей, прикомандированных к воинским частям и подразделениям или служивших в госпиталях, в котором предписывалось применять хинин в больших дозах для лечения малярии. Освоение Российской империей, а затем СССР Черноморского побережья Кавказа, осушение болот во многом снизили остроту эпидемической ситуации. Окончательно победить малярию в регионе удалось в 50-е гг. XX века благодаря усилиям врача С. Ю. Соколова.

Как отмечалось выше, основным средством борьбы с лихорадками на Кавказе в рассматриваемый период было увеличение

винной порции с добавлением хинина. Н. И. Топоров, служивший главным врачом Кутаисского военного госпиталя, в исследовании по медицинской географии Кавказа указывал, что до начала использования хинина в качестве основного средства борьбы с лихорадками в укреплениях, расположенных на побережье Черного моря, личный состав гарнизонов обновлялся полностью за 3–4 года [20, С. 7]. К примеру, в крепости Святого Духа, расположенной на реке Мзымте, в течение 6 лет жертвами эпидемий стали 900 военнослужащих, что соответствовало полной численности гарнизона [14, С. 246].

Помимо особенностей местности, другой причиной большого количества жертв лихорадок была нехватка квалифицированного медицинского персонала, что, естественно, напрямую отражалось на качестве и эффективности медицинских процедур. По воспоминаниям генерала от инфантерии Г. И. Филиппсона, с 1845 года занимавшего должность начальника штаба войск Кавказской линии, в военном госпитале в Поти единственный фельдшер занимался приготовлением лекарств «невинного свойства» [22, С. 136].

Невысокого мнения о медицинских кадрах, служивших на Кавказе в первые десятилетия XIX века, был и А. С. Грибоедов, в 1819 году попавший в карантин в крепости Анаури в Грузии. Писатель и дипломат жаловался на холод в жилище и отсутствие дров, тогда как рядом был лес; комнату, в которой он проживал, иногда заливало водой по колени; врач, распоряжавшийся в карантине, характеризовался им не иначе как «маленький, глупенький доктор», который «вертится на одной ножке» [9, С. 420].

Г. И. Филиппсон указывает, что причинами высоких потерь среди личного состава в

укреплениях, расположенных на побережье Черного моря, было недостаточное и лишенное витаминов питание, что объяснялось растянутостью коммуникаций, расположением укреплений в заболоченной местности с «лихорадочным» климатом [22, С. 108]. Военачальник сообщал императору Николаю I о высокой смертности среди военнослужащих в черноморских укреплениях, обращаясь с просьбой, чтобы нижним чинам год службы засчитывался за два. В 1840 году в соответствии с императорским указом «...штаб- и обер-офицерам Навагинского и Тенгинского полков и десяти черноморских батальонов был сокращен один год от срока выслуги ордена Святого Георгия, а всем нижним чинам срок службы сокращался на один год» [25, С. 76].

После введения употребления хинина количество умерших от малярии в российских войсках на Кавказе хоть и существенно снизилось, но всё еще оставалось высоким. Следует учитывать и то, что после выздоровления военнослужащие, перенесшие лихорадку, долгое время были ослаблены и очень долго восстанавливались, человек просто не в состоянии был в полной мере выполнять возложенные на него обязанности, определенные уставами и самой сутью военных действий.

К основным причинам смерти военнослужащих в 1820–1827 гг. многие офицеры, служившие на Кавказе, относили не столкновения с неприятелем, а «злокачественную лихорадку... и чахотку». Уменьшение смертности от инфекционных и эпидемических заболеваний, по наблюдениям самих участников событий Кавказской войны, было связано с улучшением санитарного состояния войск. Возводились новые, более просторные казармы, расположения многих постов были

перенесены в более здоровые с точки зрения климата места, также было улучшено питание, мясная и винная порции стали выдаваться дважды в неделю, для больных военнослужащих создавались полковые и батальонные лазареты. Впрочем, лечение в лазаретах не отличалось высокой эффективностью, поскольку в них не хватало помещений, коек, квалифицированного медицинского персонала, а заболевших из подразделений в лазареты отправляли слишком поздно [18, С. 32–34].

К числу факторов, увеличивающих смертность от инфекционных заболеваний, можно отнести также низкий уровень дисциплины среди нижних чинов. Так, во время нахождения на Закавказском театре военных действий в 1827 году причиной вспышки эпидемии брюшного тифа среди военнослужащих стало употребление ими в пищу невымытых фруктов и «стоячей воды из арыков» [18, С. 73–74]. Употребление сырой воды и непроверенной пищи, несоблюдение гигиенических мер военнослужащими становилось причиной кишечных инфекций, в особенности дизентерии, и позднее, в июле 1845 года, во время штурма резиденции имама Шамиля – аула Дарго. После боя солдаты, не евшие в течение долгого времени, «набросились» на неспелую кукурузу и пили воду из горной реки «с жадностью», что привело к вспышке кишечных заболеваний, к тому, что лазарет был переполнен больными, помимо раненых, поступавших с поля боя [16, С. 362].

После прибытия на Кавказскую линию в Тенгинском полку началась эпидемия холеры, а поскольку многие военнослужащие после Закавказского похода были «ослаблены лихорадками», болезнь «вырывала жертвы десятками». Заболевшие содержались вне крепости Темнолесской в палатках; времен-

ный лазарет был оцеплен часовыми, чтобы предотвратить контакты со здоровыми. Холерная эпидемия в итоге задержала начало наступления российских войск на Западном Кавказе в 1830 году [18, С. 90–92].

Сосланный на Кавказ А. А. Бестужев-Марлинский, находясь в Дербенте, в письме родным описывал, что на Кавказе «лихорадка» является «условием бытия», а холера прошла в местностях Кавказа «...как ангел истребления». Эпидемия холеры, по подсчетам Бестужева-Марлинского, унесла в Дербенте более 1500 человек [4, С. 618].

Командир Тенгинского полка С. И. Хлюпин в рапорте 1841 года указывал, что из всего состава полка с трудом можно найти хотя бы 200 человек абсолютно здоровых, которые не находились бы на излечении в госпиталях или в лазарете. Лихорадки, как отмечает офицер, носят жестокий и упорный характер, один и тот же человек может переболеть ею несколько раз, так как болезнь не поддается лечению даже самыми сильными медицинскими средствами [18, С. 276]. К причинам неудовлетворительного санитарного состояния полка С. И. Хлюпин относит также плохое состояние здания полкового лазарета и нехватку квалифицированных медицинских кадров. Строевой лес для нового здания лазарета предполагалось частично вырубить самим по берегам Кубани, а частично выменять у горцев на меновом дворе «за 250 пудов экономической соли» [18, С. 302–303].

Эпидемии «черных болезней» – чумы и холеры – в первой половине XIX века были достаточно частым явлением как в Центральной России, так и на Кавказе. Эпидемии чумы на Кавказе отмечались в 1818, 1828, 1830 и 1840 гг., а холеры – в 1830 и 1855 гг. [6, С. 49–52].

Впервые чума получила распространение

на российском Кавказе в 1798 году, что было связано с переносом источников инфекции из Османской империи.

Через несколько лет, в 1802 году, эпидемия чумы вспыхнула в Тифлисе и на территории Восточной Грузии. В следующем, 1803 году врачебной управой Кавказской губернии был осуществлен комплекс мер против «моровой язвы». Города и сёла, в которых были отмечены случаи этого эпидемического заболевания, были окружены воинскими кордонами, а в Тифлисе и Моздоке были выставлены карантинные заставы. Следует отметить, что эффективность названных мер не была высокой: жители местностей, пораженных эпидемией, обходили выставленные с целью ее сдерживания карантины и кордоны и служили источником инфекции, разнося ее далеко за пределы первичных очагов распространения.

В конце лета 1804 года вспышка эпидемии вновь произошла на Северном Кавказе, в частности в Георгиевске и Александровске, во многих аулах Большой и Малой Кабарды. Эпидемия быстро охватывала места жительства горских племен Кавказа, став причиной множества смертей и полного вымирания ряда аулов, хотя считалось, что в случае возникновения чумы горцы покидали селение, переходя в другое место. В марте 1807 года чума охватила четыре уезда Кавказской губернии, 11 мест «гражданского ведомства» [2, С. 56]. Эпидемия проявилась в ряде мест Грузии и Северного Кавказа – Георгиевске, Владикавказе, Моздоке. Также эпидемия стала причиной запрета посещения минеральных вод [5, С. 201].

В условиях жары лета 1809 года новая эпидемия «моровой язвы» распространилась на границе с Турцией и в Кабарде, а позднее и в Закавказье. Фактором, существенно вли-

явшим на скорость и интенсивность распространения чумной инфекции, были боевые действия в регионе и постоянное движение войск под их воздействием. Войска, возвращаясь на территорию Российской империи после длительной осады Ахалциха, стали источником чумы во многих городах и сёлах Кавказской губернии, где размещались после передислокации [7, С. 228].

Генерал А. П. Ермолов, командовавший Отдельным Кавказским корпусом, к числу главных «зараз» Кавказа также относил моровую язву (чуму) и холеру. Основной причиной стремительного распространения этих болезней и высокой смертности от них военачальник считал пренебрежение требованиями санитарии и гигиены в войсках. При эпидемиях холеры, по мнению генерала, умирал каждый пятый-шестой человек от общего числа заболевших [11, С. 393].

Помимо указанных, причинами распространения эпидемий на Кавказе А. П. Ермолов считал специфику местности и психологию ее обитателей, делающих любые противоэпидемические мероприятия бессмысленными или в лучшем случае малоэффективными. Чиновников и военнослужащих, как он считал, можно заставить соблюдать карантинные меры, чего не скажешь о местных жителях, в особенности мусульманах, которые верят в предопределение. Местные жители имеют родственников в соседних местностях, пользуются тайными тропами, беспрепятственно перемещаются, и прекратить это не представляется возможным даже при всей бдительности карантинно-кордонной стражи, и только «счастье» уберегает войска и мирное население от чумы [12].

Эпидемии оказывали самое непосредственное влияние на военно-политические

события на Кавказе. Ермолов отмечал, что население Малой и Большой Кабарды было настолько сокращено эпидемией моровой язвы (чумы), что кабардинцы не могли собираться большими «партиями» для набегов, от прежних больших селений не осталось следов. Также войскам Кавказской линии запрещалось преследовать немирных горцев, участвовавших в набегах, в их землях из-за боязни заражения чумой, которая распространяется через «Анапу из Константинополя» [12].

О карантинных мерах как средстве борьбы с эпидемиями следует сказать более подробно. Карантины представляли собой военно-санитарные учреждения, создававшиеся на границах местностей с целью не допустить распространения эпидемий. В карантинах все, кто передвигался из одной местности в другую, задерживались для наблюдения и выявления симптомов болезней, для обработки одежды, товаров и багажа. Войска Кавказского корпуса активно привлекались для несения карантинной службы. Все вещи и товары подвергались «карантинному очищению» – опрыскиванию уксусной кислотой.

Для предотвращения распространения холерной эпидемии как среди войск, дислоцированных в губернии, так и среди мирных жителей врачебной управе Кавказской губернии предписывалось реализовывать комплекс мер: все выезжающие задерживались на карантинных заставах на срок до шести суток, а одежда, экипажи и иное имущество подвергалось «очищению» по методике, предписанной карантинным уставом. Направлявшиеся к местам боевых действий войска с особой тщательностью проверялись на наличие носителей инфекционных заболеваний. Занимались осмотром войск как гражданские, так и военные медики.

Командованию российских войск на Кавказе было известно, что в турецких владениях, граничащих с российским Закавказьем, чумные эпидемии почти не прекращаются. Генерал И. Ф. Паскевич, командующий российскими войсками на Кавказе с 1826 по 1831 г., зная об этом, разработал и применил на практике комплекс мер, направленных на недопущение распространения чумной инфекции. Сообщение с действующей армией осуществлялось только посредством карантинных пунктов. После того как случаи чумы всё же были замечены в войсках (первыми заболевшими были пленные турки), был введен дополнительный комплекс мер: войска рассредоточивались таким образом, чтобы между всеми подразделениями, начиная от отдельных палаток и заканчивая полками и батальонами, оставалось свободное пространство. Усиливались санитарно-гигиенические требования к военнослужащим; вводились ежедневные тщательные медицинские осмотры для всех военнослужащих, начиная от нижних чинов и заканчивая старшими офицерами и генералами. Заболевших изолировали, а тех, кто был с ними в контакте, помещали в карантин. Эти меры оказались действенными: через две недели эпидемия прекратилась, и войска возобновили движение [7, С. 258].

Распространение эпидемий существенно влияло на реализацию планов командования Отдельного Кавказского корпуса. Вспышка холеры летом 1830 года заставила командующего войсками на Кавказской линии Г. А. Эммануэля изменить ранее разработанный план действий и ограничиться только передислокацией войск на правом фланге линии [8, С. 273]. Страдали от эпидемических заболеваний и сами войска, что заставляло военачальников на Кавказе обращаться к

высшему командованию с просьбой об увеличении войск.

По свидетельствам очевидцев, холера на Кавказе «свирепствовала жестоко». Впервые она была обнаружена в Лашуринском карантине на реке Терек, к югу от Кизляра. Сразу после начала эпидемии Г. А. Эммануэль направился в Лашуринский карантин, а затем объезжал все места, где регистрировались случаи холеры, и везде организовывал реализацию мер противодействия распространению инфекции. Его стараниями были устроены госпитали и аптеки, направлены лекари. Следует отметить, что вскоре после вступления в должность командующего войсками на Кавказской линии Г. А. Эммануэль составил планы и сметы для строительства аптек в Кавказской области.

По свидетельству самого Эммануэля, в Кавказской области на начало 30-х гг. XIX века было не так уж и много средств для противодействия эпидемии. К их числу Эммануэль относит выбор чиновников, четко выполнявших все его распоряжения, их усердие в выполнении своих обязанностей и «благонамеренность», что немало способствовало успешности реализуемых мер. Во время проведенной по случаю эпидемии ревизии Эммануэль посетил присутственные места Моздока и Кизляра и отметил улучшение их состояния по сравнению с предыдущими годами.

Уровень развития медицины того времени уже позволял заключить, что степень заболеваемости и смертности от холеры напрямую зависит от санитарного состояния населенных пунктов и от организации водоснабжения. Так, отмечалось, что в сёлах Ставропольской губернии, расположенных по берегам реки Кумы, население использовало речную воду для хозяйственно-бытовых нужд

без очистки – смертность составляла 3000 жителей на 100 000 населения. В селениях, где питьевую воду брали из родников или колодцев, смертность от холеры была меньше в 3-4 раза. В целом можно заключить, что высокая степень распространения и смертности от холерной инфекции была обусловлена низким качеством питьевой воды, антисанитарией в населенных пунктах и низким уровнем санитарно-гигиенической культуры населения, обычаями отдельных социальных и этнических групп, религиозным фанатизмом, недостатком подготовленных медицинских кадров, отсутствием системы профилактики [10, С. 13].

Как можно заключить, в условиях ведения боевых действий опасность не меньшую, чем нападения противника, несли эпидемические болезни. Эпидемии снижали общую боеспособность войск, ослабляя здоровье личного состава, нанося материальный ущерб и отрицательно влияя на морально-психологический климат в частях и подразделениях Отдельного Кавказского корпуса. Военные врачи в этих условиях, опираясь на эмпирические данные, разрабатывали и внедряли в армейский быт разного рода способы противоэпидемической профилактики и борьбы с эпидемиями в войсках и препятствования распространению эпидемий.

Еще в первых десятилетиях XIX столетия эпидемию чумы на Кавказе подробно описал Л. Е. Пикулин, который служил старшим лекарем егерского полка, размещавшегося в Грузии. Для противодействия эпидемии он настоятельно рекомендовал строго придерживаться карантинных правил. Также действенными мерами он считал обязательную регистрацию каждого случая заболевания, ускоренные темпы изоляции заболевших, выставление карантинных и оцепление мест-

ностей, в которых началась эпидемия. Источниками заражения, по мнению Л. Е. Пикулина, служат сам заболевший и его вещи [17, С. 124].

Огромное влияние на формирование и развитие системы противоэпидемических мер на Кавказе оказала деятельность военного врача Р. С. Четыркина. Он изучал и разрабатывал средства и способы снижения смертности от эпидемических заболеваний в частях и подразделениях Российской армии, в том числе и тех, которые были расквартированы на Кавказе. Р. С. Четыркин определил, что на всём протяжении Кавказской укрепленной линии по рекам Терек и Сунжа наличествует наибольшая опасность с точки зрения распространения эпидемий. Им были написаны работы о появлении, развитии и прекращении чумной эпидемии в подразделениях Закавказского корпуса в 1828–1829 годах и в русских армиях, воевавших против турок в 1828–1830 годах, разработана система правил, направленная на сохранение здоровья солдат. В работах Р. С. Четыркина предлагался комплекс мер по профилактике и противодействию эпидемическим заболеваниям, а именно: улучшение питания, в том числе отслеживание качества потребляемых продуктов, четкое соблюдение в войсках норм санитарии и гигиены и организация карантинной службы, а также просторное (на больших площадях) размещение солдат, более частая смена мест лагерных стоянок и посещение бань, профилактика простудных заболеваний [1, С. 82]. В целях предотвращения натуральной оспы применялись прививки «коровьей оспы». Как отмечалось в одной из его работ, необходимо обращать внимание на все вопросы, касающиеся сохранения здоровья солдат, и использовать все способы для предупреждения

болезней «...и все меры к ограничению повальности и заразы...» [24, С. 3].

Деятельность Р. С. Четыркина по сохранению здоровья военнослужащих была по достоинству оценена современниками, военными врачами. Я. В. Виллие, занимавший должность главного военно-медицинского инспектора русской армии отмечал, что труд Четыркина необходим, поскольку опыт показывает, что значительное количество солдат погибает большей частью от эпидемических болезней, нежели от неприятельских атак [19, С. 383].

Военным врачом А. А. Чаруковским были разработаны правила, касающиеся гигиены обмундирования, питания, мест проживания, направленные на предотвращение появления и распространения эпидемических заболеваний; подробно была описана медицинская топография Юга России, в том числе Кавказа. Чаруковским также была предложена классификация местностей дислокации войск в зависимости от риска распространения эпидемических заболеваний и, соответственно, дифференциации мер противоэпидемической защиты личного состава [23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, к числу факторов, затруднявших распространение российской власти на пространство Кавказа, наряду с сопротивлением местного населения, непривычным климатом, сложным рельефом местности, растянутостью коммуникаций, с уверенностью можно отнести эпидемические заболевания. Распространению эпидемий способствовали отсутствие источников чистой воды, жаркий (а в отдельных местностях жаркий и влажный) климат, несоблюдение требований санитарии и гигиены в частях и подразделениях российских войск на Кавка-

зе, употребление в пищу сырых овощей, фруктов и воды из непроверенных источников и одновременно недостаточное и лишенное витаминов питание, несоблюдение карантинных требований местным населением, нехватка квалифицированного медицинского персонала. Лишь по мере освоения Россией Кавказского региона, создания медицинской инфраструктуры, строительства лечебных учреждений, подготовки квалифицированных кадров, изучения Кавказа военными врачами и разработки ими противоэпидемических рекомендаций, выполнения этих требований как военнослужащими, так и гражданским населением ситуацию в сфере противодействия эпидемическим заболеваниям удалось изменить в лучшую сторону.

Библиография / References:

1. Адаменко А.М., Кошелев В.П. Вклад военного врача Романа Сергеевича Четыркина в становление и развитие медицины в России // Вопросы питания. – 2014. – Том 83. – № 1. – С. 80–85.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Том III. – Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1869. – 767 с.
3. Баррет Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. – Самара, 2000. – С. 156–184.
4. Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести / Ф.З. Канунова – составление, статья, комментарии. – СПб.: Наука, 1995. – 1256 с.
5. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. В 2-х ч. Ч. 1. – СПб., 1858. – 488 с.
6. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Север-

ном Кавказе (XIX в. – 1940 г.). – Армавир, 2006. – 278 с.

7. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. Материалы и очерки / Под ред. проф. А.И. Метелкина. – М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. – 347 с.

8. Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля. – М.: Рекламно-издательский центр «Собрание», 2004. – 486 с.

9. Грибоедов А.С. Путевые записки: сочинения / подгот. текста, предисл. и коммент. В. Орлова. – М.; Л.: Гослитиздат, 1959. – С. 417–425.

10. Грижебовский Г.М. Холера на Кавказе (теоретические и прикладные вопросы эпидемиологии). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук по специальности 14.00.30 – Эпидемиология. – Ставрополь, 1997. – 70 с.

11. Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. – М., 1991. – 463 с.

12. Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией // Интернет-проект «1812». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Ermolov/part5.html> (дата обращения: 21.11.2022).

13. Жук А.П. Развитие общественно-медицинской мысли в России в 60–70 гг. XIX в. – М., 1963. – 382 с.

14. К. Обзору событий на Кавказе в 1846 г. // Кавказский сборник. – Т. XVII. – Тифлис, 1896. – С. 175–255.

15. Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волынкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2016. – Т. 11, № 4. – С. 612–616.

16. Лисицына Г. Воспоминания генерал-майора Августа-Вильгельма фон Мерклина о Даргинской экспедиции 1845 г. // Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. – СПб., 2000. – С. 360–374.

17. Пикулин Л. Краткое руководство к лечению болезней в пользу новопрактикующих врачей в армии, почерпнутое из сочинений Г. Геккера и Пинеля. – М.: Типография Августа Семена, 1820. – 311 с.

18. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846 гг. – Тифлис, 1900. – 494 с.

19. Соколов М.Г. Роман Сергеевич Четыркин // Медицинский вестник. – 1865. – С. 380–410.

20. Топоров Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающихся лихорадок. – СПб.: Типография Якова Третья, 1864. – 416 с.

21. Фавр В.В. Опыт изучения малярии в России в санитарном отношении. – Харьков, 1903. – 368 с.

22. Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 гг. // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. / сост. и подгот. Я. Гордин; авт. коммент. и указ. Б. Миловидов. – СПб., 2000. – С. 76–197.

23. Чаруковский А.А. Военно-походная медицина. В 5 частях. Ч. 1. – СПб.: Типография И. Воробьева, 1836. – 316 с.

24. Четыркин Р.С. Опыт военно-медицинской полиции, или Правила к сохранению здоровья русских солдат в сухопутной службе. – СПб., 1834. – 269 с.

25. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – Тифлис, 1914. – 120 с.

1. Adamenko A. M., Koshelev V. P. Vklad voennogo vracha Romana Sergeevicha Chetyrki-na v stanovlenie i razvitie meditsiny v Rossii [Contribution of military doctor Roman Sergeevich Chetyrkin to the formation and development of medicine in Russia] // Voprosy pitaniia. 2014. Tom 83, № 1. – Pp. 80-85. (In Russ.).
2. Akty, sobrannye Kavkazskoi arkhograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Tom III. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniia Namestnika Kavkazskogo, 1869. 767 p. (In Russ.).
3. Barret T. M. Linii neopredelennosti: severo-kavkazskii «frontir» Rossii [Lines of Uncertainty: Russia's North Caucasian «Frontier»] // Amerikanskaia rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period. Samara, 2000. – Pp. 156–184. (In Russ.).
4. Bestuzhev-Marlinskii A. A. Kavkazskie povesti [Caucasian Stories] /F. Z. Kanunova – sostavlenie, stat'ia, kommentarii. SPb.: Nauka, 1995. 1256 p. (In Russ.).
5. Varadinov N. Istoriia Ministerstva vnutrennikh del [History of the Ministry of Internal Affairs]. V 2-kh ch. Ch. 1. SPb.: 1858. 488 p. (In Russ.).
6. Vasilenko V. G. Istoriia zdravookhraneniia i meditsinskogo obrazovaniia na Donu i Severnom Kavkaze (XIX v. – 1940 g.) [History of healthcare and medical education in the Don and the North Caucasus]. Armavir: 2006. 278 p. (In Russ.).
7. Vasil'ev K. G., Segal A. E. Istoriia epidemii v Rossii. Materialy i ocherki [The history of epidemics in Russia. Materials and essays]. / Pod red. prof. A. I. Metelkina. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoi literatury, 1960. 347 p. (In Russ.).
8. Golitsyn N. B. Zhizneopisanie generala ot kavalerii Emmanuela [Biography of the General from the cavalry Emmanuel]. M.: Reklamno-izdatel'skii tsentr «Sobranie», 2004. 486 p. (In Russ.).
9. Griboedov A. S. Putevye zapiski [Travel notes] // Griboedov A. S. Sochineniia / Podgot. teksta, predisl. i komment. V. Orlova. M.; L.: Goslitizdat, 1959. – Pp. 417–425. (In Russ.).
10. Grizhebovskii G. M. Kholera na Kavkaze (teoreticheskie i prikladnye voprosy epidemiologii) [Cholera in the Caucasus (theoretical and applied issues of epidemiology)]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora meditsinskikh nauk po spetsial'nosti 14.00.30 – Epidemiologiya. Stavropol': 1997. – 70 p. (In Russ.).
11. Ermolov A. P. Zapiski A. P. Ermolova [Notes by A. P. Ermolov]. 1798–1826 gg. M.: 1991. – 463 p. (In Russ.).
12. Ermolov A. P. Zapiski Alekseia Petrovicha Ermolova vo vremia upravleniia Gruziei [Notes of Alexey Petrovich Ermolov during the administration of Georgia] // Internet-proekt «1812». URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Ermolov/part5.html> (In Russ.).
13. Zhuk A. P. Razvitie obshchestvenno-meditsinskoi mysli v Rossii v 60–70 gg. XIX v. [The development of social and medical thought in Russia in the 60-70 years of the XIX century.]. M.: 1963. 382 p. (In Russ.).
14. K. Obzor sobytii na Kavkaze v 1846 g. [Review of events in the Caucasus in 1846] // Kavkazskii sbornik. T. XVII. Tiflis, 1896. Pp. 175–255. (In Russ.).
15. Kotenev E. S., Dubianskii V. M., Volynkina A. S., Zaitsev A. A., Kulichenko A. N., Kravtsova S. L. Istoriia epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremennyi epidemicheskii potentsial prirodnkh ochagov chumy [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the current epidemic potential of natural plague foci] // Meditsinskii vestnik Severnogo Kavkaza. 2016. T. 11. № 4. Pp. 612-616. (In Russ.).
16. Lisitsyna G. Vospominaniia general-

maiora Avgusta-Vil'gel'ma fon Merklina o Darginskoi ekspeditsii 1845 g. [Memoirs of Major General August-Wilhelm von Merklin about the Dargin expedition of 1845] // Gordin Ia. Kavkaz: zemlia i krov'. Rossiia v Kavkazskoi voine XIX v. SPb.: 2000. – Pp. 360–374. (In Russ.).

17. Pikulin L. Kratkoe rukovodstvo k lecheniiu boleznei v pol'zu novo-praktikuiushchikh vrachei v armii, pocherpnutoe iz sochinenii G. Gekkera i Pinelia [A brief guide to the treatment of diseases in favor of new practitioners in the army, drawn from the writings of G. Hecker and Pinel]. M.: Tipografiia Avgusta Semena, 1820. 311 p. (In Russ.).

18. Rakovich D. V. Tenginskii polk na Kavkaze [Tengin Regiment in the Caucasus]. 1819–1846 gg. Tiflis, 1900. 494 p. (In Russ.).

19. Sokolov M. G. Roman Sergeevich Chetyrkin [Roman Sergeevich Chetyrkin] // Meditsinskii vestnik. 1865. Pp. 380–410. (In Russ.).

20. Toporov N. I. Opyt meditsinskoi geografii Kavkaza otnositel'no peremezhaiushchikhsia likhoradok [The experience of the medical geography of the Caucasus regarding intermittent fevers]. SPb., Tip. Iakova Treia, 1864. 416 p. (In Russ.).

21. Favr V. V. Opyt izucheniiia maliarii v Rossii v sanitarnom otnoshenii [The experience of studying malaria in Russia in sanitary terms]. Khar'kov: 1903. 368 p. (In Russ.).

22. Filipson G. I. Vospominaniia. 1837–1847 [Memories] // Osada Kavkaza. Vospominaniia uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX v. / sost. i podgot. Ia. Gordin; avt. komment. i ukaz. B. Milovidov. SPb.: 2000. Pp. 76–197. (In Russ.).

23. Charukovskii A. A. Voенно-pokhodnaia meditsina [Military field medicine]. V 5 chastiakh. Ch. 1. SPb.: Tipografiia I. Vorob'eva, 1836. 316 p. (In Russ.).

24. Chetyrkin R. S. Opyt voенно-meditsinskoi politsii, ili pravila k sokhraneniuiu zdorov'ia russkikh soldat v sukhoputnoi sluzhbe [The experience of the military medical police, or the rules for preserving the health of Russian soldiers in the land service]. SPb.: 1834. 269 p. (In Russ.).

25. Esadze S. Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voiny. Istorieskii ocherk Kavkazsko-gorskoi voiny v Zakubanskom krae i Chernomorskom poberezh'e [The conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian War. Historical sketch of the Caucasian-Mountain War in the Trans-Kuban region and the Black Sea coast]. Tiflis, 1914. 120 p. (In Russ.).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Среднерусский вестник общественных наук» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

"Journal of Public and Municipal administration" invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.**

**При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.**

Главный редактор П. А. Меркулов

Ответственный секретарь Е. С. Матвеева

Переводчик Е. А. Князькова

Корректор И. Л. Кургузова

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.

Адрес редакции и издателя: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Тел./факс 8(4862)43-20-28.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

по адресу: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Подписано в печать 28.03.2023. Дата выхода тиража в свет 05.05.2023.

Усл. п. л. 12,4.

Формат 70x100 1/16

Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Цена свободная.

© Вестник государственного и муниципального управления

Научно-образовательное издание

№ 1 (47) 2023г.